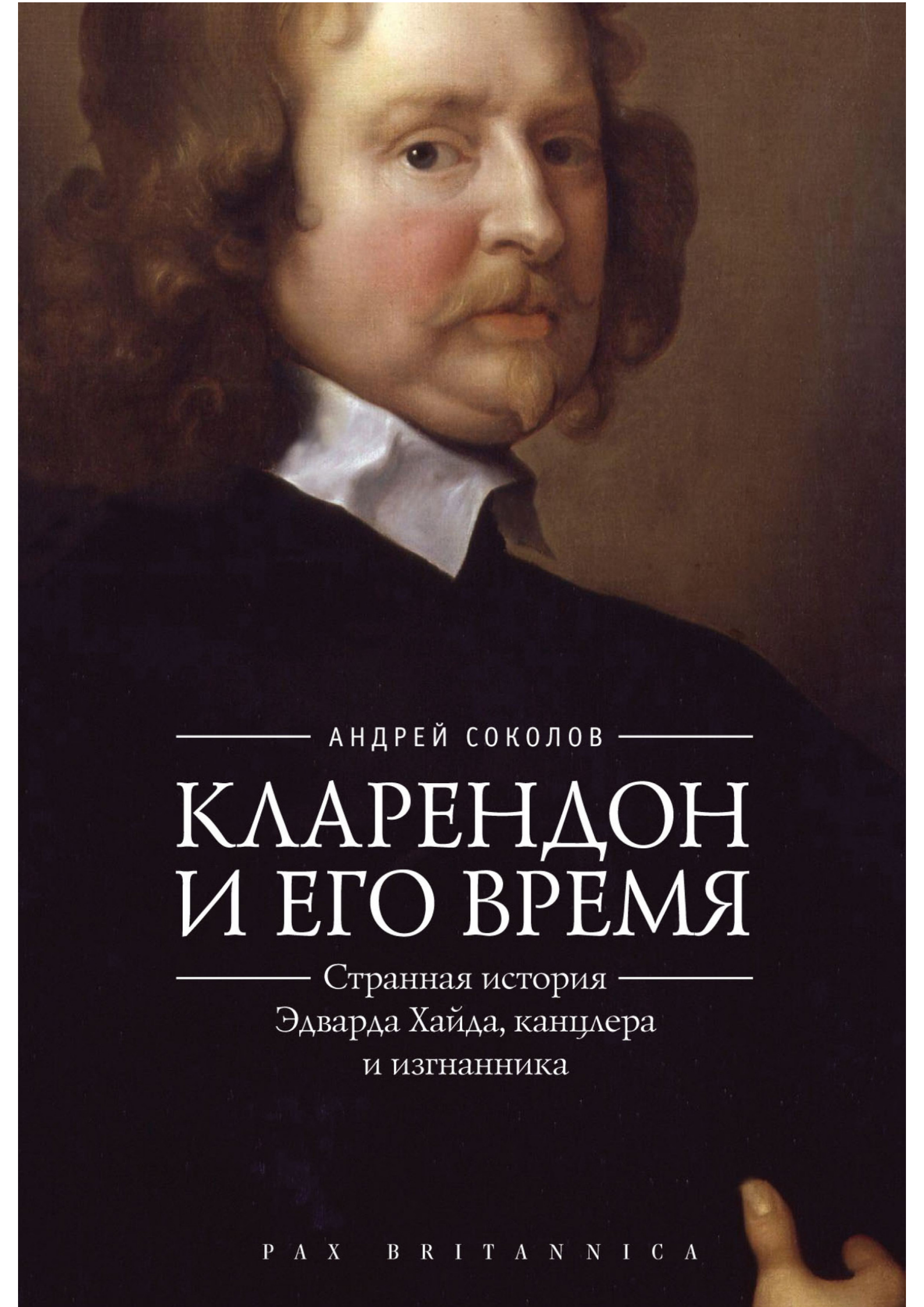

A detailed oil painting of John Clarendon, a 17th-century English statesman. He is depicted from the chest up, wearing a dark, high-collared garment over a white shirt. He has long, wavy brown hair and a light-colored mustache and goatee. His expression is serious, and he is looking slightly to the right of the viewer. The background is a dark, neutral tone.

— АНДРЕЙ СОКОЛОВ —

КЛАРЕНДОН И ЕГО ВРЕМЯ

— Странная история —

Эдварда Хайда, канцлера
и изгнанника

Р А Х   В Р И Т А Н Н И С А

Pax Britannica

Андрей Соколов

**Кларендон и его время.
Странная история Эдварда
Хайда, канцлера и изгнанника**

«Алетейя»

2017

УДК 94(410)"16"
ББК 63.3(4Вел)-8

Соколов А. Б.

Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника / А. Б. Соколов — «Алетейя», 2017 — (Рex Britannica)

ISBN 978-5-906980-45-8

В книге доктора исторических наук Андрея Борисовича Соколова на фоне драматических событий британской истории середины XVII века рассматривается биография Эдварда Хайда, первого лорда Кларендона, политика и мыслителя. Как заметил один американский историк, «если бы не он, история Англия могла стать другой».

УДК 94(410)"16"

ББК 63.3(4Вел)-8

ISBN 978-5-906980-45-8

© Соколов А. Б., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Пролог	13
Глава первая	26
Глава вторая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Борисович Соколов
Кларендон и его время: странная история
Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника

© А. Б. Соколов, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Введение

Начнем с фигуры, никакого отношения к герою этой книги не имеющей. В начале 1886 года шотландский писатель Роберт Льюис Стивенсон, известный всем как автор бессмертного «Острова сокровищ», опубликовал небольшую по объему повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», написанную, как считают литературоведы, под впечатлением «Преступления и наказания» Федора Достоевского. «Странной истории», которую иногда называли высшим достижением Стивенсона, выпала долгая жизнь, экранизировали ее десятки раз. Это повесть о Добре и Зле, о раздвоении личности, о том, что в одном человеке соединены две сущности. Доктор Джекил – образцовый ученый викторианской эпохи, воплощение джентльмена, мистер Хайд, его второе «Я», – грубиян и убийца, средоточие самого омерзительного, существо из лондонских трущоб, способное поднять руку на ребенка и в порыве ярости забить до смерти уважаемого члена парламента. Повесть Стивенсона интерпретировали по-разному: сама ее фабула подталкивала к фрейдистскому пониманию бессознательного как настоящей сущности человеческой личности. С позиции марксистского подхода мистер Хайд – выражение страха респектабельного среднего класса, к которому можно отнести самого Стивенсона, перед появлением гегемона-пролетария.

Не задаваясь анализом интерпретаций литературоведов, не могу отделаться от вопроса, на который не имею ответа. Почему Стивенсон назвал самого отрицательного персонажа, куда более отвратительного, чем пират из «Острова сокровищ» Джон Сильвер, именем и фамилией человека и политика, образ которого ассоциируется с лучшими чертами представителя английской нации? Литературный Хайд вспыльчив и неспособен держать себя в руках, настоящий Хайд, хотя бывал несдержан в разоблачении того, что считал людскими недостатками, кажется, по-настоящему потерял над собой контроль только однажды, когда узнал, что его дочь Анна тайно сочеталась браком с братом короля герцогом Джеймсом Йоркским. Мистер Эдвард Хайд не образован и не отесан, но сэр Эдвард Хайд — не только выдающийся политик, главной заслугой которого стало мирное восстановление монархии Стюартов в 1660 году, но и один из лучших умов своего времени, конституционалист, защищавший права и короля, и парламента, поборник веры и нравственности. Он – историк, впервые полно и систематично рассказавший о событиях, названных Франсуа Гизо позднее, в XIX веке, Английской революцией. Хайд Стивенсона агрессивен и безжалостностен; Хайд исторический миролюбив, чужд насилию, он не участвовал в бесчисленных сражениях гражданской войны и не одобрял, по крайней мере, хотел показать, что не одобряет, политических убийств и жестоких казней. Список различий можно продолжить, однако понятно, что персонаж знаменитого викторианского писателя – антипод своему реальному однофамильцу. Невозможно предположить, что Стивенсон, писавший романы из английской истории, не знал о Кларендоне. Являлось ли достаточным основанием для избрания фамилии отрицательного героя повести ее звучание, связанное с английским глаголом *to hide* (скрываться, прятаться). Персонаж Стивенсона действительно укрывался в трущобах Сохо, или, если хотите, в потаенных местах души доктора Джекила. Почему Эдвард, Нэд? Не потому ли, что так звали легендарного вожака луддитов, разрушителей машин? Что это, шутка гения, или в использовании фамильного имени Кларендона есть «двойное дно», намек на то, что в самых внешне образцовых личностях есть глубины, в которые лучше не заглядывать?

Эдвард Хайд стал графом Кларендоном в 1661 году. Это звучит, как звон колокола, как напоминание о родном графстве Уилтшир – там, недалеко от Солсбери, в средние века стоял королевский охотничий замок. Титул Солсбери носили потомки царедворца Елизаветы и Якова I Роберта Сесила. Хайду досталось графское звание по названию этого места – Кларендон.

Читателям, знакомым с английской историей, название этой книги может показать знакомым. «Кромвель и его время» – так более полувека назад назвал работу по истории Англии XVII века видный советский историк Михаил Барг. Время Кларендона – это время Кромвеля, но включает еще шестнадцать лет, пришедшихся на начало Реставрации и эмиграцию во Францию. Можно ли назвать эпоху революции и Реставрации «временем Кларендона»? На этот вопрос можно ответить утвердительно по двум причинам. Во-первых, фигура Хайда почти сопоставима с Кромвелем, если сменить перспективу и взглянуть на ход событий, не оставаясь в рядах сторонников парламента и протектората, а перейти мысленно к их противникам. Однако многие кавалеры-роялисты, ненавидевшие его, не захотели бы согласиться с этим. Во-вторых, и это главное: истинным летописцем и первым историком той эпохи был Кларендон. В его «Истории мятежа и гражданских войн» и «Жизни Эдварда Хайда, графа Кларендона» есть неточности и односторонность. Кто бы спорил: они написаны с позиций его партии и небеспристрастны. Учитывать это должен любой исследователь. Но это не лишает его сочинения достоверности, степень которой каждый оценит на основе собственных методологических и историографических представлений.

Кларендон несправедливо оттеснен на задний план на сцене английской истории XVII века. В наши дни, когда революция как таковая перестала служить исключительно символом прогресса, а воспринимается одновременно как зло, инструмент разрушения и насилия, приверженность традиции, закону и порядку, ему присущая, заслуживает внимания. Если в истории есть эпохи, которые можно назвать переходными, то более чем столетнее правление Стюартов в Англии относится к их числу. Оно включило явления и события, которые историки разных направлений и взглядов определяют как переломные. К их числу относится Английская революция середины XVII века, которую марксисты характеризовали как буржуазную, установившую в Европе капиталистический порядок, и Славная революция 1688 года, занявшая ключевое место в либеральной концепции истории Англии как событие, обеспечившее переход к правильному конституционному устройству в этой стране. Годы Реставрации (1660–1688) также часто рассматриваются как переходный этап между этими ключевыми событиями британской истории. Хайд, игравший некоторую роль при дворе Карла I во время гражданской войны, был главным «переговорщиком» со стороны роялистов в 1660 году, обеспечив восстановление монархии, признание прав парламента и верховенства закона. По словам одного историка, «без него сам ход английской истории мог стать другим». Примечательно, что две внучки Кларендона стали королевами Англии.

К описанию жизненной истории Хайда можно применить прилагательное «странная» в старинном значении: удивительная, необычная. Судьба не всегда была к нему милостива: долгое изгнание в годы междуцарствия, изгнание и вынужденная эмиграция в последние годы жизни. В литературе и историографии он также остался куда менее приметным, чем яркие современники, такие как граф Страффорд, Оливер Кромвель, маркиз Монтроз, принц Руперт, оба Карла Стюарта и многие другие. Их в силу разных причин романтические образы «затмили» Кларендона, который даже внешне, плотный в молодые годы и толстый в зрелом возрасте, мало подходил на роль героя; он и был не героем на поле сражения, а бюрократом с твердыми политическими, религиозными и моральными принципами. «Герои», такие как его друг и кумир лорд Фолкленд, погибали в сражениях или на эшафоте, как другой его товарищ лорд Кейпл, были украшены шрамами от ран, ему же было уготовано долгие годы страдать от приступов подагры, иногда на несколько недель выбивавших из колеи. Он принадлежал к партии, которую называли «кавалеры», но как мало его образ напоминал их! Его деятельность была направлена на установление господства закона, твердого баланса между монархией и парламентом, сильной англиканской церкви. Его принципы и умеренная политика, в чем-то обогнавшие время, в конечном счете, оказались негодными для любой фракции. В лагере Карла I он считался слишком большим конституционалистом, а при дворе Карла II, отличавшемся

терпимостью и даже фривольностью, он вызывал раздражение осуждением морального разложения и нежеланием угождать окружению монарха. Кларендон был прагматиком, но он не был бессовестным царедворцем, принципы не были для него пустым звуком. В то же время, ставя себя выше большинства окружающих, и не без основания, он допускал, что людям свойственна доля беспринципности, готовность сменить точку зрения, в лучшую или худшую сторону, в зависимости от обстоятельств.

Кларендон был легок в общении далеко не со всеми. Он был подчас излишне прямолинеен, когда надо было промолчать или принять происходившее как данность, поэтому у него не было недостатка ни в друзьях, ни во врагах. С годами друзей становилось меньше, а врагов больше. Королева Генриетта Мария, жена первого Карла и мать второго, была в числе его вечных противников. Однажды она сказала о нем: «Если бы он считал меня шлюхой, то сказал бы мне об этом прямо». Склонность к морализаторству и нравованию, в конце концов, оттолкнула от него Карла II, что сыграло роль в падении его министерства в обстановке многочисленных обвинений. По мнению историка Х. Пирсона, он, по классификации Гиппократ, был холериком, как Петр I, Суворов или Пушкин: человеком порывистым и даже страстным, отдающимся делу, склонным к эмоциональным вспышкам [76, 81].

Кем же был Кларендон, «жирным стряпчим», как называли его враги при дворе, или, по определению писателя XVIII века Хораса Уолпола, «канцлером с человеческим сердцем»? Автор замечательного дневника той эпохи Самюэл Пепис писал о впечатлении, произведенном на него речью Хайда на заседании комитета Тайного совета в присутствии ряда министров и высокопоставленных чиновников: «Я в самом деле влюблен в Лорда-канцлера, поскольку он одинаково хорошо все схватывает и говорит, с величайшей простотой и убежденностью, какой я не видел ни в одном человеке за всю мою жизнь. Я не представляю, как можно говорить доступнее, со знанием того, что присутствующие скорее ниже его, чем наравне с ним. Он, в самом деле, говорит великолепно, его манера выступления свободна, будто он играет и просто информирует остальную кампанию. Это чрезвычайно привлекательно» [17, VII, 321]. Своим другом называл Кларендона другой знаменитый дайэрист, ученый Джон Эвлин. Он рассказывал, что в августе 1662 года его посетил канцлер в церемониальном наряде, с мешком и жезлом, а также с супругой: «Они были очень веселы. Они для нас, как родные. Мы давно знакомы, со времен изгнания. Он и в самом деле великий человек, который всегда был моим другом» [13, II, 351]. В то же время в любой период жизни Хайду хватало врагов, сыпавших обвинениями в его адрес. Апогеем ненависти стала попытка парламентского импичмента, от которого он спасся бегством.

Оценки Кларендона историками различались, как и у современников. Критическое отношение к нему сформировалось в либеральной историографии XIX века. Ее знаменитый представитель Томас Маколей писал: «Уважение, которое мы справедливо питаем к Кларендону как писателю, не должно заслонить нам ошибок, которые он совершил как государственный человек». Как можно понять этого историка, первой ошибкой Хайда было то, что он вступил в конфликт с Долгим парламентом и затем «следовал по стопам двора». Новые ошибки были совершены, когда после реставрации он стал канцлером: «В некоторых отношениях он весьма годился для своего высокого поста. Никто не сочинял таких искусных государственных бумаг. Никто не говорил с таким весом и достоинством в совете и в парламенте. Никто не был так хорошо знаком с общими правилами политики. Никто не подмечал особенностей характера таким разборчивым глазом. Нужно прибавить, что он отличался сильным чувством нравственной и религиозной обязанности, искренним благоговением к законам своего отечества и добросовестным попечением о чести и интересе короны. Но нрава он был угрюмого, надменного и не терпящего оппозиции. Прежде всего, он был изгнанником, и одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы сделать его неспособным к верховному управлению делами. Едва ли возможно, чтобы политик, принужденный государственными смутами бежать из отечества

и провести несколько лучших лет жизни в изгнании, годился, в день своего возвращения на родину, занять место во главе правительства. Кларендон не был исключением из этого правила... Для него Англия все еще была Англией его молодости; и он сурово хмурился на всякую теорию и всякую практику, возникшие во время его изгнания» [127, 170–171]. В основе неприятия Маколеем политики Реставрации лежит идеологема либерально-вигских историков XIX века: в эпоху парламентских реформ и возрастания роли парламента в викторианской Англии они смотрели на Долгий парламент и круглоголовых как на своих предшественников и приписывали им историческую правоту.

Следовательно, иная, враждебная революции сторона, рассматривалась как реакционная и препятствующая общественному прогрессу. В этом корень критики Кларендона вигами. Критика его как политика шла об руку с критикой его как историка.

Напротив, в консервативной традиции Кларендон рассматривался как выдающийся государственный деятель своего времени, противостоявший не только радикалам, политическим и религиозным, но и реакционерам, составлявшим большинство в Кавалерском парламенте, которые мечтали взять полный реванш. В целом положительные суждения о Кларендоне можно найти у видных консервативных историков Кейта Фейлинга, Джорджа Кларка, Хью Тревор-Ропера, у некоторых представителей ревизионистской историографии. Один из ведущих биографов канцлера Брайан Уормолд замечал: «Старые виги обвиняли Кларендона в авторитаризме. Галлам утверждал, что он был неспособен управлять свободной нацией. Маколей обвинял в склонности к угнетению и фанатизму. Кларендон действительно принял и поддерживал режим Реставрации и церковь Англии. Однако это никак не доказывает его авторитаризма. Жестокие законы в пользу англиканской церкви ввел парламент вопреки желанию и короля, и канцлера... Он всегда был приверженцем свободы и конституции» [111, XXX–XXXII]. Как полагал Р. Харрис, оценки людей и политика Кларендона целиком вытекали из того гуманистического духа, который он впитал в молодые годы в кружке Грейт Тью. До нашего времени его книги остаются «бесценным источником, и никакая работа об этом периоде не может быть написана без величайшего внимания к его суждениям» [48, 393–394]. С симпатией писал о Хайде его биограф Ричард Оллард. По его мнению, на всех этапах дружба была для него основой морального порядка и мерилom отношения к проблемам окружавшего мира.

В отечественной литературе оценки Кларендона как историка столь же диаметрально образom отличались. Автор раздела по английской историографии в учебнике, вышедшем в 1967 году, Н.А.Ерофеев видел в нем представителя «крайне правого, монархического лагеря», сформулировавшего «крайне примитивную ультрареакционную концепцию, которая «весьма несложна» и сводится к тому, чтобы «вычеркнуть само понятие революции из истории Англии», вкупе со стремлением оправдать собственную политическую деятельность [140, 43]. Автор другого учебного пособия, опубликованного в 2009 году, Н. С. Креленко отмечала, что Кларендон, будучи близок к традициям «политической школы Макиавелли, «обладал даром наблюдать и обобщать свои наблюдения, оставил действительно бесценные характеристики тех, кто тогда «делал историю». Она видит в нем предшественника Просвещения: «В отличие от многих современников Кларендон не уделил особого внимания религиозному фактору в событиях эпохи гражданских войн. Ведь это было общество, мыслившее категориями и понятиями, взятыми из Библии, и объяснить биение пульса общественной жизни без учета этого фактора трудно. По сути Кларендон в своем отношении к религии предвосхищает просветительский подход к этому вопросу. Этот сугубо рационалистический подход сделал Кларендона автором, вполне приемлемым в глазах «философствующих историков» XVIII в.» [123, 34–35; 124, 38]. Вряд ли можно согласиться с тем, что вопросы религии были для него вторичны: сама интерпретация гражданской войны строится во многом на неприятии им пресвитерианства и католичества. Забота об интересах англиканской церкви, в том числе материальных, всегда была для него приоритетной. Выступая в Конвенционном парламенте, он говорил: «Всемогу-

щий Бог не стал бы тратить столько средств и сил на такое избавление, если бы не делал это ради церкви, весьма для него приемлемой». К. Хилл заметил по поводу этой фразы, что «аргумент о допущении Богом больших издержек был, должно быть, весьма приемлемым для его аудитории» [146, 293]. В то же время он действительно прорабатывал некоторые идеи, оказавшиеся затем в багаже Просвещения, и одно это не позволяет навешивать на него ярлык реакционера.

При написании этой книги ставились три главных задачи. *Первая* решается при создании биографии любой исторической личности – понять мотивы, двигавшие поступками героя, уловить его психологический склад. Без этого описание действий и обстоятельств будет неполным и формальным. При реализации этой задачи в нашем случае есть трудности и преимущества. Трудность в том, что герой принадлежит к определенной социальной группе, к другому времени и другой культуре. Непросто представить себя английским джентльменом XVII века, являвшегося и баловнем, и изгоем, однако нет иного способа решить теорему Хайда. Философ и историк Коллингвуд утверждал: «Всякая история есть история мысли». Чтобы понять действия героя, надо попробовать представить себя на его месте, надо попробовать думать так, как думал он, искать решения так, как мог искать он. Однако, к счастью, есть и преимущество. Оно состоит в том, что Хайд не относился к категории «молчаливого большинства». Наоборот, его историографическое, философское и теологическое наследие огромно. Более того, во всех произведениях отчетливо проявляется его собственное «Я».

В каких-то чертах я пытался взглянуть на своего героя через призму собственного характера. Как утверждал немецкий мыслитель Вильгельм Дильтей, чтобы понять людей и события прошлого, историк может надеяться, в основном, на собственную интуицию. Хайд был одним из самых одаренных людей своего времени, он осознавал эту одаренность и не считал нужным ее скрывать, в том числе от тех, кто был, по меньшей мере, не ниже его по социальному положению. Окружающие часто мстят тем, кого считают «слишком умными». Хайд бывал излишне прямолинеен, что принимается за заносчивость. Труднее принять его морализаторство и строгость требований к «двуногим существам, именуемым людьми» (выражение Дэвида Юма). Впрочем, пусть бросит камень, кто сам без греха: многие склонны разоблачить чужие пороки, настоящие или надуманные, легко прощая прегрешения себе. Плоть от плоти представитель высшей касты, он жил ее заботами и привилегиями, оставаясь равнодушным к народной жизни и не призывая к «милости падшим».

В Хайде мне импонируют его методологические позиции и мастерство историка. Будучи воспитаны в духе позитивизма и марксизма, мы ощущаем дискомфорт, если не силимся утвердиться в историзме и существовании законов истории. Кларендон писал в традиции античной и гуманистической историографии: ход истории определяется поступками людей, которые могут быть достойными или дурными. Характеры влияют на их действия, поэтому во многих временных точках история многовариантна, она не запрограммирована изначально на конечный реализованный результат. История слишком сложна и непредсказуема, чтобы извлекать из нее однозначный ответ: что правильно и что неверно. Будучи убежденным, искренне верующим членом англиканской церкви, Хайд не сторонник провиденциализма. Идею божественного вмешательства в ход истории он озвучил только в одном случае – пытаясь объяснить столь чудесное для современников, и, видимо, в его собственных глазах, почти бескровное возвращение Карла II Стюарта на отцовский престол. Памятуя о цикличности, нельзя ли предположить, что после полутора веков господства научной историографии общество больше нуждается не в ее законах, способных оправдать все, даже самое преступное, а в моральных уроках, которые не убрать из памяти последующих поколений?

Вторая задача, стоявшая при написании этой книги, состояла в том, чтобы, насколько возможно, дать читателю представление о времени, когда жил Хайд. Это не значит, что у автора было намерение перенести акценты, например, оправдывая роялистов и осуждая пар-

ламентскую партию. Речь не идет о том, чтобы окрасить белое в черный цвет и наоборот. Я исхожу из убеждения: каждый историк и каждый читатель вправе интерпретировать исторические события так, как ближе его сердцу и разуму. В то же время нельзя игнорировать того, что разные времена порождают разные идеологические конструкты. Марксистский дискурс советской историографии «предписывал» оценивать революции сугубо положительно как «локомотивы истории», как двигатели общественного прогресса. Нынешний консерватизм и «борьба с экстремизмом» предполагают смещение оценок. Каковы границы, каждый решит сам. Я только пытаюсь дополнить традиционный для отечественной историографии нарратив фактами и суждениями о британской истории XVII века, которые пока не были в должной мере артикулированы. Отсюда взгляд на гражданскую войну из лагеря кавалеров, отсюда внимание к роялистской эмиграции, отсюда попытка отойти от оценки периода Реставрации как времени господства реакции. Жанр этой книги – на стыке популярного исследования и научной монографии. Мне не хотелось загружать книгу «наукообразием», но я считал необходимым представить в ней отдельные историографические дискуссии и разнообразие точек зрения историков.

Третья задача вытекает из подхода Кларендона, создавшего литературную коллекцию портретов современников. Может показаться, что книга несколько перегружена именами, а приведенные в ней краткие сведения о тех, чьи судьбы пересеклись с судьбой Хайда, не так важны. Извинением служит то, что многие из этого ряда фигур британской истории пока не привлекли особого внимания российских авторов. Мы по-прежнему в основном в кругу имен, очерченном нашими предшественниками, советскими англоведами, и это имена из революционного лагеря.

Использованные источники хорошо известны специалистам, писавшим о Кларендоне и о его времени. Прежде всего, это сочинения современников, в первую очередь, самого Кларендона. Он писал «Историю мятежа и гражданских войн» во время двух изгнаний, между которыми двадцать лет. Сначала он воспринимал будущее произведение не как автобиографию, а как максимально достоверное описание событий. Во второй эмиграции во Франции он начал с составления «Истории жизни Эдварда, лорда Кларендона, от рождения до реставрации королевской семьи в 1660 году», то есть автобиографии для семьи, с которой мечтал воссоединиться. Получив от сына Лоуренса рукопись оригинальной «Истории», он смог вернуться к первоначальной идее и соединил разделы, написанные на острове Джерси, с разделами «Истории жизни», добавил новые разделы с главным намерением – отойти от личной перспективы в изложении. В 1672 году окончательный текст «Истории мятежа», состоящий из шестнадцати книг, был закончен. «Вечный спор» о степени достоверности этой великой работы продолжается больше трех столетий со времени появления публикации первого тома в 1702 году. Знаменитый мемуарист епископ Гилберт Бернет так отреагировал на это культурное событие: «Первый том «Истории» графа Кларендона дает правдивое описание начала бед, хотя написан в защиту двора, и содержит много оправданий плохого, на что тот был способен» [1, I, 53]. «Продолжение жизни Эдварда, лорда Кларендона», содержащее описание периода канцлерства, преследовало, в первую очередь, личную цель – защититься от обвинений, приведших к бегству из Англии. Помимо этих, первостепенных для создания биографии Хайда источников, были привлечены другие его произведения, в том числе, официальные прокламации, которые он составлял для Карла I, а главное – философские, богословские и политические сочинения, написанные им, по большей части, незадолго до смерти, в годы второй эмиграции.

К этой же группе относятся мемуары и дневники современников, тех, кто знал Хайда. Это были люди, принадлежавшие к разным лагерям разделенной Англии. Их судьбы и отношения с Кларендоном складывались по-разному. Особую значимость эти свидетельства имеют, когда речь идет о его канцлерстве в годы Реставрации. Первым назовем Балстрода Уайтлока: близкий и любимый друг Хайда, ставший врагом, сторонником Долгого парламента и сподвижни-

ком Кромвеля. Оба стали первыми историками события, которое потомки назовут Великой Английской революцией. Труд Уайтлока «Мемориал об английских делах от времени правления Карла I» лишен анализа, сделавшего «Историю мятежа» великой исторической работой, но это добротный и исключительно важный источник. В нем есть строки, позволяющие заподозрить канцлера в коррупции и стремлении нажиться за счет прежнего друга. По словам российского литературоведа, Уайтлок, «безусловно, дайэрист, но весьма своеобразный: он до такой степени «лорд», «дворянин», «государственный муж», что не может поступиться своим «Высочайшим» достоинством даже в дневнике. Ни разу он не позволяет себе проявить какое-либо чувство: радости, огорчения, досады, недоумения, разочарования. Он не знает, что такое вопросительный или восклицательный знак, и в конце предложения или периода неизменно ставит точку» [134, 44–45]. Стиль Кларендона куда живее: иногда он пафосен, но чаще эмоционален, ироничен, даже насмешлив. До революции Хайд и Уайтлок были в отношениях, называемых «лучшие друзья». В эссе «О дружбе» Хайд утверждал, что один из принципов, определяющих отношения джентльменов, в том, что если друзья расходятся, то никогда не злословят по отношению друг к другу. К числу врагов Хайда относится супруга полковника Хатчинсона Люсиль, написавшая мемуары о жизни своего супруга, которого она, несомненно, любила и хотела, пользуясь связями при дворе Карла II, спасти после реставрации. В них можно найти довольно едкие суждения о канцлере.

С иных позиций о нем писали два знаменитых современника: ученый, придворный и друг Джон Эвлин и ученый, во времена канцлерства Хайда чиновник Адмиралтейства, Сэмюэл Пепис. Дружеские отношения с канцлером установились у Эвлина в годы эмиграции и сохранялись до самого второго изгнания Хайда. Он всегда называл его «большим другом» и считал выдающимся государственным деятелем. Он осмеливался посещать дом Кларендона в недели опалы до его бегства в ноябре 1667 года. Возможно, он был одним из друзей, советовавших ему спастись, покинув страну. Так же высоко оценивал его Пепис, подчеркивавший глубокое понимание им государственных дел, его высокую квалификацию как юриста и способность убедительно и доходчиво докладывать окружающим свою точку зрения и аргументы. Впрочем, считал Пепис, людям иногда казалось, что превыше всего он ставит себя и свою логику.

Несколько отличалось отношение Бернета, знавшего Хайда меньше, чем эти двое, писавшего окончательный вариант мемуаров уже в начале XVIII века. Хотя он не делал прямых выпадов, но есть ощущение, что Кларендона он недолюбливал. Отчасти это объясняется тем, что Бернет происходил из Шотландии, а отношение Хайда к шотландцам было, мягко говоря, не самым доброжелательным, особенно в годы гражданских войн и междуцарствия. Бернет писал: «Он давал королю много мудрых и хороших советов, но делал это с видом управляющего или юриста» [1, I, 160].

Весьма информативны парламентские бумаги. В многотомное издание, опубликованное в XIX веке У. Коббетом, включены отрывки из дебатов в Долгом парламенте, в котором участвовал Хайд. Особое значение имела работа с четвертым томом, в котором представлены документы периода его канцлерства. Например, они позволяют проследить, как готовился импичмент. Разнообразные по характеру источники опубликованы в сборниках, один из лучших впервые опубликованный в XIX веке «Календарь государственных бумаг». Некоторые использованные источники не связаны с удивительной карьерой Хайда прямо, но проливают свет на его время.

Пролог

Пролог – это о том, что предшествовало началу взрослой жизни и политической карьеры нашего героя – Эдварда Хайда, первого графа Кларендона.

24 марта 1603 года, в последний день 1602 года по юлианскому календарю, после 44-х летнего правления в Ричмондском дворце испустила дух королева Англии Елизавета. Придворная дама торопливо сняла с пальца покойной перстень и выбросила его в окно, под которым наготове, рядом с оседланным конем ждал ее супруг, сэр Роберт Кэри. Он торопился первым доставить в Эдинбург известие о кончине, чтобы рассчитывать на милость своего патрона Якова VI Шотландского, который по праву родства занял английский престол под именем Якова I. В его лице к власти в Англии пришла новая династия Стюартов, сменившая Тюдоров. Двум королям этой династии, Карлу I и Карлу II, служил герой этого повествования.

В Якове текла кровь Тюдоров. Его прабабка Маргарита была дочерью основателя династии Генриха VII и сестрой Генриха VIII. В тринадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за шотландского короля Якова IV. Их сын правил в Шотландии под именем Якова V. После гибели мужа в сражении против англичан (с воцарением Генриха VIII войны двух стран возобновились) Маргарита вторично вышла замуж за Арчибальда Дугласа, графа Ангуса. От него она родила дочь, тоже Маргариту, состоявшую в браке с Мэтью Стюартом, графом Ленноксом, родившую сына Генри Стюарта, лорда Дарнли. Он вступил в брак со своей двоюродной сестрой, единственной дочерью Якова V, умершего в 1542 году, Марией Стюарт, которая была вдовой французского короля Франциска II. Брак не был ни счастливым, ни продолжительным, через короткое время Дарнли был взорван в своем дворце Кирк-о-Филд. Поговаривали, что королева могла быть в курсе заговора против собственного супруга. Дарнли был отцом Якова VI Шотландского, в личной унии объединившего два королевства. В 1605 году, во время «порохового заговора» он едва не повторил судьбу отца. Мария Старт, как известно, будучи изгнанной из своей страны, закончила жизнь в Англии на эшафоте за преступные намерения (то ли реальные, то ли сфабрикованные главой английской дипломатии и разведки Френсисом Уолсингемом) уничтожить Елизавету и занять ее трон. Так что Яков имел наибольшие права на престол Англии, но они не были неоспоримыми. Все царствование знаменитой монархини прошло под знаком неопределенности в вопросах престолонаследия. Только на смертном одре Елизавета якобы назвала Якова своим наследником.¹

То, что династия на престоле сменилась спокойно, без войн, которые иногда сопровождали такие события, можно назвать заслугой двух людей и результатом определенного умонастроения в обществе. Первым из них был сам Яков, предпринявший успешные дипломатические усилия, чтобы ни одна из европейских держав того времени не выдвинула или не поддержала иного кандидата. Другим был главный елизаветинский министр, опора ее правления, Роберт Сесил. Он выдал жест умирающей Елизаветы за желание видеть в Якове своего преемника, провел заседание Тайного совета, провозгласившего Якова королем. Признатель-

---

¹ Кроме Якова, происходившего от старшей дочери Генриха VII Маргарет, права на английский престол могли предъявить потомки ее младшей сестры Марии, в частности, леди Арабелла Стюарт. При жизни Елизаветы она заявляла о нежелании добиваться своих прав. Тем не менее, у нее были сторонники, в том числе знаменитый мореплаватель Уолтер Рэли. За участие в заговоре в ее пользу он был при Якове посажен в Тауэр. Его казнь долгие годы откладывалась, но в 1618 году он взмолился на эшафот. Сама леди Арабелла тайно от Якова I вышла замуж за Уильяма Сеймура, маркиза Хертфорда, который и сам был в линии наследников Якова, поскольку его матерью была младшая сестра «девятинедельной королевы» Англии Джейн Грей. Оба были отправлены Яковом, опасавшимся брачного союза двух кандидатов на трон, в заключение, из которого им удалось бежать. Однако корабль, на котором находилась Арабелла, был захвачен английскими моряками, и она посажена в Тауэр, где и скончалась в 1615 году. Хертфорд успешно достиг Остэнде. В дальнейшем он принимал участие в парламентской оппозиции, после начала гражданской войны сражался за короля. Карл II восстановил для него титул герцога Сомерсета. Если бы Арабелла или кто-то из Греев озвучили свои притязания, то имели бы шанс на успех только при условии поддержки со стороны Испании.

ный Яков даровал ему титул графа Солсбери. До смерти он оставался самым влиятельным министром нового короля.

Что касается общественных настроений, то господствующее в историографии представление о елизаветинском процветании – это миф более позднего времени. На протяжении долгих лет Англия воевала, в том числе в Ирландии, что вело к тяготам для народа, заговорам и восстаниям. Мало кто искренне скорбел об уходе старой королевы. Напротив, в пользу Якова говорило многое, прежде всего то, что он, в младенчестве оторванный от матери-католички и воспитанный кальвинистами в строгости, не был угрозой протестантской вере, а считался ее защитником. В 1570 году, когда Якову было всего четыре года, его воспитателем стал кальвинистский теолог Джордж Буханан. О степени его уважения к королевскому званию воспитанника говорит следующая история. Когда графиня Мар попеняла ему на строгость к ребенку-королю, то получила ответ: «Мадам, я порю его по заднице, а Вы, если желаете, можете ее поцеловать». Достигнув в 1587 году совершеннолетия, Яков, чья образованность уже была широко известна, сумел восстановить престиж короны. Не имея постоянной армии, но действуя тонко и прагматично, проявляя гибкость, он сумел установить контроль над пресвитерианской ассамблеей, управлявшей церковью при королеве-католичке, а также использовать разногласия внутри кальвинистской церкви, создав в ней «королевскую партию». В Шотландии сформировалось его умение как правителя не становиться на сторону одной из группировок, но быть над ними – оно как нельзя лучше пригодились ему и в Англии. В Европе было известно, что Яков позиционировал себя как король-мировотворец, внутри страны и в отношениях с другими странами. Еще одним фактором, делавшим кандидатуру Якова приемлемой, было то, что правильный порядок престолонаследия гарантировался тем, что у Якова были сыновья. Неопределенность в этом вопросе, характерная для времени Елизаветы, да и для всего XVI века, потенциальный источник смут, могла, наконец, остаться в прошлом. Яков был женат на Анне, дочери короля Дании и Норвегии Фредерика II, одного из столпов тогдашнего протестантского мира, что усилило его позиции в кальвинистской Шотландии. Отношения между супругами недолго оставались теплыми, видимо, не только из-за гомосексуальных склонностей Якова, но и различий в интеллектуальных интересах. Анна прививала двору вкус к празднествам, что вызывало неудовольствие у кальвинистов, Якова считали «королем-философом». Впрочем, у него была «фишка»: выбирая молодого фаворита, король хотел иметь рекомендацию королевы. Расхождения между супругами еще больше углубились после перехода Анны Датской в католичество. У королевской четы родилось семь детей, четверо из которых умерли в младенчестве. Старший сын Генрих, наследник престола принц Уэльский, умер в 1612 году в возрасте 18 лет. Дочь Елизавета была выдана замуж за Фридриха, курфюрста Пфальцского. Чарльз (Карл) унаследовал короны Англии, Шотландии и Ирландии после смерти отца.

В историографии долгое время преобладал критический взгляд на Якова и его роль в английской истории. Отчасти он проистекал от современников, которые не во всем были справедливы. В английском обществе сохранялось недоверие к шотландской нации, память о войнах с которой оставалась в сознании. Недовольствие вызывало то, что с Яковым приехали шотландские дворяне, окружавшие и охранявшие короля, хотя никто из них не получил каких-либо по-настоящему высоких постов. Враждебные оценки шотландской нации звучали в парламенте. Кто-то сказал, что шотландцы «не купцы, а коробейники». В другом случае коммюнер заявил, что «союз Англии и Шотландии так же естественен, как союз заключенного с его судьей» (по требованию короля палата общин отправила этого депутата на короткое время в Тауэр). Один адвокат утверждал: разрешить натурализацию шотландцев – все равно, что снести изгородь и позволить соседскому стаду пользоваться своим богатым пастбищем. Проповедник из Кента в 1640 году говорил: «Если когда-либо в рай попадет шотландец, то и дьявол попадет туда же». Кларендон позднее признавал, что в «прекрасные» и «счастливые» времена короля Якова «смешение двух наций, в прошлом не очень любезных друг другу» порождало

между ними соперничество [10, 79]. Как заметил историк Конрад Рассел, за весь более чем вековой период правления в Англии Стюарты так и не преуспели в том, чтобы ослабить эту враждебность.

Известна фраза о Якове, приписываемая его современнику, королю Франции и Наварры Генриху IV: «Самый ученый дурак христианского мира». На самом деле Яков был одним из образованных людей той эпохи, знал не только латынь, но и древнегреческий, писал стихи и ученые трактаты. Не все его идеи сегодня выглядят убедительно, но они были в духе того времени. Это относится и к концепции божественного происхождения королевской власти, в которой видят защиту им принципов абсолютизма, и к его вкладу в демонологию, «науку» о разоблачении ведьм. Он был одним из первых противников курения табака.

Критический взгляд на Якова в историографии идет от трудов «великих вигских историков» конца XIX века Генри Бокля, Джона Грина и Самюэля Гардинера. Одним из источников их концепции была ксенофобия: Стюарты были плохими королями (а почему, собственно, Тюдоры были лучше?), потому что они были чужаками. Для этих историков воцарение Якова стало началом движения Англии к революции и гражданской войне – тезис, подхваченный марксистскими, в том числе советскими, историками, акцентировавшими внимание на экономических противоречиях, якобы лежавших в основе нараставшего конфликта короны и парламента.

В последние десятилетия в британской историографии отношение к Якову постепенно менялось. В середине 1970-х гг. один историк писал: «Школьные учителя быстро расправились с Яковом. Они учили поколения школьников презирать педантичного грубияна, отверженного чуждой идеологии абсолютизма. Трудно объяснить эту антипатию: то ли они не хотели простить ему учености, то ли пристрастия к красивым мальчикам, тем более людей этой профессии часто не считают невеждами или строго гетеросексуальными. Пришло время спасти Якова от их самобичевания». Что касается утверждений Якова о божественном происхождении королевской власти, то они могут шокировать нас, но для англичан того времени в этом было мало удивительного [80, 1–2]. Как выразился историк Бэрри Ковард, «в последние годы произошла справедливая реабилитация репутации этого короля Англии. Яков I Английский как монарх был столь же успешен, как Яков VI Шотландский» [34, 121–122]. В ревизионистской историографии пересмотр прежних оценок аргументируется следующим образом. Во-первых, политические противоречия его царствования были порождены во времена Елизаветы. Он унаследовал не только трон, но и войну с Испанией, настоятельную потребность в реформе королевских доходов, нараставшее недовольство, углублявшиеся расхождения в церкви. Опасения по поводу сохранения парламента как части конституционной системы управления звучали еще при Тюдорах. Однако другой ревизионистский историк Конрад Рассел в более ранней работе замечал: «Без сомнения, Якову не повезло в том, что он унаследовал нерешенные проблемы, но перечисление этих трудностей не оправдывает того, что он не мог с ними справиться. Нет оснований оспаривать вердикт профессора Ноутстайна, что «не многие короли были от природы так пригодны, чтобы вызывать оппозицию». Причины этого в большой мере носили личный характер. Монархия не может быть успешной без доли уважения к персоне монарха, и Яков, всегда требовавший от людей уважения, мало что делал для этого» [87, 257–258]. Он был невосдержан на язык, имел пристрастие к вину, мог войти в спальню придворных пар. После свадьбы дочери молодых не выпустили из спальни, пока он во всех подробностях не расспросил об их брачной ночи. В те времена содомия (слово «гомосексуализм» появилось в XIX веке) осуждалась в моральном отношении не так строго, как в наши дни, но фаворитизм такого рода вызывал беспокойство за патронаж и преференции при дворе. Кларендон, отметив исключительную образованность короля Якова, его интерес к книгам и ученым беседам, не преминул упомянуть о его пристрастии к красивым мужчинам и дорогим одеждам [10, 91].

Во-вторых, историки-ревизионисты пришли к выводу: управление при Якове оказалось более успешным, чем прежде считали, ибо он в полной мере проявил свои политические умения и способность к политической гибкости. В отличие от Елизаветы и своего преемника Карла I он никогда не давал ни одной из фракций установить полное господство в управлении и не становился ее инструментом. Это относится даже ко времени, когда его фаворитом был Джордж Вильерс, герцог Бекингэм, к которому король испытывал глубокую и искреннюю привязанность. При нем Бекингем не имел такого влияния при дворе, которое получил при Карле I. Однако и в этом вопросе Рассел был другого мнения: период после 1618 года (то есть еще до смерти старого короля) он называл «правлением Бэкингема и Карла».

В 1604 году Яков I заключил мир с Испанией. Этим могли быть недовольны фанатично настроенные протестанты, ненавидевшие католическую Испанию. Еще большее недовольство испытывали те, кто получал доходы от снабжения флота и каперских кораблей. Военные расходы, которые несла Англия, сами по себе были аргументом в пользу заключения мира. Кроме того, воззрения короля состояли в том, что война должна быть крайним средством разрешения противоречий между странами (такого же мнения придерживался впоследствии Кларендон). Когда после провала испанской экспедиции в Ирландию правитель Нидерландов эрцгерцог Альберт выступил с мирной инициативой, Яков поддержал ее. При этом по его указанию его представители на переговорах дали понять определенно, что Англия не отказывается от финансовой и иной поддержки воюющей Голландии. Так Англия вышла из дорогостоящей войны, не отказавшись от обязательств, данных союзнику. Примирение с Испанией лишило помощи ирландских вождей, продолжавших бороться против английского завоевания, привело к их бегству на континент, к прекращению, по крайней мере, временному, сопротивления. Безосновательны утверждения, будто после прибытия в Лондон испанского посла графа Гондомара в 1613 году Яков попал под его влияние, и после 1614 года по его наущению не созывал парламент долгие семь лет. Планы по созыву парламента рассматривались все последующие годы. Гондомар платил ряду высокопоставленных английских придворных, рассчитывая на их лояльность, но это было распространенной практикой в дипломатии XVII–XVIII вв., и на деле взятки не вели сколько-нибудь существенным образом к изменениям в королевской политике.

Стремление к равновесию лежало в основе политики Якова в Европе. Когда смерть герцога Вильгельма Клевского в 1609 году привела к угрозе войны, Англия поддержала Генриха IV Французского в его военных приготовлениях. Гибель Генриха в 1610 г. от руки фанатика Равальяка отложила войну на несколько лет. Отдав дочь Елизавету замуж за Пфальцкого курфюрста Фридриха, одного из лидеров протестантской партии в Германии, Яков продолжил переговоры о женитьбе принца Чарльза на испанской инфанте. Когда в 1618 году в Европе все же вспыхнула война, которую назовут Тридцатилетней, (началась она с провозглашения Фридриха Пфальцкого, зятя Якова, императором), английскому королю пришлось приложить немалые усилия, чтобы воздержаться от открытого вступления в нее, к чему призывали протестантские группы. Свою роль сыграло то, что он, будучи сторонником идеи божественного происхождения монархической власти и ее наследственного характера, по-видимому, не разделял мнения о законности прав Фридриха на имперскую корону, полученных в результате избрания.

Религиозную политику Якова тоже можно признать взвешенной. Он не был воинствующим протестантом, не разделяя того подозрительного, мягко говоря, отношения к католикам, которое было характерно для значительной части английского общества. Не все были так толерантны. Он делил католиков на мирно исповедующих свою веру и лояльных власти, и тех, кто хотел бороться против нее. О вторых он говорил, что «ему придется наказать их тела за ошибки их разума». По-видимому, король осознавал, что такая позиция может создавать ошибочное мнение о нем как о защитнике католиков, но продолжал ее придерживаться. В ноябре 1605 года во время «порохового заговора» группа дворян-католиков вознамерилась взорвать парла-

мент во время открытия первой сессии, когда на ней будет присутствовать и король, и принц Уэльский. К власти заговорщики якобы хотели привести малолетнюю принцессу Елизавету, рассчитывая, что общаясь с матерью-католичкой, она может иметь симпатии к этой вере. В литературе высказывалась версия, что заговор был спровоцирован графом Солсбери, чтобы побудить короля к антикатолической политике, но большинством историков это мнение опровергается. Гай Фокс, застигнутый в подвале рядом с бочками с порохом, и другие заговорщики после жестоких пыток были подвергнуты мучительной казни. В начале 1606 года парламент принял ряд репрессивных законов против католиков, однако они не исполнялись особенно строго: Яков сохранил приверженность умеренной политике в этом вопросе, да и Испанию он не хотел раздражать. Тем не менее, «пороховой заговор» примирил короля с той частью протестантов, которые считали католиков потенциальными изменниками: он был обречен заговорщиками на гибель вместе с парламентариями. Заговорщики как бы установили мистическую связь короны и парламента, значит, предпосылки для их взаимодействия.

Потенциально более опасным был нараставший конфликт внутри протестантского движения. Часто он рассматривался как конфликт между англиканством и пуританизмом, но это не совсем точно. Пуританизм как особое течение, требовавшее изменения церковного устройства и даже уничтожения епископата, сформировался только к 40-м гг. XVII века. В начале царствования Якова I пуританами назывались те, кто придерживался более строгих правил в повседневной жизни, строже следовал предписаниям и обрядам. Другими словами, непреодолимой границы между англиканством и пуританизмом тогда не существовало. Более того, встреча короля с представителями церкви во дворце Хэмптон-Корт в 1604 году показала, что он был готов прислушаться к требованиям пуритан. На протяжении почти всего правления Яков, как и в придворной политике, стремился быть выше церковных фракций. Оставаясь кальвинистом, он не высказывал симпатии к тем, кто сомневался в догмате о божественном предопределении. Он не поддержал англиканских богословов, утверждавших, что власть епископа основана не на воле короля, а происходит от Бога. Когда на Синоде в 1619 году обсуждались идеи голландского профессора Якоба Арминиуса, король с энтузиазмом присоединился к критике арминианства. В церковной кадровой политике он делал ставку на ортодоксальных кальвинистов. Ричард Бэнкрофт, принадлежавший к «реформаторам» и ставший в 1604 году архиепископом Кентерберийским, был исключением. В 1611 году Яков воспротивился тому, чтобы преемником Бэнкрофта стал арминианин Ланселот Эндрюс и назначил Джорджа Эббота, которого сменил Уильям Лод, сторонник арминианства. Это произошло уже в 1633 году, и знаменовало отход Карла I, сделавшего ставку на одну группировку, от гибкой политики отца. Правда, в последние годы царствования Якова его умеренная церковная политика подверглась испытанию: в 1620-х гг. на фоне неудач протестантов в Тридцатилетней войне нарастала критика пуританами внешней политики правительства.

Первый парламент Якова I, собравшийся в 1604 году, заседал до 1610 года. В современной историографии в основном отвергается традиция рассматривать правление первых Стюартов как время последовательного нарастания противоречий между короной и парламентом. Ковард утверждал: по меньшей мере, до 1621 года принципы «елизаветинской конституции» сохранялись, и намерения покончить с парламентом у короля не было. Разногласия существовали, парламент не во всем поддерживал планы короля, но это не имело еще критического значения. В самом начале работы первого парламента Якова предметом расхождений было так называемое «бекингемширское избрание»; во время выборов в этом графстве депутатом был избран некто Френсис Гудвин. Канцлерский суд отменил это избрание, на повторных выборах был избран Джон Фортескью, креатура двора. Палата общин подтвердила полномочия Гудвина, что и привело к конфликту, которого можно было легко избежать, если бы правительство более искусно манипулировало палатой (влиятельный Сесил как лорд Солсбери заседал уже в верхней палате).

Разочарованием для Якова I был провал планов по созданию Великобритании, государства, объединявшего Англию и Шотландию, дополнявшего личную унию двух королевств. Противодействие планам короля усилилось после решения английских судей, постановивших, что слияние двух стран чревато разрушением законов их страны. В основе недовольства лежало, прежде всего, сохранявшееся чувство враждебности к шотландцам, в которых в Англии видели более варварский народ, чьи законы воспринимались как примитивные и слабо защищающие политическую нацию от произвола монархов по сравнению с английскими. Фактически Якову удалось лишь смягчить враждебные друг для друга законы и утвердить выдачу пересекших границу преступников. В 1606 году появился первоначальный вариант общего флага (Union Flag), использовавшийся на флоте до 1634 года (Карл I ограничил его использование только королевскими кораблями).

Важнейшим был вопрос о финансах, поскольку расходы двора росли потому, что стабильность режима зависела от пожертвований короны высокопоставленным лицам (как шотландцам, так и англичанам). Доходы зависели от субсидий парламента и Сити, а также от искусства министров, находивших те или иные способы пополнения бюджета. Долг короны увеличивался с каждым годом, коррупция была частью системы. Сесил, занявший место Казначея в 1608 году, пытался ограничить расходы двора и распродажу королевских земель, но это не имело большого эффекта. Широко распространилась (особенно во второе десятилетие века) продажа рыцарских званий королем и знатными придворными, что получило дурную славу и породило популярный анекдот: «Двое, прогуливаясь, наблюдают за третьим. Первый говорит: «Он смотрится как джентльмен», на что второй отвечает: «Умоляю тебя. Я думаю, что он всего лишь рыцарь».

Солсбери попытался заключить с парламентом так называемое «великое соглашение». Речь шла об отказе короны от взыскания феодальных платежей, взамен чего парламент должен был предоставлять короне ежегодную регулярную субсидию в 200 тысяч фунтов (доход от феодальных сборов составлял примерно 115 тысяч). Соглашение не было достигнуто: в парламенте не только не знали, откуда брать эти средства, но и опасались, что его деятельность окажется под вопросом. Некоторые советники считали, что соглашение не выгодно и королю, так как никак не поможет в сокращении долга, достигшего к тому времени 600 тысяч фунтов. Провал попытки договориться о постоянной субсидии ослабил позиции Сесила и привел к роспуску парламента в 1610 году. Означало ли это раскол между короной и парламентом? Историк Ковард писал: «Якову не удалось ни удовлетворить многие жалобы, ни развеять страхи многих за будущее парламента. Но были многие сферы, в которых между ним и его главными подданными царило согласие: внешняя политика короля была успешной; в религиозных делах он обычно стоял на неоспоримых позициях; он демонстрировал, что даже в вопросах налогообложения и парламентских свобод готов прислушиваться к доводам. Приверженность политической нации к монархии и традиционной конституции была еще сильной. События следующих одиннадцати лет напрягли, но не разрушили ее. Хотя только один парламента был собран на короткое время в 1614 году, события 1610–1621 гг. не создали непреодолимого барьера между «двором» и «страной» [34, 143–144].

После смерти Солсбери в 1612 году ведущее значение при дворе приобрела группировка Ховардов, опиравшаяся на королевского фаворита Роберта Карра, получившего титул графа Сомерсета. С ним связан самый крупный скандал, немало способствовавший осуждению нравов двора Якова. В 1613 г. Карр вознамерился жениться на дочери графа Саффолка леди Френсис Ховард, и его желание было поддержано королем. Было одно препятствие: она была замужем за графом Эссексом. Поводом для развода объявили импотенцию Эссекса, чего он сам никогда (имея детей) не признавал. Близкий друг и любовник Карра сэр Томас Овербьюри, который в свое время приложил усилия, чтобы Яков обратил внимание на молодого красавца, категорически воспротивился желанию Карра, опубликовав стих «Жена», в котором недву-

смысленно негативно характеризовал леди Френсис, намекая, что знает о ней много такого, что делает брак невозможным. От него решили избавиться, отослав послом к только что ставшему царем в Москве Михаилу Романову, однако он отказался уехать из Англии. Тогда Ховарды обвинили сэра Томаса в измене и добились его ареста. Яков тоже был не прочь избавиться от соперника. Через короткое время Овербьюри скончался в Тауэре, как посчитали сначала, от естественных причин. Леди Френсис вопреки мнению архиепископа Эббота была разведена с Эссексом исключительно благодаря вмешательству короля Якова. Однако история на этом не завершилась. В 1615 году выяснилось, что Овербьюри был отравлен по наущению Френсис Говард. Непосредственные исполнители преступления были повешены, а граф и графиня Сомерсет (также приговоренные к смертной казни, но помилованные) посажены в Тауэр, где и провели несколько лет. Сомнений в том, что леди Френсис организовала это преступление, нет, однако прямых доказательств причастности Карра не существовало, сам он так и не признал вины. Этот крупный скандал сохранился в памяти англичан – Кларендон упоминал о нем в своем сочинении.

Ослаблению влияния Ховардов способствовала враждебная им группировка при дворе, в которую входили, в частности, архиепископ Эббот, советник и юрист сэр Эдуард Кок, граф Пемброк, философ, ставший канцлером Англии, Френсис Бэкон. В их распоряжении оказалось сильное оружие: в 1614 году они продвинули к королю Джорджа Вильерса, сменившего Карра и сделавшего исключительно быструю карьеру – в 1616 году он виконт, в 1617 году граф, в 1623 году герцог Бекингем. Жертвой этой группировки в 1618 году стал еще один Ховард, Томас, граф Саффолк, королевский казначей с 1614 года, обвиненный в коррупции. На самом деле он проявил неосторожность, добиваясь отстранения Бекингема. Саффолк и его супруга получили прощение, отговорившись тем, что стали жертвами ведовских заговоров, чему Яков, имевший страсть к демонологии, легко поверил. С. Е. Федоров писал: «Сам путь, следуя которому Яков возвышал Бекингема, не только нарушал данные королем обещания, но и низвергал вековые традиции. События 1616 года, связанные с пожалованной ему голубой лентой кавалера ордена Подвязки, были расценены современниками как беспрецедентные. Впервые за всю историю существования ордена в его ряды посвящался человек «столь низкого» происхождения» [145, 260].

Парламент 1614 года не сыграл важной роли – история отвела ему всего несколько недель. Надежда двора на легкое получение субсидии не оправдалась. Король якобы заметил в разговоре с испанским послом Гондомаром, что недоумевает по поводу того, как его предки допустили существование такого нелепого учреждения. Эта фраза, будь она произнесена, не могла не усилить опасений за судьбу парламента в английской конституционной системе. Однако надо понимать, что в представлениях людей той эпохи парламент не ставился рядом с монархией. Ни короли, ни представители политической нации, по крайней мере, до 1640 года не рассматривали политический процесс как поиск баланса этих институтов власти. В судьбе парламентов 1621 и 1624 гг. либеральные историки видели доказательство нарастания противоречий короны и парламента. В 1621 году парламент подверг импичменту канцлера Френсиса Бэкона, что создало прецедент для последующих парламентских попыток осудить Бекингема, а в дальнейшем Страффорда и других королевских советников, в том числе Кларендона. Однако противники этого утверждения указывают: импичмент Бэкона был фактически инспирирован людьми «королевской партии». Те, кто раньше «дружил» против общего врага – Ховардов – относились друг к другу с величайшей подозрительностью. Бэкон, Кок и Лайонел Кранфилд, позднее лорд Миддлсекс (ставленник Бекингема)², не просто расходились

² Кранфилд был тогда единственным высокопоставленным придворным низкого происхождения; его отец был торговцем. Он выдвинулся на политическом поприще благодаря женитьбе на родственнице Бекингема и добился сокращения расходов двора.

по вопросу о продаже патентов на монополии, о чем шла речь в 1621 году. Между Бэконом и Коком существовала давняя и личная неприязнь. Елизавета Хаттон, внучка знаменитого государственного деятеля Уильяма Сесила, после смерти своего первого мужа Томаса Ньюпорта, по матери Хаттона, внука другого елизаветинского министра и фаворита Кристофера Хаттона, длительное время поддерживала связь с Бэконом, но замуж вторично вышла за Кока. Великий философ, видимо, воспринял это не совсем по-философски. Кроме того, в 1621 году Яков I не предпринял ничего, чтобы защитить своего канцлера. Бэкона обвинили во взятках; он не скрывал, что получал подношения (что было не исключением, а нормой), но заявлял, что это никогда не влияло на его решения. Парламент приговорил Бэкона к импичменту, штрафу и заключению в Тауэр на срок на усмотрение короля. Всего через несколько дней он был отпущен из заключения. Парламент 1621 года начал с того, что предоставил королю две субсидии, хотя и недостаточные, чтобы расплатиться с армией, но давшие надежду. То, что в 1621 году споры вокруг финансовой политики были острее, чем раньше, объяснялось ходом дел в Европе, где зять Якова Фридрих Пфальцский потерпел поражение от имперской партии. Яков считал, что парламент нарушал prerogatives короны, вступив в обсуждение вопроса о вступлении в войну на континенте.

Последний парламент Якова, собравшийся в начале 1624 года, современники называли «Счастливым». Это слово «запустил» Кок. В выступлении короля на открытии сессии прозвучал призыв к согласию, к отказу от прежних недоразумений. Однако военная ситуация в Европе мало располагала к этому: многие в Англии верили, что есть угроза «протестантскому делу», и требовали от Якова вмешаться. Все последние месяцы своего правления Яков сопротивлялся. Наследник престола Чарльз и герцог Бекингем использовали парламент 1624 года как инструмент давления на короля; им принадлежала инициатива осуждения в палате лордов графа Миддлсекса, советника короля и противника войны с Испанией, проект которой принц они пропагандировали после неудачной брачной миссии в Мадриде. Яков пророчески сказал фавориту: «Ты – дурак, потому что готовишь розги, которыми высекут тебя самого». И добавил в адрес Чарльза: «Ты еще пресытишься этими парламентами». Историк Ч. Карлтон заметил, что «заигрывая» с парламентом, «принц и герцог создали фатальный прецедент, не только возродив средневековый импичмент, но что более важно, вовлекли парламент в непривычные и разрушительные действия против короны» [31, 52–53]. Миддлсекс был отстранен от должности, приговорен к штрафу и заключению в Тауэр, откуда его выпустили по приказу короля через несколько дней.

Историки ревизионистского направления доказали: рассматривать парламенты Якова I как прелюдию к гражданской войне – значит рассматривать историю «вспять», представлять ход событий в виде «исторического эскалатора». К. Рассел указывал: называть критиков короны «оппозицией» неправильно, так как создается ошибочное представление о преемственности, которой не было. Он иллюстрировал это рассуждение фразой из работы историка Питера Загорина о сыновьях двух активных деятелей палаты общин в 1621 г. Р. Фелипса и Э. Сэндиса, которые в гражданской войне, «порвав с семейной традицией, стали роялистами». Но в том и дело, говорил Рассел, что никакой традиции борьбы с короной не было. Тезис «каждый школьник знает», что во времена первых Стюартов парламент становился сильнее, и что он характеризовался делением на сторонников «правительства» и «оппозицию» – это миф [86, 3]. Кроме того, логика либеральных историков предполагала, что парламент был сильным и влиятельным органом, что тоже неверно. Существование двух палат, лордов и общин, с их функциями и правами, означало, что нижняя палата без поддержки верхней не могла оказать сколько-нибудь существенного влияния на королевскую администрацию. Сильный с собственными претензиями парламент, располагавший влиятельной оппозицией, появился только в 1640 году. По мнению Б. Коварда, разрыв с прежними традициями «елизаветинской конституции» начался несколько раньше, в 1625 году. Он писал: «Воцарение Карла I отчетливо

определило поворотный момент в истории 1620-х гг. После 1625 года многие в парламенте сохраняли связи с двором в надежде на должности и патронаж, но очевидно, что парламентским лидерам стало труднее сотрудничать с королевскими министрами и сохранять, в то же время, престиж на местах» [34, 158]. Ковард придавал значение отличиям двух королей, Якова I и Карла I: «Есть три принципиальные причины. Во-первых, природная проницательность и гибкость Якова позволили ему избежать политических штормов способами, которые будут позднее характерны для Карла II. Напротив, Карл I не обладал политическими способностями отца и демонстрировал упрямство и бескомпромиссность до степени абсурда. Во-вторых, Яков I пытался (не всегда с полным успехом) действовать как независимый арбитр между различными фракциями англиканской церкви, его сын от этого полностью отказался, что привело к тому, что впервые в раннестюартовской Англии религия стала вызывающей распри проблемой. В-третьих, в отличие от отца Карл I оказался несостоятелен как правитель своих столь разных королевств. Его неумелая политика к северу от границы, в Шотландии, привела к катастрофическим последствиям: против него объединились не только большинство английских подданных, но и многие шотландцы» [34, 152].

Историки Английской революции удивительно единодушны в негативных оценках Карла I, несмотря на принадлежность к разным направлениям и острые разногласия по многим другим вопросам: «Карл худший король, который был у нас со времен средневековья» (Рональд Хаттон); «Если был человек, сам себя уничтоживший, то это Карл Стюарт» (Морис Ли-младший); «Карла можно считать более привлекательным человеком, чем его отец, но как правитель он был куда хуже» (Кристофер Дурстон); «Карл был прискорбным образом непригоден к монархической власти» (Энн Хьюджес) [138]. По мнению Ч. Карлтона, Карл воспринимал любую оппозицию как заговор злых и эгоистичных людей. В конституционном плане он считал: обладая правом созыва и роспуска, только он может судить, что парламент сделал доброго и дурного. На прагматическом уровне был уверен, что для блага подданных имеет право преподносить урок кучке тех, кто сеет беды. На уровне психологическом Карлу было присуще «проецирование», то есть перекладывание на противоположную сторону действий и мыслей, в которых он, осознанно или нет, винил себя. Его противники, а не он толкали Англию к абсолютизму [31, 83–84]. О том же писал и Рассел, называвший эту черту Карла «узким видением». Карл не был способен посмотреть на проблему с разных перспектив, не понимал, что другая сторона, например парламентарии, могут иметь опасения иного рода, чем он, никогда не принимал тезиса, что политика есть искусство возможного [89, 195]. Расхождение в оценках Карла I и его политики между историками ревизионистского направления и их критиками, представителями постревизионистского направления, состоит в том, что последние усматривают в недостатках короля отражение долговременных социальных и идеологических проблем. Так, Хьюджес писала: «Политика Карла была не проявлением беспорядочных импульсов его несчастливой и невезучей натуры, а вполне объяснимым выбором между различными путями развития английской политической системы. Так, его страх перед публичностью явно был ответом на реальные социальные и политические изменения. Его политика приносила вред потому, что касалась (самым грубым образом) долговременных структурных проблем, которые были «отложены» или порождены в предшествующие царствования» [55, 158]. Возможно, единственным исключением среди историков является К. Шарп, полагавший, что Карл обладал необходимыми для правителя качествами, прежде всего трудолюбием, и на деле был центральной фигурой в управлении. Он и обеспечил успех политики, проводившейся после роспуска парламента в 1629 году [138].

Чарльз, будущий король Англии, третий из выживших королевских детей, родился в замке Думферлайн в ноябре 1600 г., когда отношения его родителей, Якова и Анны Датской, были уже испорчены. Роды были тяжелыми, но Яков предпочел остаться в Эдинбурге, чтобы наблюдать, как останки двух преступников, казненных за государственную измену, после пове-

шения и четвертования рассылались в разные части королевства. Чарльз был слабым и болезненным ребенком, до двух с половиной лет он не ходил, а до четырех лет вследствие рахита передвигался только с посторонней помощью. У него был еще один физический недостаток, затруднявший общение с подданными – он заикался. В Лондон мальчика перевезли только в 1604 году, и мало кто обращал на него внимание. Внимательной к нему была только мать, отец его игнорировал, старшие дети прохладно реагировали на его заверения в преданности. Он посвящал время сбору монет и медалей, приобретая вкус к коллекционированию, участвовал в маскарадах и играл в дворцовых парках. Его положение стало иным, когда в 1612 году умер старший брат Генрих. Сначала Чарльз негативно относился к фавориту отца Джорджу Вильерсу, потом это отношение поменялось, то ли потому, что принц понял: чтобы быть ближе к отцу, надо дружить с Бекингемом, то ли, как и многие при дворе, попал под его очарование.

После роспуска парламента в 1621 году переговоры о вступлении Чарльза в брак с испанской инфантой продолжались, тем более, испанское приданое могло помочь в решении финансовых проблем. По сути, проект был нереализуем по религиозным причинам: инфанта могла выйти замуж только за католика, а переход принца в католицизм был невозможен. Для испанцев переговоры служили способом отвлечь Якова от вступления в войну. Чарльз, однако, в мечтах о невесте стал испытывать нетерпение, и в 1623 году он с Бекингемом совершил романтическую поездку в Мадрид, что в политическом отношении было глупостью. Это путешествие полностью нарушало дипломатический протокол, сопровождалось буффонадой (фальшивые бороды), и было просто опасным. Переодетыми Чарльз и Бекингем скакали по Франции, а в Испании оказались фактически под контролем властей. До инфанты Марии незадачливого жениха не допустили; он лишь мимолетно увидел ее в окошко кареты, но решил, что влюбился. После нескольких недель безуспешных попыток добиться согласия испанской стороны англичане поняли, что их план провалился, и вернулись домой, в общем-то, легко отделавшись. Английские протестанты вздохнули с облегчением. После Испании Бекингем стал фаворитом и другом принца. Вернувшись на родину, Чарльз чувствовал обиду, убедив себя, что в Мадриде с ним обращались недостойно, и присоединился к призывам к войне.

В наши дни историки больше пишут не о преемственности двух царствований; напротив, преобладает мнение, что Карл, осознанно или бессознательно, стремился во всем действовать вопреки отцу. С его воцарением изменился двор. Исчезли шуты и карлики, вместо не слишком скрываемых пороков превозносятся супружеские добродетели. Законом стали требования придворного этикета. Переговоры с французами, начавшиеся еще при старом короле, завершились тем, что Генриетта Мария, дочь Генриха IV Французского и сестра Людовика XIII, стала женой Карла. Сначала отношения между ними не были теплыми, но после гибели Бекингема в 1628 году она сумела утешить супруга, и королевскую чету посчитали образцовой супружеской парой. При жизни Бекингема не просто не допускал королеву до публичных дел, но и открыто третировал. Кларендон передавал слова, однажды сказанные ей герцогом: «В истории Англии были королевы, потерявшие головы». Первый историк революции считал пагубное влияние Генриетты Марии на короля причиной многих ошибок, приведших к конфликту: «Привязанность короля к королеве была особого свойства; в ней сочетались сознание, любовь, благородство, благодарность – все те возвышенные чувства, которые возводят страсть на самый высокий уровень. Он на все смотрел ее глазами и руководствовался ее суждениями; не только обожал ее, но желал, чтобы все знали, что она влияет на него. Это было плохо для них. Королева была очень красива, обладала чувством юмора и была достойна самых благородных чувств; так что они были воплощением супружеских чувств того века. Когда ее допустили к участию в самых секретных делах (от чего она была предусмотрительно отстранена герцогом Бекингемом, пока он был жив), у нее возник вкус к их обсуждению и высказыванию своего суждения; ее страсть к этому всегда была сильной» [10, 100]. Она считала себя вправе знать и даже определять, на кого падет милость монарха, решать вопросы, которые мог решать

только король, что «положило начало предвзятости к нему и его правительству». В этих словах видно недоброжелательство Кларендона к Генриетте Марии – на протяжении многих лет они оставались политическими противниками.

Любимыми занятиями Карла были покровительство искусству и коллекционирование. Он не жалел на это ни времени, ни средств, ни энергии. Карл создал одну из лучших в то время коллекций ренессансного искусства, в которой только картин было 1760. Он обладал прекрасным вкусом и легко отличал руку мастера от кисти учеников. Не случайно, для ведения переговоров с Англией в 1629 году испанцы выбрали Питера Пауля Рубенса, который по заказу короля расписывал потолок в Уайтхоле. У пуритан такое покровительство католикам вызывало глубокие подозрения. С 1632 года придворным живописцем английского короля стал ученик Рубенса Антонис ван Дейк, создавший целую галерею королевских портретов. На некоторых семейных портретах Карл в духе супружеской идиллии изображен за руку с Генриеттой-Марией. Для недовольных пуритан это служило лишним напоминанием, кем направляется королевская политика. Еще больше пуритан раздражала мода, завезенная из Франции и Италии – маски. Карл и его королева принимали участие в постановках этих изысканных пьес, преисполненных символизмом. Появление в них королевской четы должно было символизировать восстановление порядка из хаоса – роль, которую Карл всегда приписывал себе.

Воодушевление, с которым было воспринято в обществе воцарение Карла, было непродолжительным. Уже в первом парламенте, созванном летом 1625 года, начались трения. Основанием для разногласий стал вопрос о бочоночном и фунтовом сборах. По давней традиции парламенты предоставляли королям это право до их смерти. Однако в данном случае, предоставив короне две субсидии, лидеры парламента решили дать право сборов только на год. Король, естественно, счел это покушением на свои прерогативы. Началась парламентская атака на Бекингема, приведшая к роспуску парламента и объявлению короной принудительного займа. В современной историографии главным фактором, ведущим к конфликту короны и парламента, называют преимущественно внешнюю и военную политику Карла I, который немедленно после воцарения вступил в войну с Испанией, в октябре направил мощный флот (около ста кораблей) к берегам Пиренейского полуострова для захвата Кадиса. Экспедиция, руководство которой осуществлял Бекингем, была безуспешной, и уже в ноябре при возвращении значительная часть кораблей погибла или получила дефекты вследствие шторма. Тем, кто помнил подвиги Ф. Дрейка, было ясно: английский флот почти повторил судьбу испанской Великой Армады. В условиях продолжавшейся войны с Испанией король вступил в войну с Францией: «Единственный раз за два века Англия лицом столкнулась с кошмаром войны одновременно с Испанией и Францией, двух континентальных держав, с каждой из которых Англии было сложно воевать и поодиночке. Трудно найти другой столь вопиющий пример дипломатической некомпетентности Бекингема. Война помогала ему держать в напряжении отношения между королем и королевой-француженкой, которая могла стать сильной соперницей во влиянии на монарха» [87, 304]. Повод к войне казался незначительным – спор о праве кораблей нейтральных стран снабжать товарами воюющие страны. Не исключено, что Карл решил воевать не только под давлением Бекингема и из-за прохладных отношений с Генриеттой Марией, но и потому, что глава французских гугенотов в Ла Рошели герцог Субиз был его крестным отцом. Все три экспедиции в Ла Рошель, оплот гугенотов во Франции (последняя состоялась после убийства Бекингема осенью 1628 года), закончились провалом.

Война заставляла Карла требовать от парламента денег; отказы и выдвижение условий раздражали короля. Второй парламент в 1626 году возобновил атаку на Бекингема, которого обвиняли в неправомерном занятии многих должностей, коррумпированности и растрате собственности короны. Историки замечали, что начало критики фаворита совпало с явными признаками, свидетельствовавшими о склонности Карла I к арминианству. Он взял под покровительство арминианского проповедника Ричарда Монтегю, чей трактат вызвал критику пуритан

в парламенте. Роспуск парламента заставил вновь прибегнуть к принудительным займам, что оказалось действенной финансовой мерой, но вызвало протесты и обращения в суды. «Дело пяти рыцарей», землевладельцев, отказавшихся платить сборы, не утвержденные парламентом, поставило вопрос, есть ли у короля право произвольных арестов. Даже не жесткие финансовые и административные меры как таковые вели к разрушению «елизаветинской конституции» и разрыву между Карлом I и его подданными; угрожающим было то, что «эти войны были полностью и очевидно неудачными. Унижения при Кадисе и Ла Рошели оказали немедленное и разрушительное воздействие на мораль политической нации, которая не могла не видеть контраст по сравнению со славными военными экспедициями елизаветинского царствования» [37]. Ту же мысль высказал Ч. Карлтон: «Рассматривать этот период как борьбу Карла с парламентами, значит читать историю вспять, от Великой Ремонстрации и гражданской войны; что было обузой для Карла в первые три года его правления, так это не парламента, а военные экспедиции, делавшие их неизбежными» [31, 60].

Парламент, собранный в 1628 году, был подозрителен к короне. Парламентариям не могло понравиться, что церковную службу в честь начала его деятельности провел лидер арминьян епископ Лод. В центре дебатов оказались вопросы о произвольных (то есть незаконных) арестах, неутвержденных налогах, постоях войск и применении законов военного времени. Соответствующие требования вошли в «Петицию о праве», к подготовке которой имел прямое отношение Томас Уэнтворт, в будущем граф Страффорд, находившийся тогда в рядах критиков короны. Карл согласился подписать этот документ, чтобы получить парламентские субсидии. Перед открытием второй сессии парламента ситуация изменилась: был убит Бекингем. Король страдал о потере друга, а его подданные ликовали. Большинство политической нации плохо относилось к герцогу. Помимо подозрений в коррумпированности и склонности к католицизму ходили слухи, что он занимался черной магией и мог приворожить любую женщину, что он якобы отравил Якова I. Впрочем, некоторые современные историки более лояльны к фавориту: «Бекингем обладал всеми талантами: был красив, очарователен, держался с достоинством, был сообразителен, умел манипулировать королями и отдавал много времени государственным делам. Единственное, чего ему не хватало – это везения. Продлилась экспедиция в Кадис на два дня дольше, англичане застали бы возвращающийся из Америки и груженный сокровищами испанский флот..., не попади десятипенсовый ножик Фельтона в нужную точку под нужным углом, царствование Карла могло пойти иначе» [31, 109]. Пока Бекингем был жив, он «оттягивал» недовольство на себя. Возможно, ни что другое, а именно нескрываемая радость коммонеров от гибели фаворита привела к отчуждению от парламента, который и был распущен в 1629 г.

Кларендон писал о Бекингеме как о человеке «щедром и благородной натуры», обладавшем качествами, которые могли сделать его «великим фаворитом великого короля». У него был огромный опыт, полученный под началом «сведущего хозяина», Якова I, благодаря чему он быстро воспринимал дела и рассуждал о них «изящно и уместно». Он был мужественным, даже бесстрашным, добрым и привязанным к тем, кто составлял его окружение. Бедой Бекингема Кларендон считал то, что у него не было настоящего друга, близкого ему по положению, который мог бы дать ему мудрые советы в его же собственных интересах и отговорить от поступков, диктуемых страстями и пороками его времени. Среди тех, к кому он прислушивался, было очень мало людей, способных ему помочь [10, 94–95]. Читая эту характеристику, стоит помнить: в начале карьеры Хайда зависела от поддержки семьи его первой жены, входившей в «клан» Бекингема.

Говоря о политической ситуации 1628–1629 гг., отметим: господствующее в историографии мнение о том, что она развивалась прямым ходом к беспарламентскому правлению, разделяется не всеми историками. Историк ревизионистского направления Ричард Каст утверждал: в течение недель между вынесением приговора Фельтону в ноябре 1628 года и роспуском пар-

ламента в начале марта 1629 года существовала уникальная возможность договориться. В это время в окружении короля и в парламенте сформировалась политическая группа «патриотов», выступавших за продолжение политики 1624 года, помощь «протестантскому делу» и в поддержку Дании, вступившей в Тридцатилетнюю войну против Габсбургов. «Патриоты», к числу которых при дворе относились влиятельные графы Пемброк и Карлейль, выступали за нормализацию отношений короны и парламента. В палате общин в пользу такого варианта действовал Джон Пим. Речь шла о том, что король гарантирует отход от арминизма, а парламент согласится утвердить являвшиеся камнем преткновения бочоночный и фунтовый сборы. Хотя у такого соглашения были влиятельные противники (Лод и Уэстон при дворе, Джон Элиот в парламенте), Касту такой сценарий кажется возможным. Он указал на некоторые высказывания и действия короля, доказывающие приемлемость для него такого развития событий, по крайней мере, до конца января. Каст считал, что здесь имеет место случай, когда на события стоит посмотреть с позиции контрфактической истории: «В таком случае Англии оказала бы обещанную помощь датчанам, а переговоры с Испанией были бы заблокированы. В этих обстоятельствах Карл сумел бы в полной мере воспользоваться выгодами от военных побед Густава-Адольфа в 1631 году и восстановить свою сестру в Палатинате силой. Успех в Палатинате создал бы престиж в своей стране и воодушевил бы на участие в Тридцатилетней войне в протестантской коалиции. Это могло усилить бы группу патриотов в совете, которую до своей смерти в 1630 году возглавлял Пемброк, а затем Дорчестер. Уэстон и Лод были бы вынуждены подстраивать свои советы под господствующие обстоятельства, как это было в преддверии начала заседаний парламента в 1629 году. Установился бы более сбалансированный политический порядок, как в 1628 году, а не доминирование одной происпанской и антикальвинистской партии. Принимая все это во внимание, можно быть уверенным, что Карл наверняка не стал делать глупости в Шотландии. Конечно, это гипотеза, но вполне вероятная» [36, 349].

Утверждения, будто Кларендон не видел в политике Карла I ошибок, неверны. Он связывал происхождение конфликта, приведшего к гражданской войне, с взаимным непониманием, порожденным отсутствием гармонии в отношениях короны и парламента во второй половине 1620-х гг., и писал: «Парламенты собирались и распускались. Тот, что собрался в четвертый год (после роспуска двух предыдущих), был детерминирован в действиях и декларациях убеждением, что не приходится ожидать созыва ассамблей такого рода в дальнейшем. В высказываниях о парламенте все были ограничены страхом цензуры и наказания. Никто не сможет показать мне иной источник, из которого проистекают все сегодняшние реки горечи, чем неразумные, неумелые, опрометчивые роспуски парламентов, которыми из-за вспышек гнева, высокомерия и амбиций отдельных людей, двор испытывал настроение и привязанность страны. Теми же стандартами народ оценивал честь, справедливость и добродетельность двора. Так что в те печальные времена они (двор и страна – А. С.) отдалялись без уважения и снисхождения друг к другу» [10, 68]. В отдельных документах, принятых парламентами, в речах депутатов были положения, задевавшие достоинство короля и его правительства, но «я не знаю акта любой из палат, который противоречил мудрости и справедливости» законов королевства. Возлагая главную долю вины за взаимонепонимание на королевских советников, Хайд признавал, что Карл I «не использовал удобство» привлечения к себе тех, кто мог улучшить отношения с парламентом, и это вызывало «подозрение, если не отвращение» народа.

После 1629 года Карл не созывал парламент в течение одиннадцати лет. Это не нарушало традицию, так как созыв парламента был прерогативой короны. Яков I не созывал парламент семь лет, но никому в голову не пришло назвать 1614–1621 гг. «беспарламентским» правлением. В годы «политики напролом» началась взрослая жизнь Эдварда Хайда.

Глава первая

«Высшая степень благополучия, когда-либо существовавшая»: 1608–1638

Так Кларендон написал о положении Англии в те годы, когда он наслаждался творениями ученой мысли и начал профессиональную деятельность как юрист, а король Карл I легко справлялся с управлением без парламента.

Мы знаем о молодых годах Хайда главным образом из автобиографии. Он писал ее на склоне лет, в начальный период своей последней эмиграции, адресуясь, в первую очередь, к семье, надежду на воссоединение с которой не оставлял до конца дней. Говорят, что память человека ненадежна, и события, произошедшие десятилетия назад, стираются в ней. Отчасти это так. Современная психология утверждает: пик жизненных воспоминаний приходится на возраст между 15 и 30 годами на фоне относительно низкого количества событий, относящихся к другим возрастным периодам. Это противоречит «классическому» закону немецкого психолога Г. Эббингауза, основателя ассоциативного направления в психологии, считавшего, что с годами ассоциации ослабевают, а с ними и память: память пожилых людей ненадежна. Современный российский психолог определяет автобиографическую память как «субъективное отражение пройденного человеком жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта» [129, 19]. У такого рода памяти три типа функций. Первая, интерпсихологическая группа функций, заключается в налаживании и сохранении социальных связей и межличностных контактов; воспоминания позволяют быть «своим» в любом окружении. Автобиография Кларендона «закрепляет» его отношения с семьей, а в более широком смысле, с тем благородным и уважаемым сословием, из которого он происходил. Вторая, интрапсихологическая группа, связана с саморегуляцией: вспомнить, чтобы было легче на душе. Как же нуждался в этом Кларендон, будучи оторванным от своего окружения! Третья группа экзистенциальных функций связана с осознанием уникальности своей жизни, она направлена на финальную интеграцию личности (вся жизнь прошла перед глазами). Что следует из этого? Нельзя ожидать от Кларендона любимой позитивистами точности фактов: они имели для него личностный смысл. Он искал опору в своей семейной истории и традиции, в прошлых дружеских и социальных связях. Означает ли это, что Кларендону нельзя доверять в части описания молодых лет? Историк, писавший о Хайде, что «он не был оригинальнее любого другого отставного государственного деятеля, принявшегося писать мемуары в появившееся у него свободное время» [70, 224], был неправ. Настойчивая устремленность к справедливому и объективному освещению событий, приверженность к «моральному измерению» истории делает его описание заслуживающим доверия. Что касается умолчаний и отсутствия некоторых деталей, то какой документ может претендовать на всестороннее и полное описание прошлого или настоящего?

В представлениях нашего времени Кларендон не был стар, когда в последней эмиграции писал автобиографию. В шестьдесят лет на память можно полагаться. Хайд родился 18 февраля 1609 года. В некоторых публикациях указывается 1608 год. В этом нет противоречия: парламентский акт заменил в Англии юлианский календарь григорианским в 1752 году. Тогда после 2-го сентября сразу наступило 14-е. Тем же актом поменяли и начало нового года. До 1752 года новый год наступал в Англии 25 марта, в День Пресвятой Девы Марии. Празднование нового года в день весеннего равноденствия, по-видимому, отражало древнюю традицию. Говорят, что в Англии и сегодня уплата налогов приурочена к этой дате. Датировку событий, произо-

шедших до 1752 года, принято обозначать по григорианскому календарю, с учетом наступления нового года 1 января. Любой учебник истории сообщает: Карл I был казнен 30 января 1649 года, однако в современных документах фигурирует 30 января 1648 года. Для большей точности можно упомянуть, что для жителей европейских стран, которые к тому времени уже перешли на григорианский календарь, это произошло 9 февраля 1649 года.

Эдвард Хайд появился на свет в доме Генри Хайда в местечке Динтон в графстве Уилтшир, на юго-западе страны. В том же графстве семейству принадлежало поместье Пертон. Род Хайдов происходил из Чешира, где был известен, по крайней мере, со времени короля Генриха III, в правление которого, в 1265 году, возник английский парламент. Кларендон заметил в автобиографии, что его предки владели манором Норбюри еще до норманнского завоевания 1066 года, но данное сообщение ничем не подтверждается: это поместье было приобретено путем женитьбы именно в XIII веке. Основателем той ветви рода, к которой принадлежал будущий канцлер Англии, был его дед Лоуренс, заложивший семейную традицию заключения выгодных браков: женившись на Энн Сибилл, он стал владельцем поместья Динтон, ставшего родовым гнездом. У Лоуренса было четверо сыновей, образованию которых он придал большое значение, направив их в Оксфорд. Обучение в этом знаменитом университете тоже стало семейной традицией. Двое сыновей Лоуренса, дяди будущего канцлера, сделав успешную карьеру, помогли ему в продвижении и обеспечили доступ ко двору. Умерший в 1631 году Николас Хайд, занимал в последние годы жизни, не много не мало, должность Верховного судьи Англии. Лоуренс, умерший в 1641 года, служил главным поверенным королевы Анны Датской, супруги Якова I и матери Карла I.

Генри, отец героя нашего повествования, также обучался в Оксфорде и некоторое время занимался адвокатской практикой, однако его больше тянуло к путешествиям, что, как писал в автобиографии Кларендон, было необычно для елизаветинского времени – страну легко покидали только купцы и те, кто нанялся на военную службу. Историк Ричард Оллард заметил, что «путешествовать ради любопытства в те времена заговоров, конспираций и переворотов означало вызвать подозрение со стороны правительства, а также обостренное внимание обычных информаторов» [74, 8]. Тем не менее, после смерти своего отца в 1590 году Генри Хайд побывал на континенте. Он поднялся по Рейну и прибыл в Италию, остановившись на какое-то время во Флоренции и Сиене, а затем в течение нескольких месяцев в Риме. Будучи последовательным протестантом, Генри, однако, установил хорошие отношения с кардиналом римской католической церкви, англичанином по рождению Алленом. В пребывании Генри Хайда в Риме есть что-то непонятное. В ситуации такого рода английские власти легко могли увидеть попытку завязать подозрительные контакты с католиками, тогда как последние заподозрить в путешественнике шпиона. Никаких видимых последствий заграничная поездка для Генри не имела, но по возвращению мать поторопилась настоять на женитьбе. Избранницей оказалась Мэри, одна из дочерей и наследниц уилтширского эсквайра Эдварда Лэнгфорда из Траубриджа. Генри дважды пытался заняться политической деятельностью: он был избран в парламент в 1588–1589 гг. и позднее в 1601 году. Сведений о его деятельности в парламентах не сохранилось. Известно, что тудоровские парламенты были в целом послушны короне. По-видимому, ни адвокатская, ни политическая деятельность его не привлекали. Генри предпочитал спокойную жизнь благородного сельского джентльмена, «в бодрости и довольстве». После смерти Елизаветы I он ни разу не побывал в столице, а мать, по словам будущего историка, в Лондоне не была ни разу. Кларендон судил об этом так: «Мудрость и бережливость в те времена была такой, что лишь немногие джентльмены ездили в Лондон или совершали другие дорогие путешествия иначе, как по важному делу, а их жены никогда; благодаря такой предусмотрительности они улучшали жизнь в своих поместьях и наслаждались ею; они были гостеприимны, хорошо воспитывали своих детей» [10, 10]. В этих словах трудно не увидеть опосредованной

критики нравов эпохи Реставрации, как и ностальгии по «доброй старой Англии», свойственной людям «страны».

Отец Хайда прожил после смерти королевы Елизаветы более тридцати лет, пользовался исключительным авторитетом в графстве, благодаря чему он урегулировал ряд конфликтов, возникавших между соседями. Дополнительным штрихом к портрету этого человека может служить единственное сохранившееся его письмо, написанное в июне 1625 года и адресованное брату Николасу, избранному в первый парламент Карла I. В нем он выражал заботу о бедных, высказав пожелание, чтобы парламент пересмотрел статуты о бедных, принятые в конце елизаветинского царствования, облегчил их положение и определил меры к улучшению сельского хозяйства в их интересах. Это любопытно, ведь его сын в своих сочинениях не написал о положении бедных и решении социальных проблем ни строчки. Интересно и то, что при предполагаемом знании европейских дел в письме Генри ни словом не упомянул о внешней политике Карла, которая тогда стала главным предметом внимания парламентариев. В последние годы жизни Генри страдал от все более частых приступов болезни, причину которой доктора не могли назвать. Одним из симптомов была боль в левой руке, из-за которой он бледнел (несмотря на сангвиническую комплекцию) и почти терял сознание. Приступы происходили и днем, и ночью, и продолжались более пятнадцати минут. Страдания отца, несомненно, остались в памяти Кларендона; десятилетия спустя он точно описывал их. Незадолго до смерти отец передал управление поместьем Пертон Эдварду, покинул Динтон и в 1632 г. переехал в Солсбери, где поселился в доме неподалеку от кафедрального собора, в котором были похоронены многие его родственники и друзья. Посетив несколько городских церквей, он решил, что хочет быть похороненным в соборе, и сам выбрал место. Он скончался 29 сентября 1634 года. В описании Хайда смерть отца – это смерть доброго христианина.

Рассказ Кларендона об отце свидетельствует, что тот был для него образцом, «лучшим отцом и лучшим другом», человеком, которого «он действительно считал самым мудрым из людей, которых знал». Даже на вершине карьеры он повторял, что «Божественное Провидение наделило его знаками отличия, из которых ценнее всего то, что был сыном такого отца и такой матери, благодаря которым Бог благословил его» [10, 16–17]. Хотя мать надолго пережила мужа, ее образ был слабее в памяти сына. Он лишь отметил ее доброту, щедрость, заботу о поместье. У Генри и Мэри было девять детей, из них четверо сыновей. Старший сын Лоуренс умер в детстве, второй, Генри, дожил до 26 или 27 лет, третьим был Эдвард, самый младший брат Николас умер ребенком.

Графство Уилтшир ассоциируется с образом доброй старой Англии. Примерно в десяти милях от Динтона располагался главный город графства, Солсбери, с его достопримечательностью – собором, тем самым, в котором упокоился прах отца Кларендона. Один его дядя представлял город в парламенте, его двоюродные братья служили в соборе. В 1651 году, после поражения при Вустере, Карл II, скрываясь от солдат Кромвеля, пробирался к побережью, и его укрыла в своем доме, располагавшемся всего в трех милях от города, вдова одного из кузенов Эдварда. Через двести лет после Кларендона знаменитый живописец Джон Констебл черпал в Солсбери и его окрестностях вдохновение: одной из его самых известных картин является «Вид на Солсберийский собор из епископского сада». Принято считать, что картины Констебла создавали романтический и ностальгический образ прежней Англии в эпоху до наступления промышленности и железных дорог. Но и для Хайда родные места были воплощением «страны»; он идеализировал сельскую жизнь поколения своего отца, черпал в ней идеалы, по крайней мере, в конце жизни, когда писал автобиографию. Как писал Оллард, «все пути Кларендона вели не в Рим, вызывавший у него глубокое отвращение, а в Уилтшир». Всего в тринадцати километрах от Солсбери располагается, возможно, наиболее известный, и точно, самый загадочный исторический памятник Англии – Стоунхендж. Конструкция из огромных каменных глыб, сооруженная в незапамятные времена, с целями, по-видимому, ритуальными,

о смысле которых можно только догадываться, у людей, живших в эпоху Кларендона, впервые вызвала специальный научный интерес.

Человеком, «открывшим» Стоунхендж, был английский писатель, философ, знаток старины Джон Обри, приобретший большую известность в годы Реставрации. Он долгое время проживал неподалеку от Динтона, всего в пяти милях. Его считают одним из создателей современного английского литературного языка. Стиль Кларендона с длинными предложениями тяжелее – иногда дойдя до конца фразы, забываешь о том, что было в начале³. Ближе к Динтону располагалось поместье Комптон Чемберлейн, родовое гнездо семейства Пенраддок, глава которого сэр Джон входил в тайную роялистскую организацию «Запечатанный узел». Он поднял в 1655 году восстание на юго-западе страны, столь ожидаемое кавалерами-эмигрантами, но быстро подавленное армией протектора Кромвеля. Полковника Джона Пенраддока, которого Кларендон считал слишком мягким человеком для такого предприятия, обезглавили в Эксетере. Выходцами из Уилтшира были товарищи Хайда по роялистскому лагерю, Френсис Коттингтон и Эдвард Николас. Коттингтон, член Тайного совета в годы правления Карла I без парламента, чье имя называлось рядом с именами Страффорда и Лода, принадлежал к высшему слою, чем Хайд, и был владельцем большого поместья в Фонтхилле, которое, позднее, в XVIII веке, отошло к богачу герцогу Уильяму Бекфорду. Коттингтон был склонен к католичеству, что не могло радовать Хайда. Николас являлся одним из его ближайших друзей и сподвижников.

Два других земляка Кларендона стали его интеллектуальными и политическими оппонентами. Один из них – сэр Энтони Эшли Купер, получивший титул графа Шефтсбери. Его дом в Уимборн Сент-Джайлс располагался в нескольких милях к югу. В 1644 году он перешел на сторону парламента, по-видимому, обидевшись на отказ Карла I сделать его губернатором Уэймаута. Он был членом Государственного совета при Кромвеле, в 1659 году воспротивился возвращению к власти «охвостья» Долгого парламента, убедив генерала Монка предпринять поход на Лондон. Эшли был одним из двенадцати членов парламента, прибывших к Карлу II с предложением вернуться на трон. При Кларендоне он был одним из самых способных деятелей его администрации, и он же принял участие в свержении канцлера, войдя затем в правительство КАБАЛЬ. Как заметил Оллард, «если Кларендон был божеством-хранителем будущей торийской партии, то Шефтсбери исторически был основателем партии вигов». В его доме учительствовал Джон Локк, «отец» либерально-просветительских идей. Как и Кларендон, Шефтсбери покинул Англию, чтобы избежать ареста, и скончался на чужбине. Другим интеллектуальным противником Эдуарда Хайда был политический мыслитель Томас Гоббс. Его дом находился в городке Малмсбери. Одно время они были в дружеских отношениях, но появление «Левиафана», фактически оправдывавшего индипендентский режим, сделало Гоббса фигурой *non grata* для эмигрантов. Принципы, изложенные Гоббсом, казались Кларендону неприемлемыми, к их критике он вновь и вновь обращался.

Начальное образование Эдвард получил в доме отца, обучал его приходский викарий, до занятия этой церковной должности бывший школьным директором. О нем у Кларендона не сохранилось теплых воспоминаний; он называл его человеком равнодушным, и полагал, что его настоящим учителем был отец, обладавший огромными знаниями и находивший удовольствие в занятиях с сыном. Будучи младшим сыном, Эдвард мог рассчитывать главным образом на самого себя. Генри Хайд полагал: для его младшего сына лучший способ найти профессию состоял в получении богословского образования в Оксфорде. Там, в колледже Святой Магдалены обучался он сам, там обучался один из его братьев. Туда же он отправил старшего сына Генри, а затем в тринадцатилетнем возрасте и Эдварда. В течение трех лет братья пре-

³ Суждения о стиле Кларендона различны: одни авторы называют его «блестящим», другие витиеватым и сложным для восприятия.

бывали там вместе. От поступления в Оксфорд у Эдварда, ставшего после реставрации канцлером университета, осталась обида. Отец надеялся, что сын получит стипендию, тем более поддержку оказал сам Яков I, подписавший письмо-рекомендацию. Однако ее не дали, объяснив, что королевское письмо опоздало. Стипендию не дали и на будущий год, сославшись на отсутствие вакансий. Хайд в своей книге представил этот эпизод как проявление неуважения к монарху.

Ранний возраст, когда Хайд стал студентом, удивителен для нашего времени, но тогда это не было из ряда вон выходящим. В те времена студентами двух знаменитых университетов, Оксфордского и Кембриджского, могли стать выходцы из разных слоев общества, разумеется, за исключением бедняков. Лиц без достаточных средств, рассчитывавших после обучения получить доступ к церковным должностям и скромному жалованью, было не очень много, по некоторым данным, примерно четверть общего числа студентов (Кембридж). В XVII веке направлять сыновей знати и состоятельного джентри в Оксфорд становилось все более распространенной практикой. Считалось, что дисциплина в университетах была строгой: телесные наказания для студентов были отменены только в годы Реставрации. Основной упор в преподавании делался на риторику, логику и классические тексты, но и сочинения мыслителей XVI века, например, Макиавелли и Бодена были известны слушателям. Тьюторы рекомендовали знакомиться с современными философами, такими, как Френсис Бэкон или Рене Декарт. По желанию студентов обучали танцам и верховой езде, также французскому и итальянскому языкам. А вот естественные дисциплины не изучались, научные и математические вопросы только затрагивались в традиционных курсах. Научные исследования не считались обязанностью преподавателей – Королевское общество, основанное при Карле II, вносило в науку больший вклад, чем оба университета вместе. Именно тогда, когда Хайд обучался в Оксфорде, в 1624 году, там был основан новый колледж, названный Пемброк в честь тогдашнего канцлера королевства. Оксфорд в стюартовское время воспринимался как более древний, выдающийся и консервативный университет, чем Кембридж.

В адрес студентов часто звучали упреки, что они бездельничали, распутничали и растрачивали время в праздности. Трудно сказать: то ли студенты того времени действительно отличались этим, то ли, скорее всего, такого рода бурчания по поводу молодежи никакое поколение не избегло. Как бы то ни было, Хайд не раз слышал от разных людей, будто ему повезло, что отец рано забрал его из Оксфорда, хотя сам он «всегда придерживался высокого мнения» об этом университете. Он заключил, что получил степень бакалавра не столько благодаря трудолюбию, сколько способностям и сообразительности, поскольку «дисциплина в то время не была такой строгой, как потом, а привычка к выпивке слишком широко распространилась», так его брат излишне увлекся этим [10, 12]. Можно догадаться: сам Хайд, впервые почувствовав свободу, не гнушался таким времяпрепровождением. По-видимому, опытом тех лет была продиктована фраза в его эссе «О пьянстве», написанном на склоне лет: «Самые способные люди, если неумеренно пьют, за несколько лет становятся глупцами» [5, 109].

В 1625 году, сразу после воцарения Карла I, в семье Хайдов произошло печальное событие: скончался Генри, старший брат Эдварда. Теперь он остался единственным по мужской линии прямым наследником отца. Генри-старшему пришлось поменять намерения в отношении сына – было решено послать его в Лондон, в адвокатскую школу Мидл Темпл, одну из школ корпорации юристов Инс оф Корт. Эта корпорация, а не Оксфорд с Кембриджем, была в XVII веке настоящим университетом. В то время Эдварду помог дядя Николас, высокопоставленный юрист. В Мидл Темпл он был казначеем, а вскоре получил назначение Верховным судьей Королевской скамьи. Его обязанности заключались в поездках по стране для осуществления правосудия. По мнению Хайда, он как нельзя лучше подходил для исполнения своих обязанностей в то время, когда многие были недовольны постоями войск, был человеком серьезным и строгим, пользовавшимся доверием и уважением со стороны высокопоставленных лиц, с

которыми был связан. Он пользовался известностью в стране, был уважаем судьями, хотя у некоторых «вызывал ревность и предубеждение». И рыцарским званием, и назначением на высокую судебную должность сэр Николас был обязан всесильному фавориту короля герцогу Бекингэму, у многих вызывавшему недовольство и даже ненависть. Николас Хайд сочинил в 1626 году ответ герцога на обвинения со стороны палаты общин. Он умер в 1631 году, заразившись лихорадкой во время одного из выездных судебных процессов. Итак, сэр Николас обеспечил племяннику протекцию, когда тот ступил на юридическое поприще. Правда, с переездом в Лондон случилась неожиданная задержка. В стране началась чума, и вместо отъезда в столицу Эдвард завершил обучение в университете, получив степень бакалавра и совмещая это с поездками в имение отца.

Насколько обычным было образование, полученное Хайдом, для людей его круга? Современные исследования в области социальной истории образования показывают, что путь, им пройденный, был в целом типичен для сыновей джентри. Данные исследователей по пяти графствам Англии (Уилтшир не в их числе) за период с 20-х до 60-х гг. XVII века, показывают: примерно 14 % сыновей джентри проходили обучение в Оксфорде или Кембридже, 9 % в Инс-оф-Корт, 5 % и в одном из этих университетов, и в юридической школе. Все, кто сменил место учебы, двигались, как и Хайд: из университета в Инс-оф-Корт. Случаев обратной последовательности не зарегистрировано. Только часть тех, кто обучался в университетах, получили степень: 35 % степень бакалавра и 25 % магистра. Для сыновей джентри Инс-оф-Корт «служил той же цели, что и университет, предоставляя социальные, культурные и интеллектуальные возможности. Знание законов было признано как полезное украшение для джентльмена в раннее новое время, помогающее играть частную и публичную роль. В то время как для многих юридические корпорации были не более чем подспорьем для расширения социальных связей и приобретения доли столичного глянца, для некоторых изучение законов стало базой для карьеры» [106, 46]. 12 % сыновей джентри обучались в Лондоне какому-то делу, например, коммерции, 2 % шли служить в церковь. Таким образом, обучение за пределами дома проходили менее половины всех сыновей землевладельцев. Приоритет отдавался старшим сыновьям – не только с точки зрения прав на имение, но и в праве на образования. То, что Эдвард, вслед за старшим братом, был отправлен в Оксфорд, было до некоторой степени исключением.

Как и в других странах, во все времена, юристы в Англии в XVII веке были закрытой и влиятельной корпорацией, вхождение в которую привлекало сыновей джентльменов, и не только тех, кто действительно стремился к адвокатской и судебной деятельности. Законоведение – это одна из древних профессий, но в XVII веке внутри нее возникла специализация: выделились адвокаты, поверенные и стряпчие. Подготовка к адвокатской деятельности требовала многих лет, но это оправдывалось, прежде всего, высокими заработками. Должности в некоторых органах, таких как суды опеки, давали особенно большие доходы. Потребность в услугах адвокатов росла в условиях развивавшейся торговли, порождавшей имущественные и наследственные споры. От умения адвоката зависело многое, тем более законодательство было более чем запутанным, а границы между обычным правом и законами государства размытыми. Наличие разных судов, в том числе адмиралтейских и церковных, делали судебную систему весьма сложной. Однако степень права сулила не только богатство и престиж, но открывала дорогу в политику, причем не только к должностям в королевской администрации, но и в парламенте. Юристы были представлены во всех парламентах, при этом их число превосходило число лиц коммерческого интереса. В парламенте 1614 года было 48 профессиональных юристов и 42 купца, в Долгом парламенте в 1640 году 75 адвокатов и 70 коммерсантов. Как правило, в палате общин юристы были второй по численности группой после представителей джентри. С долей преувеличения, ссылаясь на опыт Английской и Французской революций, можно сказать: их виновниками были адвокаты, юридической казуистикой разжигавшие костер существовавших противоречий.

Судить, то есть воздавать по справедливости, конечно, было делом представителей благородного сословия. Одной из главных социальных обязанностей джентри в графствах было исполнение роли мировых судей. Мировые судьи не были профессиональными юристами. Эта должность, возникшая в XIV веке, была почти общественной нагрузкой; от мирового судьи требовалось, чтобы он уплачивал ежегодно земельный налог в размере 20 фунтов, и был, в первую очередь, человеком глубоко моральным и религиозным. Быть мировым судьей означало иметь высокий социальный статус. Мировые судьи фактически были высшими местными должностными лицами, если не принимать во внимание лордов-лейтенантов, назначавшихся в некоторые графства непосредственно королем. Высокий статус мирового судьи являлся одной из предпосылок интереса выходцев из джентри к приобретению звания адвоката. Таким образом, путь на который ступил Эдвард Хайд, был довольно обычным, а поддержка со стороны родственников, как и несомненные способности, гарантировала профессиональный успех.

Начало обучения в Мидл Темпл было отложено в связи с начавшейся в Лондоне эпидемией чумы и пошатнувшимся здоровьем самого Хайда, мучившегося приступами лихорадки. Несколько месяцев он провел в поместье отца Пертон, куда семья переехала из Динтона в 1625 году. Из Пертона было несложно выезжать в Оксфорд, где Хайд все же получил степень бакалавра. Летом 1628 года во время судебной поездки по стране, начавшейся в Кембридже, с дядей, верховным судьей Николасом Хайдом, Эдвард заболел. Поначалу это посчитали простудой, следствием жаркой погоды, но болезнь оказалась оспой, едва не убившей его. Эдвард провел в постели несколько недель, а затем долечивался в Пертоне.

Поездки судебных по стране Хайд считал важной частью подготовки юристов. Они не только давали возможность лучшим образом узнать «джентри, народ и манеры Англии», но и познакомиться с юридической практикой досконально. Это был «тяжелый труд, но сопровождающийся удовольствиями и получением дохода». Хайд даже уверился, что юристы живут на несколько лет дольше людей других профессий благодаря этим поездкам и постоянной верховой езде [10, 18]. Трудно сказать, так ли это: пример самого Эдварда говорит о подстерегавших опасностях, да и дядя Николас скончался в 1631 году от простуды, подхваченной во время поездки. Впрочем, болезни Эдварда могут говорить не о слабости его здоровья, скорее наоборот. То, что он выздоровел на протяжении короткого времени от двух тяжелых заболеваний, свидетельствует о крепости организма. Поскольку в те времена смертность от инфекционных болезней была высока, причем не только среди детей, а вдовство было обыденным делом для совсем не старых людей, можно считать, что Хайду повезло. Первые приступы подагры, от которой он страдал три десятилетия, появились в 1644 году. В целом, здоровье Хайда и в зрелые годы казалось приемлемым, что, возможно, объяснялось отличавшей от многих людей его круга умеренностью в алкоголе и, в меньшей степени, в питании. В своих записях он жаловался, иногда шутливо, на полноту. В литературе встречалось суждение, что его полнота была следствием метаболизма, хотя само это понятие не было известно в те времена.

Для приехавшего в Лондон обучаться на адвоката молодого человека вопрос о здоровье вряд ли был самым острым. Столица предлагала немало соблазнов, и Эдвард не прошел мимо них. Как заметил Оллард, «трудно судить, в какой степени мистер Хайд в молодости был человеком удовольствий» [74, 15]. Автобиография не сообщает деталей («для этого нет причин»), но позволяет о чем-то догадываться. Хайд так описывал нравы тех дней: «Это было время, когда многие юные неопытные джентльмены, у которых не было ангела-хранителя, чтобы их защитить, неожиданно и быстро губили себя в море вина, женщин, ссор, азартных игр, что едва не опрокинуло целое королевство, в том числе знать и джентри. Божье благословение помогло ему (автор везде пишет о себе в третьем лице – А. С.) выпутаться из этого лабиринта (его характер и наклонности позволяли больше держаться в стороне от беспутных занятий, чем принимать участие в них)» [10, 22]. Только что неудачей окончились военные экспедиции в Кадис и на Иль де Ре, Лондон был полон солдатами и моряками, дворянами, готовыми наняться на

военную службу. Те, у кого было, что тратить, и те, кто хотел наполнить карманы любыми способами, заботились о праздном времяпрепровождении, наполненном низкими удовольствиями. Из намеков Хайда видно, что он не гнушался общаться с офицерами не у дел и моряками, проводя с ними «слишком много времени» и «получив от них некоторый опыт», пригодившийся во время гражданской войны, когда в ставке короля такого рода люди окружали его. Он признавался, что иногда участвовал в их развлечениях, избегая, однако, «открытого разврата». От порока спасало то, что в любой день, или хотя бы перед сном, Эдвард читал, чтобы подготовить ответы своему дяде на поставленные им вопросы из юридической практики. Тем не менее, Хайд признавался, что предпочитал читать не сочинения юристов, а книги по политесу и истории, особенно римской, к обсуждению которой был весьма охоч. Кларендон жадно впитывал идеи, изложенные в книгах или высказанные в разговорах. С молодых лет в нем доминировали интеллектуальные интересы. Оллард заметил: трудно представить Хайда празднующим или проводящим время на рыбалке.

Разумеется, он проводил время не только в специфической компании вояк с плохими манерами, но и обществе равных себе или тех, кто был выше его по положению, кто «никогда не произносил грубого или скверного слова». В этих случаях существовал иной соблазн: его сотрапезники граф Дорсет, лорд Конвей и лорд Ламли «превосходили других в удовлетворении своих appetitов». В таких случаях Хайд и сам «потворствовал собственному вкусу и находил удовольствие в том, чтобы хорошо поесть и выпить, однако без особого расположения к излишества, но по правде, желая скорее выглядеть эпикурейцем, чем быть им» [10, 22]. Хотя Хайд обучался адвокатской профессии с «великим усердием», он не хотел быть ее «рабом», с радостью общаясь с «друзьями при дворе и в городе». Встречи происходили в том месте и в тот час, о котором договаривались заранее, и главной частью общения были беседы. Хайд подчеркнул, что общение с друзьями происходило не за счет учебы, время выкраивалось, если нужно, от часов, отведенных для сна. По существовавшему обычаю он вставал рано, чтобы посвятить себя юридическим делам, из-за чего никогда не пил лишнего, за исключением редких случаев, когда встречался с самыми близкими друзьями. Подняться рано, много выпив накануне, Эдвард не мог. Свободное время и каникулы он посвящал учебе и работе, почти не покидая Лондона; только два месяца летом он проводил в поместье семьи. Связывали ли Хайда тогда с кем-то любовные отношения? Судить об этом по тексту автобиографии невозможно; дружба подразумевала идеал мужского братства. Отсутствие информации позволяет предположить: до женитьбы постоянных отношений с женщинами у него не было, но мимолетные связи могли иметь место. В отличие от своего младшего, весьма откровенного, современника Самюэля Пеписа, Хайд ничего о своих связях не рассказывал, но это не означает, что их не было. Историк Оллард писал о продолжавшейся долгие годы, в том числе во время изгнания после гражданской войны, переписке Хайда с леди Дэлкейт: ее тональность заставляет предположить «амурную дружбу» [74, 27]. Эта дама происходила из семейства Грэндисонов, с которым Хайд породнился в первом браке. Когда возникла эта связь (если она действительно имела место) сказать невозможно. Не стоит забывать: главной задачей Хайда было преподать потомству моральный урок, и его собственная молодость должна была служить положительным примером преодоления соблазнов, трудолюбия в избранной деятельности, ценности дружеского общения.

Хайд постоянно возвращался к мысли о том, что бесконечно много получил от общения с друзьями. Почти всех их он считал людьми самых высоких человеческих качеств, называя себя худшим среди них: «Кроме Божественного провидения, хранившего его (от искушений) в течение всей жизни (не так строго, как следовало), дружба и общение с замечательными людьми спасли его от многих опасностей и неудобств, из-за которых другие молодые люди пропали. Их уроки, знания и советы научали его, сформировали его понимание (жизни). Благодаря их такту, изысканным манерам, справедливости, добродетелям и примеру определился

образ его поведения, смирилась гордость, угасла горячность, и страсти были направлены вглубь себя. Нет ничего приятнее, чем часто упоминать тех, кто был тогда его друзьями, вспоминая достоинства и добродетели каждого» [10, 18–19].

В молодые и зрелые годы Хайд ценил дружбу больше всего, или, по крайней мере, так утверждал. Его собственный опыт, несомненно, повлиял на содержание одного из самых интересных его морально-философских эссе «О дружбе», написанном в последние годы жизни, когда те, кого он считал друзьями, или ушли в иной мир, или фактически его предали. Но это не разубедило его в том, что дружба – высшее проявление человеческих чувств, испытать которое доступно только мужчинам. О «женской дружбе» он не упоминает не словом. Он писал: «Дружба – это искусство и наблюдательность лучшего врача, заботливость и зоркость лучшей сиделки, нежность и терпение лучшей матери» [5, 136]. Использование метафор лечения носит подсознательный характер, отражая чувство утраты и собственное болезненное состояние. Кларендон был уверен, что настоящая дружба накладывает ряд обязательств. Во-первых, другу надо «помогать советом, потому что лучший цемент, удерживающий вместе – уверенность в добродетельности друга. Надо самым внимательным образом наблюдать, чтобы никто не отклонился от этих строгих правил, если обнаруживается малейшая склонность к этому, надо предостеречь и осудить, чтобы предотвратить падение». Во-вторых, надо «помогать другу в его интересах и претензиях с максимальной силой и большей искренностью, чем для себя». В-третьих, правилом дружбы является полное доверие и постоянное общение, без которого честный совет не будет вознагражден. В-четвертых, необходимо постоянство и твердая приверженность законам и обязательствам дружбы. По его мнению, дружба священнее уз брака. В любых делах другу следует доверять больше, чем жене, с которой делишь ложе. Если случится, что друг пал настолько, что нарушил законы добродетели и справедливости, словно неприкосновенность брачного ложа, с ним можно расстаться, и дружба окажется разрушенной. Но и когда общение прекратилось, доля влечения остается, о прежнем друге не говорят плохого, а благодарная память о прошлых отношениях сохраняется [5, 131–132]. Настоящей дружбе препятствуют некоторые «печально известные и позорные пороки», когда «безнравственные и похотливые люди» именуют свою страсть любовью. Это не дружба, а стремление получить удовольствие и удовлетворить низкие аппетиты [5, 134]. Придавая дружбе благородных людей исключительное значение, Кларендон объяснял недостойные поступки политиков, к которым он относился с легкой критикой, таким как Бекингом, Страффорд или Лод, именно недостатком дружеского общения. Тот, кто слишком быстро возвысился, часто окружен не друзьями, способными дать честный совет, а льстецами и подхалимами.

Самой известной персоной среди тех, с кем свел Хайда Лондон, был поэт и драматург, много сделавший для развития английского языка, театра и литературы, Бен Джонсон. Эти его заслуги отмечал Хайд. Родившийся в 1573 году Джонсон принадлежал к старшему поколению и «сживал за выпивкой с Шекспиром в трактире «Русалка» на Бред-стрит» [114, 122]. Он «в течение многих лет он был исключительно добр к мистеру Хайду, пока не осознал, что тот определил себя к делу, которое, как он считал, не может быть предпочтительней его кампании» [10, 45]. Видимо, они разошлись не безболезненно. Позднее Джонсона разбил паралич, он умер в 1637 году. Кроме Джонсона, к миру литературы принадлежали поэты Томас Керью и Томас Мэй. Оба, почти ровесники, старше Хайда лет на пятнадцать. Как и он, происходили из джентри. Керью в молодые годы участвовал в дипломатических миссиях. К 1630-м годам он был известен как автор любовной лирики, воспевающей чувства и женскую красоту. Большая часть его стихов посвящена некоей Цилии, которая была любовницей и музой поэта на протяжении многих лет. Кто спрятан за этим именем, неизвестно. Обстоятельства и время смерти Керью не вполне ясны: то ли он умер до 1640 года, поскольку издание, вышедшее тогда, значилось посмертным, то ли если верить Хайду, прожил более пятидесяти лет (значит, скончался не ранее 1645 года). Он был известен не только «стихами (особенно амурными), отличавши-

мися остротой фантазии и элегантностью языка, равными, если не превосходившими любые другие, написанные в то время, но и христианской смертью» (видимо, кончиной после долгой болезни, которую он принял стоически). Он прожил «менее строго и аккуратно, чем следовало». Мэй, поэт, автор театральных пьес и переводчик с латыни, опубликовал первый стих, написанный на английском, в 1612 году в сборнике, выпущенном в ознаменование кончины наследника престола Генри, принца Уэльского. В 1620-е гг. пьесы Мэя ставились, в частности, на сцене театра Красного Быка – театра под открытым небом для простолюдинов. Мэй интересовался историей Рима. В 1626 году он написал трагедию «Клеопатра»; в течение многих лет переводил на английский незаконченное сочинение римского поэта Марка Лукана о падении Римской республики («Фарсалия, или о гражданской войне»). Во время революции Мэй перешел на сторону парламента. В 1647 году он написал «Историю парламента Англии, начавшегося 3 ноября 1640 года», то есть Долгого парламента. А. Н. Савин полагал, что в оценке причин Английской революции Мэй, связывавший их с изменениями в религиозном сознании народа, был глубже Кларендона. Это спорное мнение объясняется тем, что русский историк твердо следовал школе С. Гардинера. После казни Карла I Мэй одобрил власть охвостья, назвав его членов «сенаторами». Он, по-видимому, смотрел на события, происходившие в Англии, через призму представлений об истории Рима. Хайд, безусловно, осуждал Мэя, считая, что тот «утратил добродетели, оставил честность» и совершил низкие поступки. В 1650 году он скончался «в жалком положении и пренебрежении, и достоин, чтобы его забыли». Смерть Мэя для Хайда – справедливое воздаяние.

Другая группа знакомцев Хайда – юристы. Его учителем и товарищем был Джон Селден, имевший в профессиональном смысле европейскую известность. Он родился в 1584 году и успел пострадать за права парламента, будучи арестованным в 1629 году. В тюрьме провел два года. Политические взгляды Селдена, умеренного монархиста, отстаивавшего свободы парламента, были близки Хайду, считавшего его человеком фундаментальных знаний в разных областях и во многих языках. Расценивая стиль его работ как тяжеловатый, Кларендон объяснял это спецификой предмета и подчеркивал, что устно тот излагал мысли исключительно ясно. В 1640 году, будучи последовательным сторонником конституционных свобод, Селден был избран в Долгий парламент от Оксфордского университета. После падения Оксфорда в 1646 году он фактически спас университетскую библиотеку. После поражения роялистов он выступал против суда над Карлом I. В адрес Селдена, оставшегося в Лондоне, звучала критика со стороны кавалеров, но Хайд его оправдывал, объясняя невозможность эмигрировать возрастом. Несмотря на опасности, Селден не поддерживал действий новых властей, наоборот, «пытался воспрепятствовать им, чем мог, в ущерб своей безопасности, о которой он не очень заботился». Он умер в 1654 году.

Юристом был Джон Вохэн, чьим главным достоинством Хайд назвал тесную связь с Селденом, авторитетом укрепившим его престиж. Причина этой двусмысленности в том, что Вохэн придерживался теорий, которые вели к народному суверенитету за счет прерогатив короны. Тем не менее, после гражданских войн он, объявив себя роялистом, покинул, в отличие от Селдена, Лондон и перебрался в свое поместье в Уэльсе. Оно было разграблено парламентскими войсками. Каких-либо практических действий в пользу Стюартов он не предпринимал, но после Реставрации его репутация как роялиста укрепилась. Став канцлером, Кларендон предлагал ему высокий судебный пост, но тот отказался, занявшись парламентской деятельностью, войдя в число противников «королевской партии» и став одним из лидеров группировки, которая вынудила канцлера бежать из Англии. Впоследствии Кларендон писал, что враждебное поведение Вохэна в парламенте стало для него неожиданностью.

В круг близкого общения входил сэр Кенелм Дигби, занятная фигура того времени. Современники считали его эксцентриком – в XIX веке русские путешественники называли таких жителей Альбиона чудаками, полагая, что «чужачество» – одна из особенностей англий-

ского национального характера. Судьба Дигби полна приключений и заслуживает пера Александра Дюма (хотя великий французский писатель вряд ли мог сделать главным героем англичанина). Отцом этого человека был сэр Эверард Дигби, один из участников «порохового» заговора, казненный в 1606 году. Для младшего Дигби вопросы веры решались непросто: из католичества он перешел в англиканство, возможно, руководствуясь соображениями карьеры, затем снова обратился к католической вере. Не зря его известное философское сочинение носит название «Разговор с дамой о выборе религии». Вступив на дипломатическое поприще и прибыв во Францию, он, по собственным воспоминаниям, стал объектом страсти вдовствующей королевы Марии Медичи. Женился сэр Кенелм на самой признанной красавице своего времени леди Виниции Стенли. При Карле I стал членом Тайного королевского совета, в 1628 году занялся, безуспешно, пиратским промыслом (традиция, идущая от елизаветинского времени), отправившись в Средиземноморье. Натура стремительная, человек с многообразными интересами, он не мог не привлечь Хайда. В конце 1630-х гг. Дигби принял участие в шотландских войнах, затем отправился во Францию. Там пробыл недолго: убив на дуэли французского дворянина, Дигби через Фландрию возвратился на родину, где по приказу парламента был посажен в тюрьму. Впрочем, заключение было недолгим, по ходатайству регентши Французского королевства Анны Австрийской он был отпущен и во Франции стал канцлером королевы в изгнании Генриетты Марии. Автор философских трактатов «О природе тела» и «О бессмертии благочестивых душ», Дигби увлекался астрологией и алхимией: еще в 1630-х гг. он изучал эти «науки» вместе с проживавшим в Англии художником ван Дейком. Дигби не только писал о душах и телах, но издал поваренную книгу, а также сочинение, посвященное растениеводству. После Реставрации он был одним из отцов-основателей Королевского общества. Кто знает, быть может, самым бесспорным вкладом сэра Кенелма Дигби в историю человечества было изобретение современной винной бутылки.

Еще одним приятелем Хайда был Чарльз Коттон из Дербишира. Оллард назвал его «Раймондом Асквитом своего поколения». Это сравнение неточно. Раймонд – старший сын британского премьера Герберта Асквита, при котором Англия вступила в первую мировую войну. Блестяще образованный молодой человек обладал качествами, позволявшими современниками считать его образцовым джентльменом, и погиб в сражении при Сомме. О Коттоне Хайд писал как о человеке, «обладавшем всеми теми качествами, которые создают репутацию настоящего джентльмена». Однако избранный им путь был отличным от Асквита. Унаследовав поместье и увеличив состояние за счет женитьбы, Коттон жил в деревне, посвятив время здоровым удовольствиям. И он, и его сын были в дружеских отношениях с английским писателем Исааком Уолтоном, страстным рыболовом, с которым они разделили это увлечение. Коттон написал частично один из разделов книги Уолтона «Все для рыбака» (“Compleate Angler”), ставшей в Англии самой переиздаваемой, по количеству изданий сопоставимой только с Шекспиром. Другим увлечением Коттона были игры, и он написал книгу «Все для игрока» (“Compleate Gamester”), в которой не только поведал читателям обо всех играх: от бильярда до боулинга, от шахмат до карт, но и о пользе правильного досуга.

Хайд промолчал о дружбе с Балстродом Уайтлоком, ставшим видным деятелем парламентского лагеря в эпоху гражданских войн и междуцарствия. Он был обязан своим необычным именем дяде Эдмунду Уайтлоку, пользовавшему в Лондоне своеобразной репутацией. Наверное, его можно, как и Дигби, назвать эксцентриком, но правильнее – кутилой. Поучившись в европейских университетах, послужив недолго во французской кавалерии, «капитан Уайтлок» вернулся в Лондон, где прожигал жизнь в компании приятелей-аристократов, в основном за их счет. Среди его хороших знакомцев были архитектор Иниго Джонс и не менее знаменитый путешественник Уолтер Рэли. У Эдмунда было свойство оказываться там, где было «жарко», но выходить сухим из воды. В 1601 году он присутствовал на одном собрании, после чего был заподозрен в участии в заговоре графа Эссекса против Елизаветы I. 4 Ноября

1605 года, через три месяца после рождения племянника, он поужинал в компании лорда Нортумберленда и его родственника сэра Томаса Перси. На следующий день был раскрыт пороховой заговор, и Эдмунд Уайтлок оказался в заключении по подозрению в участии в нем, однако в дальнейшем был отпущен за отсутствием доказательств. Этот человек по непонятной прихоти настоял, чтобы ребенка назвали в честь матери, или ее именем Элизабет, или фамилией Балстрод. Чтобы не назвать мальчика девичьим именем, родственники и священник согласились на второй вариант, показавшийся им меньшим злом.

Пути двух молодых адвокатов, Хайда и Уайтлока, были и разными, и похожими. Оба происходили из джентри, но статус их семейств отличался. Дед Уайтлока был младшим ребенком и был вынужден заняться торговлей. Он умер во Франции, оставив жену с четырьмя малолетними сыновьями. Ее целью стало дать детям образование. О старшем из братьев, Эдмунде, уже сказано, другой брат Ричард перебрался в Германию и продолжил коммерческие занятия отца, став основателем немецкой ветви семейства. Третий брат Уильям покинул Лондон и, став буканьером, служил под начальством Дрейка в Вест-Индии. Он погиб в сражении с испанцами. Таким образом, самым успешным из братьев стал отец Балстрода Джеймс: окончив Оксфорд и адвокатскую школу, он не только получил выгодную практику, но стал в 1606 году депутатом парламента. Своей карьерой он был обязан семейным связям жены, в том числе знакомством с Верховным судьей Эдуардом Коком, чьи взгляды на законодательство не во всем совпадали с взглядами Якова I. Джеймс Уайтлок соглашался, что королевские prerogatives могли быть ограничены, и за подобное фрондерство был подвергнут аресту. Не удивительно, что воспитанный в этой «либеральной» семье Балстрод стал позднее стойким приверженцем парламента. У Уайтлока и Хайда были отцы с парламентскими связями, прямая дорога в Оксфорд и Инн оф Корт, но Балстрод, будучи на три года старше, успел поучаствовать в парламенте в 1626 году. Его биограф Руфь Спалдинг писала: «В Мидл Темпле он подружился с молодыми людьми, ставшими затем знаменитыми. Один из них, Эдуард Хайд, испытывал к нему чувство глубокого восхищения; это видно из его ярких и беспорядочных писем, которые, между прочим, содержат мало почтения к некоторым людям во власти. Эта переписка и это восхищение продолжались около двадцати лет, а потом их политические пути разошлись» [97,31]. Уайтлок вспоминал: когда в 1634 году, после недолгого пребывания во Франции, он вернулся на родину, сердечнее всех его встретил Хайд.

Уайтлок унаследовал от отца музыкальные способности. В 1633 году ему и Хайду корпорация Инн оф Корт поручили подготовить представление масок в честь Карла I и Генриетты-Марии – блестящий праздник, обошедшийся в баснословную сумму свыше 21 тысячи фунтов, что эквивалентно более чем двум миллионам в наши дни. Выполняя почетную и ответственную миссию, молодые адвокаты получили аудиенцию у королевских министров, Лорда-министра двора Пемброка и сэра Генри Вейна-старшего, контролера королевского двора, чтобы согласовать сценарий и детали празднества. В начале революции Вейну предстоит сыграть двусмысленную роль в процессе графа Страффорда. Оба министра были известны неуживчивыми характерами. Впоследствии Хайд иронично писал о Пемброке как о человеке, «не обладавшем иными качествами, кроме понимания собак и лошадей». Вейн добивался контроля над расходами, но Пемброк вмешался и разрешил посетителям тратить, как они хотели.

Представление масок состоялось в понедельник 3 февраля 1633 года. Ему предшествовали праздничные шествия по улицам столицы от дворца епископа Эли⁴ в районе Холборн к королевскому дворцу Уайтхолл и Банкетному залу.⁵ Процессия началась вечером, но сотни

⁴ Эли (Ely), расположенный в наши дни в графстве Кембриджшир, был в былые времена самостоятельной территорией и до 1837 г. находился в юрисдикции епископа. Старый епископский дом в Лондоне просуществовал с XIII века до 1772 г., когда на этом месте было построено новое здание.

⁵ Дворец Уайтхолл был главной резиденцией английских королей с 1530 г. В нем состоялась свадьба Генриха XVIII с

факелов создавали полную иллюзию дневного света. На всем пути дома и улицы были заполнены зрителями. Во главе первого шествия шли двадцать человек в алых ливреях с серебряными кружевами и мечами по бокам; каждый нес жезл в одной руке и факел в другой, как бы расчищая процессии путь. За ними на одном из лучших коней из королевской конюшни следовал церемониймейстер, затем двое слуг в ливреях, несших факелы, и паж с маской. Затем шли трубачи, а за ними верхом сотня великолепно одетых джентльменов из Инн оф Корт на лучших лошадях из конюшен короля и знати. Их также сопровождали лакеи и пажи.

Второе шествие в традиции гротеска и комедии контрастов представляло собой анти-маску и напоминание о безобразной реальности. В нем нищие и калеки ехали на тощих лошаденках под лязганье и щелканье в унисон ключей и клещей. Свист дудок говорил о приближении третьей процессии, тоже анти-маски. Маленькие мальчики, одетые в птичек, группировались вокруг большой совы в кусте плюща, что символизировало зависть слабых к сильным мира сего. Здесь же ехал мужчина на лошади в сбруе с огромной уздой на голове. Большие удила были прикреплены и ко рту лошади. Это зрелище символизировало молчаливое недовольство практикой продажи королем патентов и монополий, вызывавшей острое недовольство в Англии и Шотландии. В процессии на голову актера, игравшего монополиста, был водружен каплун, в руках он держал связку моркови, что означало монополию на откармливание каплунов морковью. Сатирические анти-маски были одобрены генеральным прокурором как средство, чтобы довести до власти жалобы народа. В процессии на лошадях ехали музыканты, одетые как служители языческих культов, затем актеры на открытой повозке в одежде языческих богов и богинь, затем снова музыканты, громко игравшие перед повозками в римском классическом стиле, каждую из которых тянули четыре лошади. В них находились участники, представлявшие разные колледжи адвокатов. Повозкой от Мидл Темпл управлял Уайтлок. Когда он и Хайд вошли в Банкет-Холл, то увидели множество людей. Толпа была такой плотной, что даже король с королевой с трудом находили путь к окнам. Они были восхищены зрелищем и передали просьбу обойти вокруг Тилт Ярда, чтобы вторично увидеть всю процессию. В помещении актеры исполнили спектакль маски, пояснив на словах некоторые символы зрелища. После маски состоялись танцы, в них со своими дамами участвовала королева, потом все сели за стол. Как видим, двух друзей объединяла не только профессия юриста.

В 1640 году оба стали членами Долгого парламента и сотрудничали до процесса Страфффорда, активную роль в котором Уайтлок сыграл, став председателем Комитета по выработке обвинений. После этого их пути разошлись. Во время гражданских войн Уайтлок оставался важной фигурой в парламенте, сблизившись с партией военных. Однако никакой роли в решении судьбы Карла I он не сыграл. Кромвель был о нем высокого мнения, хотя он критиковал роспуск охвостья Долгого парламента. Уайтлок не был фанатиком, скорее всего, он принимал новый режим как неизбежность, в духе Гоббса, поэтому советовал Кромвелю принять корону. Протектор отправил Уайтлока послом к юной шведской королеве Христине, и он преуспел на дипломатическом поприще. После смерти Оливера и отставки Ричарда Кромвеля Уайтлок играл в вернувшемся к власти охвостье важную роль, исполняя обязанности Лорда-хранителя печати, но оказался в лагере, враждебном генералу Монку. В годы Реставрации Уайтлок заплатил немалые штрафы, чтобы вернуть свои земли. Умер он в 1675 году в местечке Чилтон Фолиат в родном для Хайда Уилтшире.

Как складывалась личная жизнь Эдварда Хайда? Чтобы «создать дом, избавиться от беспорядочных привычек, порождающих нерешительность и непоследовательность, с согласия и одобрения отца он 6 февраля 1632 года женился на чистой и красивой юной леди, дочери

Анной Болейн. Уайтхолл, возможно, был крупнейшей в Европе королевской резиденцией, насчитывавшей до полутора тысяч помещений, до того, как сгорел в 1698 г. Банкетный зал был пристроен к дворцу Инниго Джонсом в 1622 г. как место проведения торжеств и банкетов. Это единственная часть дворца Уайтхолл, сохранившаяся до наших дней. В 1649 г. эшафот для казни Карла I был сооружен перед этим зданием.

сэра Джорджа Эйлифа, человека состоятельного и пользующегося хорошей репутацией в Уилтшире» [10, 13]. По матери первая жена Хайда Анна принадлежала к роду Сен Джон, родственными узами связанному со многими самыми знатными фамилиями страны. Брак не был долгим: всего через пять месяцев жена, заболев оспой, скончалась через два дня после выкидыша, оставив Эдварда вдовцом. Он признавался, что «испытал огромные муки и потрясение духа, потеряв ко всему интерес, и только обязательства и уважение к отцу оградили его от того, чтобы забросить все мысли о книгах и отправиться в состоянии меланхолии за моря». Каковы были мотивы, подтолкнувшие Хайда к этому браку? Как видим, сам он подчеркивал рациональные мотивы (изменить образ жизни, укрепить связи с влиятельными кланами). Но в словах «чистая и красивая», написанных почти через сорок лет, кажется, слышно чувство: память сохранила боль от утраты. Первенца, родившегося во втором браке, он назвал Анной. Она, в свою очередь, родит дочь, тоже Анну, которой суждено стать британской королевой.

Связей с родственниками жены Эдвард не утратил, в том числе с фамилией Вильерс, к которой принадлежал покойный фаворит Якова I и Карла I герцог Бекингем. Первым сохранившимся сочинением Хайда был ответ на работу некоего Генри Уоттона «Параллель между Робертом, покойным графом Эссексом, и Джорджем, покойным герцогом Бекингом». В нем доказывалась ложность аналогии между этими двумя деятелями. Не удивительно, что сочинение Хайда понравилось Карлу I, и он якобы пожелал, чтобы автор написал полную биографию своего фаворита. На склоне лет Кларендон был сдержан, характеризуя Бекингема. Он писал, что герцог «достиг величия, почестей и успеха никакими другими преимуществами или рекомендациями, кроме как красотой, грациозностью и привлекательностью собственной персоны». Став фаворитом Якова, Бекингем вызвал недовольство у многих, посчитавших, что он «руководствуется своими аппетитами, а не правилами справедливости», что доходы страны «идут на обогащение одного семейства». Кларендон не отказывал Бекингу в благородстве, искренности, щедрости и личной храбрости – никто не считал его способным на низкие поступки ради денег. Но главной бедой было отсутствие у него настоящих друзей, которые могли бы подсказать, как поступить с честью и добиться истинных интересов, дать совет или помощь [10, 90–96].

Первое появление Хайда в придворных кругах связано со скандалом вокруг семейства Вильерс. Кузину покойной жены Эдварда, соблазнил, обещав жениться, придворный Генри Джармин, занимавший при дворе особое положение благодаря полному доверию со стороны Генриетты Марии. Когда обнаружилась беременность обманутой фрейлины королевы, ее брат Уильям, лорд Грэндисон, то ли вызвал соблазнителя на дуэль, то ли заявил, что сделает это. Дело дошло до короля, и оба были отправлены в Тауэр. Под влиянием королевы Карл I стал на сторону Джармина и даже заявил Уильяму, что «его сестра виновна больше, чем кто-то думает». Он отказался принять составленную по совету Хайда петицию и холодно отказал матери несчастной жертвы соблазнения. По замечанию Хайда, ни к какой «бедной женщине не относились с меньшим расположением, и никакая женщина не заслуживала большего сочувствия». Хайд осторожно намекал, что позиция короля вызвала раздоры в придворной среде и едва ли не стала толчком к будущей гражданской войне. Причина, по которой королева встала на сторону Джармина, не была тайной. Есть свидетельства, что он был ее любовником, а после гибели Карла I они якобы обвенчались. Более того, некоторые историки допускают, что этот человек мог быть настоящим отцом кого-то из принцев, если не всех королевских детей. Иногда обращают внимание на внешнее сходство Джармина и Карла II, заметное на портретах. Если любвеобильность передается по наследству, то второй Карл больше напоминает Джармина, чем примерного семьянина Карла I.

В первой половине 1630-х гг. любимым местом для интеллектуальных занятий становится для Хайда Грейт Тью, поместье, принадлежавшее Люшиусу Кэри, лорду Фолкленду, ставшему ближайшим другом, человеку, оказавшему на него влияние, сопоставимое только с

отцом. Они познакомились, вероятно, в 1630 году и крепко дружили до его гибели в битве при Ньюбери в 1643 году. Хайд до конца жизни помнил о нем, включив его портрет и в «Историю мятежа», и в автобиографию. Эти описания считаются шедеврами писательского мастерства Кларендона. Говорят, что историк XIX века Джеймс Макинтош плакал над ними. Действительно, слова Кларендона звучат трогательно: «Он имел удивительные знания и способности, был неповторимо очарователен и восхитителен в общении, в обилии обладал чертами гуманности и человечности, вел такую простую и цельную жизнь, что будь он единственной потерей в той проклятой гнусной войне, она все равно осталась бы самой позорной и омерзительной для будущих поколений» [10, 50]. В Фолкленде Хайд восхищался его отношением к людям, умением находить в окружающих лучшие черты и ценить их, благородство и воображение, способность поддержать нуждающихся, упорство в достижении целей. Когда Фолкленд поставил задачу выучить древнегреческий, он дал зарок не выезжать в Лондон, который любил больше всего, и через короткое время он овладел этим языком в совершенстве. Он счастливо избегал страстей и предрассудков, «посещающих вульгарные умы», и не имел иных амбиций, кроме как в расширении знаний и сохранении репутации человека, ценящего достойных людей. Внешне Фолкленд не был особо привлекательным: небольшого роста, не обладавший величественной походкой, с голосом, не дававшим повода предполагать, что «с его языка будет звучать музыка». Но «этот низкий ростом, маленький человек обладал такой храбростью, таким бесстрашием», как никакой самый гармонично сложенный мужчина.

Грейт Тью, кружок интеллектуалов, где собирались блестящие мыслители, философы и богословы. Дом Фолкленда был всегда для них открыт; в их распоряжении была прекрасная библиотека. По занятному сравнению Олларда, это было нечто среднее между ренессансным двором Федерико II в Урбино,⁶ Институтом перспективных исследований в Принстоне и оксфордским колледжем Всех Святых [74, 31]. Кларендон писал об атмосфере Грейт Тью: «Его дом, расположенный в десяти или двенадцати милях от университета (Оксфорда – А. С.), сам был словно университетом благодаря обществу тех, кто в нем собирался. Доктор Шелдон, доктор Морли, доктор Хэммонд, доктор Ирлс, мистер Чиллингворт и все наиболее значительные люди с разных факультетов, не считая приезжавших из Лондона – все находили приют, словно в колледжах. Хозяин сам не знал, кто приезжает или уезжает, кто присутствует в доме до тех пор, пока не выходил к обеду или ужину, во время которого собирались все. Других обязательных церемоний или ограничений не существовало; никто не заставлял людей приезжать и никто не вынуждал их оставаться. Приезжали, чтобы поучиться в прекрасных условиях, имея в распоряжении любые книги из библиотеки, которые могли пожелать, в компании людей, которых хотели видеть и не смогли бы найти ни в каком другом месте» [10, 65].

Фолкленд принадлежал к высокому аристократическому кругу. Его отец, Генри Кэри, выходец из древнего девонширского рода, занимал важные государственные должности; в 1620-х гг. был лордом-наместником Ирландии. Поэтому Люшиус обучался в Дублине, в Тринити-колледже, затем после отставки отца перебрался в Англию. Старший Фолкленд хотел, чтобы сын стал государственным деятелем, но все пошло иначе. Перешла в католичество мать Люшиуса Элизабет, дочь сэра Лоуренса Тэнфилда, занимавшего одно время должность лорда Казначейства. Тот был так разъярен поступком дочери, что лишил ее наследства, завещав два поместья, Бурфорд и Грейт Тью, внуку. Но и отношения Люшиуса с отцом расстроились после женитьбы на Летиции, дочери сэра Ричарда Морисона из Лейстершира. Генри Кэри был так недоволен, что разорвал отношения с сыном, хотя Люшиус предлагал оформить на него наследство деда. Как видим, взросление Фолкленда проходило не в такой спокойной атмосфере, как у Хайда. Люшиус решил покинуть Англию и отправился на военную службу в Голландию.

⁶ Речь идет о правителе итальянского города Урбино Родерико де Монтефельтро (1444–1482), известном не только войнами, но и покровительством искусствам и наукам.

Однако его застало известие о смерти отца, и он возвратился на родину. Поместье Бурфорд было продано, чтобы расплатиться с отцовскими долгами, а Грейт Тью стало местом, где собирались друзья. В политическом отношении кружок Фолкленда был «либеральнее» правительственной партии: его участники враждебно относились к политике Страффорда и архиепископа Лода (хотя некоторые были с ним связаны). Такие взгляды разделяли Хайд и Фолкленд, когда в 1640 году вошли сначала в Короткий, затем в Долгий парламент. Кларендон ценил их близость в политических симпатиях и антипатиях. Фолкленд поддержал обвинения в адрес Страффорда, но воспротивился принятию «Великой ремонстрации» и отошел от оппозиции. Оба перешли на сторону короля, когда конфликт приобрел форму открытого противостояния. Первого января 1642 года, за несколько дней до попытки короля арестовать лидеров оппозиции (о чем Фолкленд не знал), он получил предложение принять должность государственного секретаря и, по совету Хайда, согласился. Фолкленд, имевший военный опыт (под командованием графа Эссекса, будущего парламентского главнокомандующего, участвовал добровольцем в войне с Шотландией в 1639 году), принимал участие в первых сражениях гражданской войны, в том числе при Эджилле в октябре 1642 года. Как свидетельствовал Кларендон, его друг с болью переживал происходившее в стране и буквально зывал к миру. Отчаяние делало Фолкленда бесстрашным в битвах. При Ньюбери ему было 33 года.

Друзья Хайда по Грейт Тью, связанные с Оксфордом, были в основном людьми духовного звания. Вплоть до второго изгнания Кларендон сохранял дружеские отношения с Гилбертом Шелдоном, видным деятелем англиканской церкви. В годы гражданской войны Шелдон твердо стоял на стороне короля, являясь его духовником, за что был смещен парламентариями с поста ректора оксфордского колледжа Всех Святых и даже арестован. После Реставрации при поддержке Хайда он стал епископом Лондона, а через три года занял высший в иерархии англиканской церкви пост архиепископа Кентерберийского. В то же время они были не согласны по целому ряду вопросов религиозной политики. От Кларендона, отправившегося в изгнание, Шелдон «унаследовал» почетный пост канцлера Оксфордского университета, но всего на два года. В дальнейшем его влияние ослабло.

К кружку относился Уильям Чиллингворт, математик и поэт, клирик, близкий к Лоду. Чиллингворт колебался в религиозных взглядах: одно время он сблизился с иезуитами, но затем вернулся в лоно англиканства и написал труд «Религия протестантов», в котором защищал эту веру. Он полагал, что авторитет зиждется на Библии, каждый верующий вправе интерпретировать ее, основываясь на собственном религиозном сознании. Этот труд был написан Чиллингвортом в Грейт Тью и, вероятно, отражал господствовавшие в кружке религиозные убеждения. В годы гражданской войны, сражаясь за короля, Чиллингворт проявил талант военного инженера, создав метательную машину, использовавшуюся при осаде Глостера. Он был захвачен в плен парламентариями и скончался в заключении.

Священники Джордж Морли и Джон Ирлс оставались надежными союзниками Хайда на протяжении всей его карьеры. Морли критически относился к арминианскому курсу Лода. Однажды на вопрос «Что принадлежит арминианам?» он ответил: «Все богатые епископства и деканства в Англии». Эта фраза получила известность и вызвала неудовольствие архиепископа. Во время войны Морли служил Карлу I как духовник, а также участвовал в переговорах с парламентариями. После казни короля Морли покинул Англию, вернулся только вместе с Карлом II, который доверил ему вести службу во время своей коронации. В 1660 году он стал епископом Вустера, в 1662 году епископом Винчестера. Джон Ирл (или Ирлс) во времена Грейт Тью был духовником графа Пемброка. Как и Морли, он сделал блестящую церковную карьеру, став в 1641 году духовником принца Уэльского, епископом Вустерским в 1662 и епископом Солсберийским в 1663 году. Кларендон ценил Ирла не только как выдающегося проповедника, великолепного знатока древнегреческого, латыни и английского, но и человека, обладающего литературным даром. В 1628 году было издано его сочинение «Микрокосмография, или мир

в статьях и характерах», выдержавшее только при жизни автора десять изданий. В нем Ирл иронично и ярко создал образы представителей разных социальных групп и профессий. По словам Кларендона, он обладал «великим благочестием и набожностью, был красноречивым и сильным проповедником и таким очаровательным и приятным собеседником, что не было человека, кто бы не хотел разделить общения с ним. Никто не был более небрежным в одежде и привычках и более благоразумен и совершенен в поведении и беседе» [10, 38].

В памяти Кларендона Джон Хейлс, профессор греческого языка в Оксфорде и Итоне, остался как выдающийся интеллект, книголюб, равного которому не было (за исключением разве что Фолкленда). Скромный в повседневной жизни и щедрый в помощи бедным, он собрал уникальную библиотеку и пользовался уважением архиепископа Лода, хотя не был его сторонником. Хейлс был критиком римской католической церкви, считая ее тиранической по причине непримиримости к другим ветвям христианства. Он часто говорил, что немедленно вышел бы из англиканской церкви, если бы она требовала осуждать других христиан. Поэт Сидней Годолфин, один из молодых членов кружка Грейт Тью, был миниатюрным. Фолкленд, сам маленького роста, шутил, что чувствует себя в его присутствии совершенным человеком. То, что Кларендон через много лет вспоминал эти дружеские шутки, показывает, сколь дорога была для него память о тех годах. Годолфин был склонен к меланхолии, предпочитая одиночество и отдых с книгой. Некоторые принимали это за лень. Будучи хрупким по телосложению, Сидней считал опасным даже маленький дождь, откладывая в таких случаях запланированную поездку или возвращаясь домой, ощутив на лице дуновение ветра. Несмотря на внешнюю слабость, Годолфин был человеком принципов. В Долгом парламенте он осмелился до конца оставаться на стороне Страффорда. Он, боявшийся непогоды, одним из первых вступил в королевское войско, когда началась гражданская война, делил все тяготы походов и проявлял исключительную храбрость. В 1643 году во время атаки на врага возле местечка Чагфорд в Девоншире он первым выдвинулся вперед и получил пулю из мушкета. Успев произнести «О, Боже, я ранен», замертво пал с коня – так Кларендон описал смерть своего товарища. (Говорят, что в коридорах гостиницы «Три короны» в Чагфорде появлялся призрак Годолфина в полном обмундировании).

Человеком другого рода был поэт Эдмунд Уоллер. Присущая его поэзии лиричность находилась в дисгармонии с его натурой. Он был богат и хотел стать богаче, считая выгодный брак одним из способов достижения этого. В Долгом парламенте он начинал как сторонник Пима, затем присоединился к группе Фолкленда-Хайда. В 1643 году он участвовал в заговоре против парламента, был арестован, но спас жизнь, откупившись и выдав своих товарищей («кого сам сбил с пути и спровоцировал»). Позднее он сочинял стихи и в честь Кромвеля, и в честь Карла II. В годы Реставрации он претендовал на пост ректора Итона, но Кларендон его не поддержал. В 1667 г. Уоллер был одним из гонителей канцлера в парламенте. Характеристика, данная им Кларендоном, полна иронии. Он стал поэтом в том возрасте, в котором большинство обычно оставляет это занятие. Его «вынынчили» в парламентах, в которых он сидел с детства. Когда парламент возобновил деятельность, он с достоинством выступал, выдвигая аргументы, к которым толкал его характер и меланхолическая комплекция. После революции благодаря «редкому дару» его принимали в тех компаниях, где его характер вызывал отвращение; и его терпели там, где ненавидели [10, 48–49].

Об этих товарищах молодости вспоминал Кларендон. По некоторым подсчетам было 23 человека, являвшихся завсегдатаями Грейт Тью, из них 12 – это священнослужители, восемь – «люди пера», трое – политики и юристы (к этой категории относится и Хайд). Кроме них, примерно 15 человек были тесно связаны с кружком, составляя, в основном, круг лондонских знакомцев. Среди них Томас Гоббс, автор «Левиафана», ставший интеллектуальным противником Хайда. Существует предположение, что Гоббс посещал Грейт Тью в 1634 году. С кем Хайд точно встречался в Грей Тью и одно время дружил, хотя и не упомянул в автобиографии,

это священник и теолог Хью Кресси, преподававший в одном из оксфордских колледжей. В 1646 году после посещения Рима он перешел в католицизм, более того, стал монахом-бенедиктинцем, обличавшим англиканство. Промолчать о нем было лучшим решением. Впрочем, с критикой одного из его сочинений Кларендон выступит в годы второй эмиграции.

Счастье интеллектуального общения, которое Хайд ощущал в Грейт Тью, дополнилось личным покоем, которое он обрел во втором браке. В июле 1634 года он обвенчался с Френсис, дочерью сэра Томаса Эйлсбери, судьи, хорошо знавшего будущего зятя. Эйлсбери был близок ко двору, ему принадлежал дом на краю Виндзорского парка, что само по себе было свидетельством монаршего расположения. Во второй половине 1630-х гг., перед самыми неурядицами, его прочили в члены Тайного совета. Некоторые современники и биографы Хайда видели в этом браке деловой расчет. На первый взгляд, автобиография подтверждает это мнение. В ней автор скуп на слова о жене. Долгая счастливая семейная жизнь нашла отражение в нескольких строчках: «С ней у него было много детей обоих полов; с ней он жил очень комфортно в самые некомфортные времена». Он упоминал, что прожил с ней 35 или 36 лет, тогда как Френсис умерла после 33 лет брака. Оллард отмечал: если бы не сохранилось писем Хайда, написанных жене в эмиграции, в 1650–1651 гг., мнение о тусклой семейной жизни могло казаться незбылемым. Но письма сохранились: «От каждого твоего письма мое сердце оживает, и несколько дней я чувствую облегчение». «Как назвать это, если не языком любви?», – заметил Оллард [74, 46]. На венчании родители Эдварда не присутствовали, но молодые почти сразу направились в Уилтшир. Они посетили Пертон и Солсбери, застав отца Хайда еще живым. 29 сентября того же года он неожиданно скончался. Хотя Генри Хайд умер в почтенном возрасте почти 70 лет, его смерть была для сына ударом: «Не только лучший отец, но лучший друг и напарник, который у него был или мог быть» [10, 16]. Вступив во владение Пертоном, Хайд, жизнь и карьера которого была связана со столицей, нашел для имения подходящего управляющего.

Непосредственным следствием заключенного брака стало знакомство с Лодом. Поводом для встречи было дело группы купцов, недовольных монополией одного владельца причала. Полагая, что тот дал взятку, они наняли Хайда для составления жалобы. История дошла до Лода, который входил в состав Казначейства, и он попросил Эйлсбери прислать в его резиденцию Ламберт зятя, чтобы разобраться. Несмотря на возрастные и социальные различия, религиозные и политические взгляды, между Лодом и Хайдом возникло взаимопонимание. Архиепископ любезно встретил гостя во время утренней прогулки в саду. Зная, что тот только вернулся из поместья, поинтересовался, что нового в деревне, довольны ли люди. Хайд ответил откровенно: о Лоде в Уилтшире говорят без должного почтения, причина в том, что два уважаемых в графстве джентльмена, обратившиеся в его совет, натолкнулись на грубость как со стороны его людей, так и его самого. Лод не обиделся, а разъяснил, что был неверно понят, и говорил с Хайдом мягко и тактично. Впоследствии Лод не раз принимал Хайда дружелюбно, прислушиваясь к его мнению. Из общения с архиепископом Кларендон сделал тот же вывод, что и по Бекингеми: присутствие друга, который готов смело и откровенно обсудить важные вопросы, могло предотвратить или исправить многие ошибки. Надеясь на невысокое происхождение Лода (тот был сыном простого торговца тканями), Хайд писал: «Несчастье таких людей в том, что у них не было друзей более высокого положения, чем они сами; после быстрого и, как правило, неожиданного, восхождения снизу-вверх у них появляются не друзья, а слуги, желающие иметь что-то для себя» [10, 115]. По этим словам можно судить о социальных воззрениях Хайда, полагавшего: благородное происхождение и достойное воспитание являются основой честного и высоко морального поведения.

Отношение Хайда к Лоду было двойственным. Он писал об архиепископе как о человеке образованном, благочестивом и добродетельном, но с недостатками, присущими многим. Разумеется, Кларендон считал абсурдными обвинения, выдвинутые против него Долгим парламентом, которые привели к казни в начале 1645 года. Прежде всего, это касалось главного обви-

нения в склонности к католицизму: «Никто не был более значительным и способным врагом папизма; никто не был более преданным и непоколебимым сыном англиканской церкви». Лод выдвинулся благодаря протекции Бекингема, заняв епископские должности. Влиятельному герцогу могли импонировать религиозные взгляды Лода, известного критикой кальвинистских идей и распространяющегося в стране пуританизма. Яков I относился к Лоду с недоверием, считая, что тот может спровоцировать церковный конфликт. Однако Карл I ему полностью доверял, и в 1632 году после смерти архиепископа Эббота излишне поспешно (по мнению Кларендона) доверил высший пост в англиканской церкви. Ошибкой Лода была «излишняя нетерпимость» к тем, кто, сохраняя верность церкви Англии, испытывал интерес к некоторым доктринам кальвинизма. Среди них были «люди чести и высоких качеств», близкие ко двору и представлявшие страну; их вызывали на Высокую комиссию, подвергали наказаниям и унижению, на них налагали в высшей мере сомнительные штрафы. Стыд, который они испытывали, невозможно забыть; эти люди ждали реванша. Лод возбудил ненависть у ряда близких ко двору лиц, чей материальный интерес состоял в огораживаниях, которым он пытался противодействовать. Участие в делах Казначейства тоже порождало недовольных. Архиепископ был несдержан в высказываниях и всегда уверен в своей правоте.

Знакомство с Лодом не означало, что Хайда приняли при дворе. Поскольку период правления без парламента характеризовался острой фракционной борьбой, в которой архиепископ не был самой влиятельной фигурой, он мог быть заинтересован, чтобы ввести Эдварда Хайда в сферу своего влияния. Когда говорят, что Лод и Томас Уэнтворт были главными проводниками «политики напролом», подчас не учитывают, что они отнюдь не были верными союзниками, хотя отношения между ними были, в основном, гладкими, и даже имели тенденцию к сближению. Лод находился во враждебных отношениях с канцлером Ричардом Уэстоном, ставшем в 1633 году, незадолго до смерти, графом Портлендом. Уэстон разработал и провел административно-финансовые меры, обеспечившие наполнение казны и улучшение экономического положения в стране после 1629 года. Не исключено, что Лод потому и «ухватился» за жалобу, переданную ему Хайдом, чтобы ослабить позиции своего недруга и его окружения. По словам Кларендона, Уэстон «оказался полезным и ценным министром для короля, финансами которого на протяжении последних лет управляли плохо. Его трудолюбие позволило быстро поправить их; никто не знал лучшего способа управления хозяйством, чем он» [10, 87]. Однако, стремясь стать единственным советником Карла I, как раньше Бекингем, он не довольствовался властью, которую имел, а потому приобрел много соперников (в их числе Лода и Уэнтворта), «способных доставлять ему неприятности в делах, но не настолько, чтобы удовлетворить собственные амбиции, и король оставил поводья в его руках». У него был властный характер, и он мог легко обидеть людей, однако, «имея, к несчастью, женский темперамент, он всегда ужасно боялся и опасался их» [10, 89]. Об Уэстоне нелицеприятно отзывалась Генриетта Мария, ему передавали ее слова, как правило, «все заканчивалось поиском тех, кто сообщал самые секретные сведения». Хайд считал его человеком «низкого» характера.

Другим влиятельным противником Лода при дворе был глава палаты опеки Френсис Коттингтон, который считался лидером происпанской партии (Уэнтворт в насмешку называл его дон Франциско), а в 1636 году открыто перешел в католицизм. После смерти Уэстона и Лод, и Коттингтон пытались поставить Казначейство под свой контроль, но Карл I, после Бекингема не желавший, чтобы кто-то из советников занял его место, и стремившийся, чтобы обращались к нему, а не к посредникам, подключил обоих к управлению финансами, что неизбежно усиливало трения между ними. Уэнтворт, став во главе совета по делам Севера, а затем Лордом-правителем Ирландии, нуждался в поддержке при дворе. Сохраняя нормальные, но фактически официальные отношения с Лодом, он поддерживал с Коттингтоном вполне дружеские связи. У них было общее увлечение – соколиная охота. Не в одном случае Лод демонстрировал недовольство тем, что Уэнтворт действовал в интересах Коттингтона [77]. Кларендон описы-

вал Коттингтона как человека с легким характером, исключительно приятного в обращении, с замечательным чувством юмора. У него был вкус к удовольствиям, он интересовался ведением хозяйства, парками, искусством, а также животными и птицами. По словам Кларендона, он не был глубоко образован, но благодаря знанию испанского (на котором он говорил, как на родном языке), французского и итальянского языков имел представления в разных областях. Хайд не преминул отметить: хотя годовой доход Коттингтона не превосходил четырех тысяч фунтов, ему принадлежали четыре прекрасных дома и три парка. В 1641 году, во время процесса Страффорда, он не испугался дать в палате лордов показания в пользу последнего. Во время гражданской войны находился в лагере кавалеров. Судьба крепко связала Хайда с ним в годы изгнания.

В недавнем исследовании С. В. Бузова политическая борьба при дворе Карла I рассмотрена в контексте соперничества двух фракций: происпанской и профранцузской. Во главе первой находился Уэстон, а после его смерти Коттингтон. Во главе второй – королева Генриетта Мария. Более успешной была группировка, ориентировавшаяся на Испанию, что объясняется двумя факторами: во-первых, Карл I не мог позволить себе дорогостоящие военные операции; во-вторых, «молодая женщина, оказавшаяся в чужой стране, Генриетта Мария не была готова к решению политических вопросов» [122, 273]. Представляется, что мозаика противоречий при дворе была сложной и не во всем определялась вопросами внешней политики.

Хайд, получивший урок политического образования в Грейт Тью, не был апологетом политики Карла, одиннадцать лет правившего без парламента. Это видно не только в оценках, которые он давал политическим деятелям того времени, но и в прямом осуждении «политики напролом». Виновником «грубого и оскорбительного» роспуска первых двух парламентов Кларендон считал Бекингема; ответственность за роспуск парламента в 1629 году возлагал, в основном, на лорда Уэстона. Хайд осуждал «несправедливые проекты всякого рода», в том числе восстановление устарелых законов, расширение полномочий Звездной палаты для подавления оппозиции, введение корабельных денег. Вину за это он возлагал на советников Карла I. У него нет сомнения, что неправильные действия властей нанесли огромный вред. Более того, у Кларендона есть описания эпизодов, в которых сам король выглядит нелицеприятно, хотя прямого осуждения автор, конечно, не допускал.

Например, он рассказывал, что Карл, будучи страстным охотником, вознамерился создать огромный парк для охоты на оленей между Хэмптон-Кортом и Ричмондом, для чего выкупить дворянские маноры и фермы, принадлежавшие арендаторам, в том числе его собственным. Он был готов заплатить по высокой цене, но многие землевладельцы, из тех, у кого были удобные дома и прекрасные сады, отказались. Пошли разговоры, что ради получения удовольствия король сгоняет людей с земли. Поскольку речь шла о землях рядом со столицей, история наделала много шума. Кроме общественного ропота, аргументом против проекта была цена, которую пришлось бы заплатить. Некоторые советники, в том числе Коттингтон и Лод, пытались отговорить монарха, но безрезультатно. Более того, в беседе с Коттингтоном он разгневался и заявил, что решение принял, и стена вокруг его владений будет построена. После этого Коттингтон изменил точку зрения и даже вступил в спор с Лодом, сказав, что парк необходим для поддержания здоровья монарха: «Кто препятствует созданию условий для отдыха, необходимого для сохранения его здоровья, совершают величайшее преступление» [7, 132–136]. Рассказ Кларендона дает основание считать Карла человеком упрямым и недальновидным, а также судить об отношениях между советниками.

Признавая, что власть допустила прискорбные ошибки, Кларендон, однако, полагал, что сами по себе они не были причиной гражданской войны. Он обнаруживал противоречие, объяснить которого не мог: «По справедливости надо сказать, что в то время давления и чрезвычайных мер наше королевство, как и другие владения Его Величества, наслаждались таким величайшим спокойствием и полным благополучием, как никакой другой народ ни в какие

времена, к удивлению и зависти всего христианского мира» [10, 78]. Он даже называл те годы более счастливыми, чем царствования Елизаветы и Якова. Престолонаследие было обеспечено. Страна была избавлена от войн и заговоров, богатела, протестантская вера укреплялась. Король был милостив к подданным и благочестив, он давал «величайший пример трезвости, чистоты и прощения». В тексте, написанном во время последней эмиграции, он детализировал: «Англия наслаждалась высшей мерой счастья, когда-либо известного. Короны Франции и Испании донимали друг друга, предпринимали вторжения и захваты; внутри этих стран шли гражданские войны, в первом случае в результате восстаний собственных фракций, во втором из-за отделения Португалии; они грабили друг друга, чтобы затем затушить огонь на своей территории. Вся Германия погрузилась в поток собственной крови и была разрушена; за ее счет и на ее руинах бедная шведская корона выросла в великую державу; Дания и Польша участвовали в том же разрушительном предприятии. Голландия и Соединенные Провинции были истощены долгой и дорогой войной и начали больше опасаться своего союзника Франции, чем врага Испании» [10, 82]. На фоне Тридцатилетней войны Англия могла казаться островом благополучия.

Прав ли историк А.Н.Савин, полагавший, что Хайд, будучи в растерянности, не сумел раскрыть причин революции: «Этот человек, находившийся в чрезвычайно благоприятной обстановке, чтобы видеть все нити революционного процесса, ровно ничего не понимает в нем. Кларендон заверяет, что двенадцать лет правления без парламента были самым счастливым временем английской истории. Жилось будто бы лучше, чем при Елизавете и Якове. Отчего же пришла беда? Кларендон теряется в догадках; он старается найти какие-нибудь причины. Но сам же Кларендон чувствует недостаточность подобных разъяснений и готов объяснить революцию психической заразой, непонятным образом обуявшей английское общество. У народа точно помутился разум, все точно взбесились, раздували ничтожные нарушения отдельных законов и не замечали, что здание конституции стоит незыблемо» [137, 12–14]. Думается, что позиция Хайда была двойственной не потому, что он был плохим наблюдателем или пребывал в растерянности. Он не считал, что «политика напролом» сделала революцию неизбежной, а полагал, что история имеет много вариантов: в зависимости от поступков людей ход событий может повернуться в ту или иную сторону. По крайней мере, вплоть до роспуска Короткого парламента, возможно, позднее, страна могла избежать гражданской войны. Такая логика была неприемлема для историков-позитивистов конца XIX – начала XX вв., считавших Английскую революцию закономерной и имевшей долговременные причины. Этой концепции придерживался кумир Савина историк С. Гардинер.

Вторая половина 30-х гг. была счастливым временем для Хайда. В марте 1637 году родилась дочь Анна, в июне 1638 года старший сын Генри. Их назвали в память первый жены и отца Эдварда. Общение с друзьями даровало интеллектуальное удовольствие. Профессиональная деятельность обеспечивала высокие доходы и помогала в обретении новых связей. Он мог рассчитывать на успешную и спокойную карьеру. Казалось, ничто не предвещало бури. В 1638 году для Шотландии был разработан Единый молитвенник. Прошло несколько месяцев – и спокойствию в стране пришел конец.

Глава вторая

«Ярость, неистовство, гнев»: 1638–1642

Этими словами Кларендон описал чувство стремительно приближавшейся гражданской войны, атмосферу, царившую в Коротком и Долгом парламентах.

Когда Хайд ступил на политическую стезю? В 1640 году, после одиннадцати лет личного правления Карла I, было объявлено о созыве парламента. Для состоятельного землевладельца из Уилтшира, ставшего успешным юристом, обладавшим связями в придворных кругах, решение стать депутатом казалось логичным продолжением семейных традиций и способом выразить конституционно-политические идеи, сформировавшиеся в Грейт Тью.

Решение о созыве парламента было принято королем по совету Томаса Уэнтворта в чрезвычайных обстоятельствах. Политическому спокойствию на острове пришел конец, когда в 1639 году началась война с Шотландией. Поводом для нее стало введение единого молитвенника (Книги канонов), что сильно задело религиозные чувства шотландских пресвитериан и привело к восстанию, которое иногда называют «шотландской революцией». Внимание, уделенное Хайдом этому событию в «Истории мятежа», дает основание полагать: автор считал его первоначальным толчком к революции. Прямая критика религиозной политики Карла I была для него невозможна ни во второй половине 1640-х гг., ни во время второй эмиграции. Тем более выразительно высказывание из первоначального текста: «Был ли молитвенник составлен с осторожностью и осмотрительностью? Был ли благоразумно дан выбор народу? Мог ли в тех обстоятельствах народ принять его? Были ли епископы того и другого королевства более нетерпеливыми и неумелыми, чем было допустимо в тех обстоятельствах? Были ли главные министры государства, служившие королю, которым он доверял, истинными друзьями церкви, достаточно ли они озаботились, когда беспорядки были в зародыше? Я полагаю, что нет, но оставляю за каждым право судить самому, основываясь на книгах того времени, дошедших до наших дней. Я уверен, что общее неприятие молитвенника было таково, что вся (шотландская) нация объединилась против него в Ковенант» [7, I, 98–99]. В то же время, Хайда, верного сторонника англиканской церкви, нельзя считать оппонентом этого решения. Он, скорее, считал, что оно было несвоевременным, запоздавшим. «Как считали и считают многие мудрые люди», если бы молитвенник вводили в 1633 году, такого сопротивления не последовало бы [7, I, 111]. Не стоит сбрасывать со счетов, что Кларендон испытывал долю неприязни к шотландцам – это заметно на страницах его сочинения. Показательна его ремарка по поводу Джеймса Стюарта, графа Тракуара, лорда-казначея Шотландии, «мудрого человека, в моем понимании самого мудрого, который только известен в той нации» [7, I, 101]. Примечательно замечание Хайда о «многочисленном, гордом и нуждающемся» дворянстве Шотландии («о простом народе, являющемся естественным рабом других, речь не идет», – уточнял он). По мнению Хайда, шотландское дворянство оказалось «в странном и униженном подчинении своему невежественному и надменному духовенству» [7, I, 215]. В этих словах видна ксенофобия автора, нелюбовь к священникам-пресвитерианам и презрительное отношение к народу. Кларендону было комфортнее искать корни мятежа в Шотландии, а не в Англии.

Недовольство в Эдинбурге не было, однако, спонтанной реакцией на молитвенник; оно зрело в течение нескольких лет. В отличие от отца, выросшего в Шотландии, проведенного в ней большую часть жизни, понимавшего характер народа и хорошо представлявшего, как будет встречен там любой его указ, Карл I плохо знал королевство, в котором в течение веков правили его предки. Его увезли из Эдинбурга, когда ему не было четырех лет, в следующий раз он приехал в Шотландию только на собственную коронацию в 1633 году. Историк Ч. Карлтон заметил: «Карл никогда не любил и не понимал шотландцев, но в то же время думал, что пони-

мает их. Это было видно задолго до введения единого молитвенника» [31, 195]. Он доверял только тем шотландцам, которые придерживались англиканской веры. Наиболее влиятельным из них был Джеймс, маркиз Хамильтон, друг короля, который до рождения у последнего детей сам мог претендовать на шотландский трон.⁷

Шотландия была гораздо беднее Англии: ее государственный доход был ниже, чем английский, в тридцать с лишним раз. В крупнейшем городе страны Эдинбурге проживало около тридцати тысяч человек. Если в долинной части страны происходило развитие торговли и промышленности, то в горной Шотландии занимались скотоводством, а из земледельческих культур выращивали в основном овес. Там господствовала клановая система, сохранившаяся до времени поражения якобитского восстания 1745 года. Вожди кланов были в своих владениях куда более влиятельны, чем государство и королевские чиновники. Условия жизни подталкивали многих шотландцев, как жителей долин, так и горцев, наниматься на военную службу. Больше всего шотландцев служило во Франции и Нидерландах, немалое число воевало в Германии в войске шведского короля Густава-Адольфа, а некоторые добрались даже до далекой Москвы. Самым знаменитым из «московских шотландцев» был Патрик Гордон, прослуживший в России почти сорок лет. На склоне жизни он стал наставником царя Петра в его «потешных» военных затеях и сумел доказать свою преданность. Говорят, когда в 1699 году Гордон тяжело заболел, царь навещал его ежедневно, и по преданию, сам закрыл глаза умершего, на похоронах бросил в могилу горсть земли, произнеся: «Я даю ему только горсть земли, а он дал мне целое пространство». Во время Тридцатилетней войны на континенте сражались шотландцы, сыгравшие затем важную роль в войнах времен революции. Шотландский главнокомандующий в годы революции Александр Лесли обучился военному искусству, воюя за Густава-Адольфа, на службе которому заслужил звание полевого маршала. Один современник язвительно сказал, что он «обучился ремеслу убивать за границей и вернулся убивать, во имя Бога, дома» [30, 20]. Благодаря связям он обеспечил доставку в Шотландию оружия и боеприпасов. Другой шотландец Александр Хамильтон на службе шведскому королю изготавливал легкие железные пушки взамен бронзовых и построил пушечный завод в Эдинбурге. Превосходство шотландцев в артиллерии повлияло на ход войны с англичанами.

В середине XVI века учение Жана Кальвина прочно утвердилось в Шотландии, и на его основе возникла шотландская пресвитерианская церковь. Возможно, что одна из причин успешной радикальной реформации в этой стране крылась в позиции баронов, использовавших новые религиозные идеи в противовес короне. Шотландская пресвитерианская церковь приняла форму национальной организации. Над местными церковными общинами (кирками) стояли коллегии священников (пресвитеров), над ними – выборные синоды. С конца XVI века ежегодно проводилась верховная ассамблея, в которой заседал не только клир, но и миряне. В таких условиях кальвинистское духовенство превратилось в политическую силу. Пресвитерианская церковь стала мотором сопротивления намерению установить единообразный порядок богослужения, рассматривая это как грубое догматическое заблуждение.

Шотландский парламент отличался от парламента Англии: он состоял из одной палаты, в которую входили графы, бароны, лэрды (меньшие по статусу королевские вассалы), представители от городов и прелаты. На самом деле влиянием обладал не весь парламент, а так называемый Комитет «лордов статей». Искусно лавируя между клиром и знатью, Яков в свое время добился того, чтобы этот комитет стал исполнителем монаршей воли. В нем важная роль отводилась королевским епископам (институт епископства был восстановлен в шотланд-

⁷ Хамильтона нельзя считать влиятельным советником – Карл мало прислушивался к его осторожным советам по политике в Шотландии. Он был вместе с королем во время провалившейся попытки арестовать пять оппозиционных парламентариев в январе 1642 г. В 1643 г. Карл I даровал ему титул герцога. После первой гражданской войны пытался участвовать в урегулировании отношений между Карлом и ковенантовыми. В 1648 году потерпел поражение от Кромвеля при Престоне, хотя имел превосходящие силы. После этого сражения был пленен и после суда казнен путем отрубания головы.

ской церкви в 1572 году). При Карле утвердился новый порядок назначения членов Комитета, что вело к его полной зависимости от короны, и в то же время к утрате авторитета в обществе. Учитывая, что в состав шотландского Тайного совета Карл включил лиц, близких к Лоду, отрыв короны от общественных настроений принял болезненные формы. Хайд признавал: «Епископы вправду мало привлекали эту нацию и имели над ней мало власти. Они не могли регулировать положение дел в собственных соборах, очень редко решались появляться в епископском одеянии, не смели противиться верховному собранию в вопросах юрисдикции. Таким образом, в [шотландской] церкви епископат был не больше чем названием» [7, I, 116]. Он также объяснял недовольство тем, что шотландцы «с ревностью» воспринимали, как долго король не появлялся в их стране, и видели в этом признак, что Шотландия «превратилась в провинцию Англии и подчинена ее законам и правительству» [7, I, 113].

Может быть, Хайд и другие «мудрые люди» правы, что введение единого молитвенника в 1633 году было возможно. В 1637 году точно было поздно. По словам А.Н. Савина, «шотландская революция открывается тем самым днем, из которого Карл и Лод думали устроить торжество абсолютизма и англиканизма» [137, 211]. Воскресным утром 23 июля 1637 года в Эдинбурге началось восстание, поводом для которого послужило богослужение по новым правилам в соборе Святого Джайлса. Говорят, что первыми недовольство выразили находившиеся в соборе женщины-служанки. Быстро собравшаяся толпа напала на епископов; успешный бунт привел к падению королевской власти в Шотландии, восстановить которую Карл I так и не сумел. Движение распространилось по всей стране, в начале 1638 года приняв форму Ковенанта. Слово «ковенант» означает «соглашение»; так издавна назывались объединения шотландских дворян. Яков VI использовал эту форму организации против политических противников. Подписание Ковенанта было событием большого эмоционального звучания. Сначала текст подписывали пэры, дворяне, священники, потом люди простого звания. Подписывали не только в Эдинбурге, но и в разных частях страны. Многие плакали в состоянии возбуждения. Иногда подпись ставили кровью. Карлтон писал: «В своей страсти к единообразию, гармонии и порядку Карл был детерминирован, чтобы его подданные по обе стороны от границы молились по одинаковым правилам. Будучи неспособен к компромиссу, он быстро убедил себя, что бунт Св. Джайлса и последующие протесты были не просто скандалом по поводу литургии, но смертельной угрозой самой монархии. Поэтому он решил силой, какой бы ни была цена, засунуть молитвенник шотландцам в глотку» [31, 189]. Уже став вдовой, Генриетта Мария недаром назвала единый молитвенник «роковой книгой». Хотя сторонники (и противники) Карла позднее утверждали, что он оказался жертвой дурных советников, известно: король упрямо настаивал на молитвеннике вопреки мнению ряда приближенных, таких как граф Тракуар, говоривший ему, что для утверждения молитвенника в стране пришлось бы держать сорок тысяч солдат. В июне 1638 года король Карл заявлял Хамильтону: «Пока правит Ковенант, я значу не больше, чем герцог Венеции, и готов скорее умереть, чем терпеть такое положение». Через несколько дней он вновь писал Хамильтону, что «лучше умрет, чем уступит дерзким и отвратительным требованиям» [31, 206]. В ноябре 1638 года в Эдинбурге собралась Верховная ассамблея. Король был вынужден согласиться ввести молитвенник «законным путем» и фактически отменить суд Высокой комиссии в Шотландии, рассматривавший религиозные проступки, но он требовал возвращения изгнанных епископов. Поскольку это было неприемлемо для ковенантеров, королевский комиссар герцог Хамильтон объявил о роспуске ассамблеи, которая, однако, отказалась подчиниться. Война казалась неизбежной. Однако Хамильтон продолжал противиться неизбежному, убеждая короля, что «ненавидит ее [эту страну] немногим меньше, чем ад». Он стал еще менее склонен воевать, когда его мать поклялась лично застрелить его, если он посмеет высадиться на родной земле с английским войском. Это была леди Анна из рода Каннингемов, ярая противница Карла I. В 1639 году, при Бервике, она станет

во главе смешанного (с участием женщин!) кавалерийского отряда, готового к сражению, а ей было уже около шестидесяти. Сын знал: его мать не будет бросать слов на ветер.

О войне, получившей название «первой епископской», нельзя сказать: вспыхнула, она медленно выросла из нараставших противоречий. Правда, войной события первой половины 1639 года можно назвать с долей натяжки. Нехватка средств и недостаток решительности привели к тому, что задуманный «поход на Эдинбург» не состоялся. Король располагал трехтысячной армией во главе с Хамильтоном, на другом берегу реки Твид располагалась шотландская армия под командованием Лесли, который также не решался приступить к активным действиям. По предложению Лесли 11 июня возле Бервика начались переговоры, закончившиеся 17 июня подписанием мира. Король соглашался на созыв шотландского парламента, обе стороны заявили о демобилизации. В «Истории мятежа» Хайд высказал мысль, что заключение этого соглашения было ошибкой короля: «Не могу с уверенностью сказать, были ли шотландцы тогда или позднее в силах противостоять [16-тысячной королевской армии], но так говорили некоторые лица, знавшие об этом» [7, I, 100]. Эйфория по поводу того, что Бервикский договор предотвратил гражданскую войну, длилась недолго. Обе стороны очень скоро сочли, что зря упустили возможность на поле битвы добиться определенности. По замечанию историка Ч. Карлтона, первая епископская война, как и вторая, проходившая в 1640 году, были в военном отношении малозначительны: обе стороны избегали сражений, в столкновения ввязывались с большой неохотой. Смысл этих войн был политическим: первая привела к созыву Короткого парламента; вторая – Долгого.

В это трудное для короны время Карлу показалось, что помочь ему сможет только один человек – его лорд-наместник в Ирландии Томас Уэнтворт, которого многие считали едва ли не главным виновником «политики напролом». В июле 1639 года Уэнтворту был отдан приказ прибыть ко двору. Если ключом к шотландской революции было слово «молитвенник», то ключом к английской революции стало имя Уэнтворта, хотя к этому времени жизнь лорда-наместника явно катилась вниз. Он страдал глазами и горлом, временами был так слаб, что не мог ездить верхом и даже ходить. Теплый прием, оказанный королем, показал Уэнтворту: от него ждут чуда. Само награждение его титулом графа Страффорда, званием пэра, чего он долго и безуспешно добивался, отражало возлагавшиеся на него надежды. Вероятно, он посоветовал королю созвать парламент, чтобы добиться субсидий на войну. Он убедил Карла, что сумеет управлять парламентом так же успешно, как делал это в Дублине. 5 декабря, после многих недель совещаний король объявил Тайному совету о своем решении созвать парламент в апреле 1640 года. Не все министры разделяли уверенность Уэнтворта, что парламентом будет легко манипулировать. Потребовалось убеждать их, что можно «вручить свои жизни и судьбы в руки монарха». В последующие недели Страффорд успел вернуться в Дублин, чтобы провести заседание ирландского парламента и добиться субсидий на создание армии (тысяча кавалеристов и шесть тысяч пехоты) для отправки в Шотландию. Он вернулся в Англию в тот самый день 13 апреля, когда в Лондоне открылись заседания парламента, который сначала называли «мертворожденным», но в историю он вошел как Короткий парламент, ибо просуществовал менее трех недель. В нем началась политическая деятельность Эдварда Хайда.

Созыв парламента страна встретила с энтузиазмом и надеждой. Король ожидал, что легко получит требуемые субсидии. В его распоряжении имелось неопровержимое, как он считал, доказательство измены – подписанное группой шотландских лордов письмо французскому королю с просьбой о защите. Форма обращения к Людовику XIII доказывала, как подтверждали королевские юристы, что авторы письма именно его считали своим сувереном. К большому удивлению Карла палата общин проигнорировала эти обвинения и сразу приступила к обсуждению жалоб, связанных с одиннадцатилетним личным правлением. С первого дня заседаний безусловным лидером оппозиции стал Джон Пим. В свои 56 лет он был старше большинства коммонеров, впервые заседал в парламенте в 1614 году, в 1621 году недолгое время

находился в заключении, был среди тех, кто требовал импичмента Бекингема, а в 1628 году был горячим сторонником «Петиции о праве». В период правления Карла без парламента он держался в тени, проживал в поместье в графстве Сомерсет, в силу характера воздерживаясь от открытых протестов. Он иногда появлялся в Лондоне, участвуя в делах Компании острова Провиденс, созданной группой пуритан. Его жена умерла еще в 1620 году после шести лет супружества, и в отличие от большинства своих современников, терявших супругу, того же Хайда, Пим до конца жизни оставался вдовцом. Возможно, это помогло ему забыть о страхе и сомнении, целиком погрузившись в оппозиционную политику. По мнению Кларендона, он был склонен к частной жизни, не был от природы особенно одаренным человеком, но выдвинулся благодаря трудолюбию и исключительному рвению в вопросах веры. Вокруг него объединились те, кто был известен ненавистью к арминианству и нелюбовью к англиканской церкви. Кларендон возлагал на Пима вину за мятеж: «Никто не отвечает за несчастья этого королевства больше, чем он. Никто больше его не приложил к этому руку или голову. Я думаю, что даже при его жизни несчастья выросли сверх той меры, которую он замышлял» [10, 246]. По этому поводу Ч. Карлтон заметил: большую, чем Пим, ответственность за гражданскую войну нес только Карл I – этого Кларендон никогда бы не признал. Как утверждали биографы Пима, и в Коротком, и в Долгом парламенте он сделал больше всех, чтобы убедить депутатов: свободы парламента и свободнорожденных англичан в опасности, страна находится под угрозой объединенных сил папизма и деспотизма. И его услышали не только депутаты, но и улица. Это был «великий человек»; невозможно представить «героя, менее романтического»; он «не казался человеком действия», его речи были сухи. Тем не менее, именно он «разрушил английскую политическую систему и привел страну к гражданской войне. Хотя он не дожил, чтобы это увидеть, но он отправил короля на эшафот и сделал парламент беспомощным перед мечом военного авантюриста» [105, *preface*]. Пим умер в декабре 1643 года и был захоронен в Вестминстерском аббатстве. После реставрации 1660 года его тело было эксгумировано, расчленено и вторично захоронено в общей могиле.

Отрицательная характеристика, которую Хайд дал Пиму, не должна вводить в заблуждение. И в Коротком, и в Долгом парламенте, во всяком случае, до казни Страффорда, они были политическими союзниками – факт, который Кларендон хотел бы замолчать. Можно согласиться с Ч. Фиртом: часть труда Хайда, отражающая время его парламентской деятельности, в наименьшей степени заслуживает доверия. Сравнение двух текстов Хайда, первоначального и написанного в последней эмиграции, показывает, что они местами различаются. В частности, в последнем случае автор подробнее описывал ход дебатов в палате. 17 апреля состоялось двухчасовое выступление Пима, в котором он буквально обрушился на меры, проведенные в рамках «политики напролом», особенно на корабельные деньги. По словам Кларендона, речь Пима, «человека хорошей репутации, заседавшего в ассамблеях дольше, чем кто-либо из живших тогда людей, расколола лед» [7, I, 174]. Оппозиционеры создавали свой пантеон героев – жертв произвола, главным стал умерший в Тауэре Томас Элиот. Поскольку палата общин в течение недели так и не приступила к выделению субсидий, 24 апреля король обратился за субсидиями напрямую к палате лордов. Вероятно, даже не речь Пима, поддержанная радикально настроенными депутатами, а нарушение процедуры, воспринимавшееся как покушение на конституционные права нижней палаты, привело к обострению ситуации: «Без сомнения, основополагающая привилегия палаты общин состояла в том, что рассмотрение вопроса о сборах начиналось в ней, и это правило никогда не нарушалось и в самые худшие времена» [7, I, 176]. Это вызвало общее негодование коммонеров. Было объявлено о создании Комитета, которому следовало доложить палате, существовали ли такого рода прецеденты. Депутатов не удовлетворило послание короля парламенту, в котором говорилось, что «существовавшие различия между палатами замедляют решение срочных государственных дел в то время, когда вражеская армия готова завоевать страну». Государственный секретарь Г. Вейн-старший объявил,

что корона готова отказаться от сбора корабельных денег, если будут выделены двенадцать субсидий. Хайд указал на еще одну причину, по которой депутаты не торопились выделять средства: «Хотя в парламенте не было никакой группы, действовавшей в пользу шотландцев, и по правде, не было и никакой склонности к ним, предоставление субсидии для создания армии против шотландцев выглядело как вступление в войну, а этого требовали от людей, которым не было сообщено конкретно состояние дел» [7, I, 104]. Дебаты в парламенте продолжились 2–3 мая, когда, если судить по Кларендону, выявились две позиции. Одну из них, явно враждебную двору, сформулировал Джон Гемпден, известный протестами по поводу корабельных денег. Он предлагал проголосовать, согласна ли палата с утверждением, содержавшимся в послании короля, то есть не в плоскости выделения субсидий, а в русле критики короны. Другая позиция содержалась в выступлении самого Хайда, предлагавшего палате голосовать по вопросу о предоставлении субсидий королю, правда, в меньшем объеме, чем требовало правительство. Хайд впоследствии утверждал: его компромиссное предложение имело все шансы на успех при голосовании, однако секретарь Вейн отверг его, заявив, что король примет только такое решение палаты, которое основано на его требованиях.

Трудно сказать, как бы проходило обсуждение, но 5 мая Карл I распустил Короткий парламент, не пожелав лично придти в палату, «столь неприятную ему, как эта». Кларендон возлагал вину на Вейна, ложным образом представившего положение дел монарху: «То, что произошло в следующем парламенте меньше, чем через год, заставляет поверить, что сэр Генри Вейн имел злой умысел породить смятение; известно, что он испытывал непримиримую ненависть к графу Страффорду, к уничтожению которого готовился» [7, I, 182]. Карл I назначил Вейна государственным секретарем вопреки явному нежеланию Страффорда. Зато Хамилтон и Генриетта Мария оказали ему протекцию. В дальнейшем Вейн перешел на сторону круглоголовых, что объясняет негативное мнение Кларендона: тот создал «искаженное представление о характере и настрое парламента», и сам же был единственной причиной, по которой парламент тянул с выделением субсидий. Вейн якобы действовал в парламенте вопреки королевским инструкциям: «То ли эта неслыханная дерзость в одном и другом месте [при дворе и в парламенте] проистекала из его осведомленности и единения с той группой, которая от этого выиграла (его сын тогда был в сердечной близости с ними) [речь идет от парламентских радикалов – А. С.], то ли он не чувствовал себя в безопасности и яростно искал, как поступить; то ли ядовитая злоба к Страффорду вынудили его способствовать роспуску [парламента]; то ли все это смешалось, и последнее было естественной причиной первого или наоборот, я не могу сказать с уверенностью. Но что видно и должно быть отмечено – роспуск того парламента был основой и причиной всех несчастий, которые затем последовали» [7, I, 105]. К мысли о том, что роспуск Короткого парламента был изначальной точкой конфликта, Хайд возвращался не раз: «Мы должны заключить, что злой гений королевства вызвал этот роспуск, ставший главной непосредственной причиной (парламент мог стать лучшим лекарством) всего, что с тех пор не клеилось» [7, I, 102–103].

В итоговом тексте, составленном во второй эмиграции, Кларендон формулировал это утверждение менее категорично (возможно, сказывался непростой опыт взаимодействия с парламентом в годы его канцлерства). Он писал, что общество восприняло роспуск с недоумением. Многие предполагали: собрать в новом парламенте таких «трезвых и беспристрастных» людей не получится; в нем возобладают те, кто «преследует дурные цели». Напротив, противники двора проявляли удивительное спокойствие и даже не могли скрыть радости. Хайд вспоминал, что буквально через час после известия о роспуске он встретился с Оливером Сен Джоном, человеком обычно мрачным и редко улыбавшимся. На этот раз его лицо отражало радость. Увидев, что Хайд расстроен, он спросил о причинах. «То, что беспокоит меня, беспокоит и большинство добрых людей. Во времена смятения только такой мудрый парламент мог найти средство для лечения беспорядков, но был так несвоевременно распущен», – про-

звучал ответ. Тогда Сен Джон сказал: «Ну и хорошо. Чтобы стало лучше, сначала должно быть хуже; и этот парламент никогда бы не сделал того, что необходимо сделать, то есть того, что он и его друзья считают необходимым сделать» [7, I, 183]. По оценке Кларендона Сен Джон был гордым и необщительным человеком; он вел беседы только с немногими, как правило, с теми, кто обладал, как и он сам, мрачным характером или разделял его взгляды. В свое время он предстал перед судом Звездной палаты, и хотя был быстро отпущен, не простил этого ни двору, ни церкви [7, I, 171]. В 1641 году Карл назначит его генеральным солиситором, фактически включив в правительство, но тот продолжит антироялистскую политику, в частности, активно действуя против Страффорда. Уже в Коротком парламенте сформировалась группа «политических пуритан», парламентских радикалов, к которой относились Джон Пим, Джон Гемпден, Оливер Сен Джон, Артур Хезельриг, лорд Брук, виконт Сэй-энд-Сэл, лорды Бедфорд и Эссекс. Они составляли парламентское меньшинство, но считали себя «избранными», богом предназначенными очистить страну от антихриста. Им удалось, хотя бы временно, повести за собой других парламентариев, не только пресвитериан, но и приверженцев англиканской церкви, таких как Хайд и его патрон Фолклэнд. Хотя пресвитерианское требование уничтожения епископата было для них чрезмерным, недовольство склонностью лодианской церкви к роскоши они разделяли. Они также разделяли идею создания такого правительства, которое основывается на доверии парламента.

Распуск Короткого парламента оказался роковой ошибкой Карла, ибо разрушил надежды на умиротворение. И Страффорд, и Хайд сразу осознали, что это путь к политической катастрофе. Как писал историк С. Шама, «король все еще слепо считал, что проблема была в Эдинбурге, а не в Вестминстере, и пока он не разгромит ковенанторов, и как можно скорее, зараза кальвинизма и их предполагаемые представления о договорной монархии, как чума, распространятся на юг, в Англию. Фактически он был прав (Пим, как и Сэй, находился в предательской переписке с лидерами Ковенанта). Но он избрал худшее из возможных решений: воевать с шотландцами, не имея представления о том, есть ли у него армия (за год до этого показавшая свою ненадежность), чтобы за ним следовать. В подсознании у Карла, очевидно, был чрезвычайный план Уэнтворта использовать ирландцев. В русле этой идеи летом он назначил того главнокомандующим, ранее, в январе, сделав его графом Страффордом, честь, обернувшаяся чашей яда» [91, 106]. Карл I, прислушиваясь только к мнению королевы Генриетты-Марии, не принял во внимания, что «ирландская стратегия» вызовет всплеск антикатолической пропаганды, породит антиправительственные настроения, и не только в Лондоне.

Распустив парламент, Карл принялся энергично искать, как финансировать войну. За деньги английские корабли были направлены конвоировать испанский флот, следующий в Нидерланды. Он требовал ускорить взыскание корабельных денег и хотел получить заем в Сити. Правительство скупил у Ост-Индской компании в кредит годовой завоз перца, чтобы распродать со скидкой и получить наличные. Однако эти усилия не могли быть эффективными: положение в стране все более обострялось, беспорядки охватывали города и графства. Толпа штурмовала Ламберт, дворец архиепископа. Армия оказалась в состоянии, близком к распаду. Солдаты, не получавшие жалованья, занялись мародерством, что в ряде мест привело к столкновениям с горожанами и насилию по отношению к офицерам, католикам и ирландцам. Беспорядки распространялись, толпы нападали на тюрьмы, имели место расправы с теми, кого, справедливо или нет, считали виновными в огораживаниях. Авторитет должностных лиц, обеспечивавших порядок на местах, мировых судей и констеблей, стремительно падал. Двор был раздираем борьбой группировок. По словам Хайда, раздоры при дворе «усилились или стали заметнее, чем раньше, еще в 1639 году. Теперь придворные вовсе не стремились исполнять долг перед монархом, а заботились только о собственных интересах».

Во главе армии был поставлен лорд Конвей; по ироничному замечанию Хайда, его главными достоинствами было умение ладить со всеми придворными фракциями и любовь к чте-

нию. 24 августа произошло сражение при Ньюборне, в котором шотландцы под командованием Лесли одержали победу, быстро продвинулись и заняли Ньюкастл. Хайд назвал и поражение при Ньюборне, и оставление Ньюкастла «позорными» событиями. Шотландцы установили полный контроль над севером Англии, где находились главные угольные копи, снабжавшие Лондон. Король был затруднен в действиях «из-за неурядиц, из-за врага, гордого и высокомерного в своем успехе, из-за армии, коррумпированной или в лучшем случае деморализованной, из-за страны, бунтовавшей или сочувствовавшей бунтарям, из-за двора, зараженного всем этим» [7, I, 192]. Кларендон считал ошибкой не только созыв совета пэров, не собиравшегося в течение столетий, но и вступление в переговоры с шотландцами в Рипоне, что привело к заключению перемирия в конце октября на унижительных для Карла условиях. За каждый день оккупации, вплоть до заключения мира, ковенанторы получали штраф в размере 850 фунтов. В оценке переговоров с шотландцами Хайд, кажется, был согласен с Страффордом, считавшим: следовало изгнать врага с английской территории. Описывая ситуацию в Долгом парламенте во время процесса Страффорда, Кларендон последовательно изображал себя едва ли не как главного противника шотландского влияния. Он рассказал о своей прогулке с одним из шотландских графов, с которым находился в дружеских отношениях. Тот дал ему знать: увидев их вместе, то ли четверо, то ли пятеро членов палаты не преминули попенять ему за это, причем один из них сказал, что «он прогуливается с величайшим врагом шотландской нации, который только есть в парламенте, и надо остерегаться общаться с ним» [7, I, 253–254].

24 сентября, в день собрания пэров, Карл I объявил о созыве парламента, который должен был приступить к работе в Вестминстере 4 ноября. Он получил впоследствии название Долгого парламента и стал самым знаменитым во всей британской истории. Сорокадневный срок до открытия сессии был по конституционной традиции минимально возможным: король явно торопился. Хайд как юрист утверждал в «Истории мятежа»: решение созвать парламент не было своевременным, противопоставляя Короткому парламенту: «Это как суд Божий; есть нечто странное в том, что все последние годы усилия и ученость направлялись на то, чтобы доказать: в случае необходимости экстраординарный путь получения доходов является законным, даже при ее отсутствии. Теперь, когда такая необходимость стала очевидной, деньги решили получить обычным путем, через парламент, куда более необычный и противный [правительству], чем предыдущий. Невозможно отрицать: в ситуации *flagrante bello* [пока идет война – *лат.*], когда враг фактически захватил часть королевства, необходимость в субсидиях была видна и ощутима. В таком случае индивидуальную собственность можно использовать на общественные нужды для обеспечения безопасности, а затем аккуратно вернуть» [7, I, 210–211]. Если в тот момент Карл I недвусмысленно объявил, что будет править без парламента, пока враг находится на английской территории, и обещал: как только он будет изгнан, парламент будет немедленно собран, и все дела будут переданы на его рассмотрение, то получил бы поддержку. Шотландцы отступили бы, в том числе под угрозой появления в их стране ирландской армии.

Ошибкой короля считал созыв Долгого парламента К. Рассел. Он указывал на то, что сразу после Ньюборна Карл намеревался продолжить войну, но в его окружении усилилась группа, видевшая выход в заключении мира. Ведущую роль в ней играл, по-видимому, Вейн-старший. Тем не менее, окончательное решение принял сам Карл, о чем он сообщил на совете пэров 24 сентября. Кларендон прав, предполагая, что король руководствовался надеждой на понимание своей позиции в парламенте. В этом и состояла принципиальная ошибка Карла I: «По какой-то причине он не мог представить, что парламент, столкнувшись с армией завоевателей-мятежников, может отреагировать иначе, чем острым желанием изгнать ее... Его веру в то, что он получит поддержку парламента для войны, можно назвать, чтобы не сказать грубо, бегством от реальности» [88, 134]. По мнению этого историка, парламентарии разделились по шотландским делам на две группы, но обе, хотя и по разным причинам, не могли поддержать

короля. Одни исходили из представления о том, что в конфликте правы были шотландцы, а не король. Другие, на кого Карл и рассчитывал, полагали, что король потерпел поражение в своей политике и должен изменить ее. Лишь позднее, весной 1641 года, для них станет очевидно, что шотландцы покушаются на *английское* устройство.

Парламент не оставил королю иллюзий на сотрудничество. Если верить Хайду, то вожди оппозиции добились того, что Сити не избрал в состав палаты главного судью Лондона Томаса Гардинера, которого роялисты прочили спикером нижней палаты. Вместо него спикером был избран судья корпорации Линкольн Инн Уильям Ленталл. Одобрение его кандидатуры королем Хайд также считал ошибкой: «Он был человеком робкого характера, без какого-либо опыта в делах королевства, кроме того, что было рутинной в его профессии работой, основной смысл которой он видел в том, чтобы обогатиться. Одним словом, во всех отношениях он был неподходящей фигурой для этой деятельности; он не знал, ни как подать себя с достоинством, ни как сдерживать чрезмерные амбиции и желания других. Его слабость в той же мере вела к росту бедствий, что и злоба главных интриганов» [7, I, 221]. «Печальную и грустную» символику Хайд увидел в том, что на открытие парламента в Вестминстер король прибыл не верхом, в сопровождении свиты, как требовала традиция, а частным образом, в лодке по реке, будто возвращаясь в парламент, продолживший работу после перерыва.

Вместо выделения субсидий на войну лидеры оппозиции затеяли процесс над Страффордом, что в течение полугода оставалось центральным пунктом политической борьбы [139]. Можно сказать, что процесс над Страффордом и его казнь в мае 1641 года открыли занавес на сцене, на которой разыгрывалась драма Английской революции. История имеет моральное измерение. Без преувеличения, по остроте и накалу эмоций, по глубине переживаний всех вовлеченных лиц, по той страстности, которая отличала ход событий, процесс Страффорда находится в первом ряду не только британской, но и мировой истории. Кажется, что по драматичности он превосходил даже более известный суд над Карлом I. Преданность и предательство, принципы и интриги, справедливость и целесообразность, ненависть и благородство, prerogatives короны и права свободнорожденных подданных, честь и лукавство, воздаяние и достоинство перед лицом смерти – все эти моральные категории приобрели в деле Страффорда первостепенный смысл. Как указывалось в качестве эпиграфа к сочинению, появившемуся после гибели Страффорда: «Каждому в назидание лорда Уэнтворта пример; Есть шанс упасть, взобравшись вверх без мер» [12].

Главные этапы биографии Уэнтворта хорошо известны и, кажется, не содержат загадок, чего не скажешь об оценках его деятельности, как современниками, так и историками – они полны противоречий. Пожалуй, нет ни одного ее аспекта, не вызвавшего шквал разногласий. В отечественной историографии, в той мере, в какой затрагивалась эта историческая фигура, по понятным причинам присутствовал односторонний подход. Образ «Черного Тома – тирана», вдохновителя политики напролом, лично виновного в злоупотреблениях в период правления Карла I без парламента, в неконституционных формах управления в Ирландии, готового к применению силы против парламентской оппозиции, господствовал в трудах историков. Особая пикантность виделась в том, в конце 1620-х гг. Уэнтворт был лидером оппозиции, и его переход на сторону короны рассматривался как предательство. Казнь ненавистного министра трактовалась как справедливое возмездие за нарушение законов страны, нашедшее полное одобрение у народа. Советские историки игнорировали то обстоятельство, что Уэнтворт был способным и энергичным государственным деятелем, способствовавшим стабилизации финансового и политического положения в стране в 1630-х гг. Хайд явно сожалел, что Карл I, распустив Короткий парламент, и в последующие месяцы руководствовался не советами графа, а других лиц: королевы и ее окружения, секретаря Вейна.

Родившийся в 1593 году в графстве Йоркшир в семье, принадлежавшей к высшему слою джентри, Уэнтворт рано и успешно начал политическую карьеру. В восемнадцатилетнем воз-

расте он был посвящен в рыцари, совершил Гранд Тур, а в 1614 году унаследовал титул баронета и впервые вошел в состав палаты общин. В дальнейшем его политическая карьера проходила малозаметно до того, как в 1627 году за отказ от принудительных займов он был лишен должности мирового судьи и подвергнут шестинедельному заключению. В условиях роста разногласий между палатой общин и королем Карлом I он приобрел политическую известность, сыграв в 1628 году главную роль в принятии «Петиции о праве» – важного политического документа того времени. В том же году он перешел на сторону короля и был назначен президентом совета по делам Севера. На следующий год он был введен в состав Тайного королевского совета, а в 1632 году поднялся еще выше, став Лордом-наместником Ирландии. Там ему удалось добиться порядка, укрепить администрацию, но и вызвать недовольство у значительной части политической элиты. У Уэнтворта был нелегкий характер. Он бывал резок: ни лорд Холланд, ни Вейн не простили ему сказанных в запале слов: королю следовало бы отрубить им головы.

Для противников Страффорд был олицетворением личной власти и попрания конституционных свобод. Следует, однако, заметить: стремление наказать ненавистного министра проявляла не только партия радикальных реформаторов во главе с Пимом, но и политическая группировка «конституционных монархистов», вскоре после процесса присоединившихся к роялистам. К ней относился Хайд, а его друг и патрон лорд Фолкленд произнес в парламенте речь, добавившую врагам Страффорда уверенности. Следует учесть, что в свете дальнейших событий Хайд едва ли не маскировал, по меньшей мере, смягчал роль, которую сыграла в осуждении Уэнтворта его собственная фракция. По-видимому, Хайд голосовал за билль, провозглашавший Страффорда виновным в государственной измене, однако в этом не признался. О Страффорде Кларендон писал: «Без сомнения, он был человеком в высшей мере наблюдательным, проницательным в суждениях о людях и вещах; его несчастье состояло в том, что он привлек лишь очень немногих мудрых людей, и не было ни одного (за исключением лорда Ковентри, доверие к которому было ограниченным), чьи возможности и способности были равны ему. Поэтому во всех делах он полагался только на себя, различая многие недостатки в большинстве людей, слишком пренебрегал тем, что они говорили или делали. Его доминирующей страстью была гордость, что можно было исправить, если бы ему меньше везло. Но рука Провидения и две презренные сущности, народ и сэр Генри Вейн, умертвив, самым странным образом наказали его. Короче, ему вполне подходит эпитафия, которую, по сообщению Плутарха, Сцилла написал самому себе: «Никто не превосходил его в том, чтобы делать добро своим друзьям и наносить вред врагам». И то, и другое было хорошо известно, и получило недобрую славу» [7, III, 342].

Очевидная несправедливость обвинений и казнь, во время которой Уэнтворт проявил качества античного стойка, сделали его в глазах роялистов первым мучеником, пострадавшим от «парламентского абсолютизма», за которым в дальнейшем последовали другие, в том числе архиепископ Кентерберийский Лод и сам монарх. Гражданская война неизбежно привела к поляризации образов Страффорда. Его образ мученика и борца за роялистское дело приобрел особый блеск в годы Реставрации Стюартов, когда Кавалерский парламент отменил приговор и постановил изъять протоколы процесса. В XVIII веке при участии потомков графа вышло первое двухтомное издание его бумаг, которым пользовался великий историк Дэвид Юм, оправдывавший Карла I и считавший Страффорда одной из замечательных личностей, рожденных в Англии [149]. В XIX веке критический вигский взгляд на Уэнтворта преобладал; он нашел выражение, в частности, у Томаса Маколея. Тем не менее, вигские историки Английской революции, Гардинер и Фирт, давали взвешенные оценки. Они, в частности, отвергали идею об «отступничестве», предательстве Уэнтворта. Фирт писал: «По справедливости нельзя сказать, что Уэнтворт отошел от народа и перешел на сторону короля. Нет ничего, более ложного, чем перенос современных политических идей во времена, когда не появилось партийное

правительство и даже мечта о нем. Первая аксиома политического кредо Уэнтворта в том, что не было и не могло быть двух сторон» [78, 15]. В историографии XX века преобладало сочувственное отношение к Страффорду, источником которого, однако, в большей степени была не идеологическая подоплека, а пафос сострадания к несправедливо погибшему человеку. Таким было сочинение Цецилии Уэджвуд, вышедшее в 1935 году. В 1971 году было опубликовано исправленное издание этой книги, дополненное архивными материалами, к которым историки получили доступ. В ней Уэджвуд смягчила акценты, признав, что раньше слишком следовала точке зрения самого Страффорда. В середине XX века имя Уэнтворта много раз «всплывало» в трудах историков в связи с дискуссиями вокруг сформулированной Хью Тревор-Ропером антитезы «двор-страна», которая объясняла причины Английской революции в противовес марксистской концепции. В частности, речь шла об интерпретации перехода Уэнтворта в королевскую партию в 1628 году. Позднее историки-ревизионисты не только интерпретировали парламентскую карьеру Уэнтворта с позиции «двор-страна», но, опираясь на его речи, обосновывали концепцию «локализма», занявшую заметное место в новейшей историографии революции. Что касается процесса над Страффордом, то он привлек внимание ревизионистских историков для выявления характера политической борьбы в Долгом парламенте.

Кларендон целиком возлагал вину за наступивший ход событий на фракцию, главную роль в которой играли Пим и Гемпден. В Коротком парламенте предлагались мягкие способы лечения, чтобы «не бередить раны глубоко». Теперь эта фракция считала иначе. Пим, по словам Хайда, говорил ему, что нужен иной настрой, чем в апреле, «теперь недостаточно прибрать пол в доме, а надо сбить паутину вверх и в углах, чтобы не оставить в нем никакой грязи». Первым объектом атак стал человек, который когда-то был защитником и поборником свобод народа, но уже давно «предал эти принципы и по природе отступничества стал великим врагом этих свобод и главным поборником тирании, каких только видели времена» [7, I, 222–223]. Речь шла, конечно, о Страффорде. Был ли арест упреждающим ударом парламентариев? Некоторые историки полагали, что это так. Прибыв в Лондон, перед самым арестом Страффорд якобы призывал короля арестовать лидеров оппозиции по обвинению в государственной измене, «в чем они были действительно виновны, вступив с шотландцами в сговор. Это был дерзкий совет, требовавший большего мужества, чем обладал Карл» [105, 188]. Истинной целью оппозиции, «великих патриотов», по ироничному определению Хайда, были министерские посты: на пост главы совета претендовал граф Бедфорд, а на пост канцлера казначейства Пим. В то же время Хайд выражал сожаление, что этот план провалился, отчасти из-за противодействия Гемпдена, потому что король мог бы получить толковых советников вместо лиц, которые его окружали и уже фактически его предали [7, I, 280–282].

Получив приказ короля с гарантиями безопасности, Страффорд направился в Лондон. Короткий световой день и проблемы со здоровьем сделали путь более долгим, чем в августе, когда он направлялся на север. У него было время обдумать сложившуюся ситуацию. Некоторые современники считали, что он, как святой или неразумный, сам отдался в руки непримиримых врагов. Возможно, однако, что он смотрел на вещи довольно оптимистично. 5 ноября в письме к своему помощнику Джорджу Рэдклифу он сообщал, что, по его мнению, дела «скорее хороши, чем плохи». Даже известие о том, что его прежние враги из Ирландии инициировали обсуждение в палате общин ирландских дел, не выглядело слишком угрожающим: решение было принято незначительным большинством, 165 против 152, что могло свидетельствовать о сильных нейтральных настроениях. Страффорд явно недооценил энергию и последовательность своих врагов. Атаку на Страффорда Пим начал сразу, с постановки ирландских дел. Не называя его имени, Пим осудил управление в Ирландии. В речи 7 ноября он говорил о том, что Ирландия управлялась «опасным и насильственным способом, который может стать моделью для Англии». На следующий день атаку в комитете по ирландским делам продолжил сэр Джон Клотуорти, заявивший, что преследованиям в Ольстере подвергались только истинные протестанты.

станты, сочувствовавшие шотландцам, противники епископата. Напротив, паписты пользовались поддержкой, из них формировали армию. 10 ноября палата обсуждала петиции, поступившие от йоркширского джентри, на церковную политику Лода и финансовые потери из-за войны. Попытка одного из немногих сторонников Страффорда возражать была сорвана. Казалось, пришло время для открытой атаки на министра. Однако Пим выжидал: он заманивал графа в Лондон, то есть в ловушку. Уэджвуд писала: «Пим был мастером времени. Решение об импичменте должно быть принято, как только он и его сторонники узнают, что Страффорда можно вызвать в парламент. Из их действий видно, что у них была ясная идея, какого рода доказательства использовать. Но в какой момент начать атаку? Они не были полностью уверены, что Страффорд прибудет в Лондон. Если подвергнуть его импичменту в его отсутствие, вся сила процедуры будет потеряна, и ничто не помешает ему скрыться за границей, чтобы начать мстить. Следовательно, более чем вероятно: сообщения, что Страффорд следует на юг, воодушевляли Пима. Как только он достигнет Лондона, атака должна стать быстрой и результативной» [108, 314].

Страффорд приехал в столицу вечером 10-го ноября и на следующий день направился в палату лордов. Он просто присутствовал, не включаясь в разговор об условиях мира с Шотландией. Одновременно решающие события происходили в палате общин, где звучали сообщения об оружии в Тауэре и пересказывались слухи, будто Страффорд сказал, что заставит Сити повиноваться. Пим добавил страсти, заявив о папистском заговоре. Затем выступил Клотуорти, который перешел от Рэдклифа к обвинениям его патрона в папистском заговоре, арсеналах оружия в Тауэре и мнимой переброске ирландских войск в Англию. Находясь в парламенте, Страффорд, видимо, осознал, что атака против него началась. Он покинул палату и отправился в королевский дворец Уайтхол. Тем временем общины сообщили лордам о том, что обвиняют его в государственной измене и потребовали его ареста. Слова Фолкленда, что обвинение требует доказательств, в атмосфере паники и заговора не привели ни к чему. В это время в Уайтхале Страффорд говорил с королем. Содержание их беседы не известно. Известие о том, что принимается решение об импичменте, вызвало оцепенение при дворе. Лишь сам Страффорд, кажется, сохранил самообладание и заявил, что отправится в Вестминстер, чтобы «посмотреть в глаза своим обвинителям». Он поспешил, чтобы быть в палате лордов раньше Пима, но опоздал: лордам было сообщено решение общин. Лорды встретили Страффорда требованием исключения. На вопрос о причинах ему была зачитано послание, составленное Пимом. В вестибюле ожидавшие решения верхней палаты коммонеры не сняли в его присутствии шляп. Через десять минут Страффорда пригласили. Он подошел к решетке и преклонил колени. Лорд Манчестер объявил о решении: исключение из палаты и заключение под стражу до рассмотрения дела по существу. Поднявшись, Страффорд начал протестовать, возражая против жестокости такого решения, и просил о возможности выступить. Манчестер ответил, что он лишь вправе подать лордам петицию. Лорд Корк в упор смотрел на него с нескрываемым торжеством. Ричард Бойль, первый граф Корк, станет ключевым свидетелем против Страффорда по ирландским делам. Он относился к числу «новых английских» землевладельцев в Ирландии, то есть получивших земельные пожалования в 1630-х гг. благодаря близости ко двору Карла I и связям с окружением королевы Генриетты-Марии. Между Уэнтвортом и Корком после 1638 г. возникли острые разногласия. Большинство историков объясняло активное участие Корка в процессе прежними обидами. Забегая вперед, отметим, что в ходе процесса Страффорд убедительно возражал Корку, доказывая его ангажированность и личную заинтересованность. В современной историографии высказывалась иная точка зрения: Корк был непоследователен во время процесса, руководствуясь не узколобой ненавистью, вытекавшей из прежних противоречий, а сложным комплексом фракционных отношений, в которые был вовлечен (как с Бедфордом, так и двором королевы). В марте он «представил

целый спектакль, не желая давать показания» и пытаюсь сохранить политическую амбивалентность [68].

Когда Страффорд покинул палату, Максвел, привратник Черного Жезла, потребовал его меч. Граф вышел на улицу, где толпа подвергла его насмешкам; он не обнаружил своей кареты, и Максвел произнес: «Лорд, Вы заключенный, и поедете на моей карете». Первой тюрьмой Страффорда стал его дом. Арест Страффорда знаменовал начало борьбы. Поведение графа в день ареста показало, что он не намерен сдаваться. Как юрист Уэнтворт был, по меньшей мере, не слабее своего главного противника. Если обвинения не удастся доказать, это может привести к роспуску парламента, как произошло в 1626 году, когда во главе оппозиции стоял Элиот. Пим осознавал силу и опыт Страффорда, единственного тогда выдающегося человека в королевской партии, «чьи способности были для него действительно опасны». Уэнтворт проявил себя лидером в парламенте в 1628 году. Он умело манипулировал парламентом в Ирландии, в Коротком парламенте пытался играть на противоречиях верхней и нижней палат. Для Пима «он оставался источником опасности до тех пор, пока был жив, чего нельзя сказать ни о каком королевском советнике, включая архиепископа, который был стар и утратил надежды и энергию. Если Пим и его сторонники хотели поставить под свой контроль политику короля, а это и было их целью, им надо было устранить Страффорда» [108, 318]. Условием для достижения этой цели была атмосфера подозрительности и паники. Пим даже приветствовал одного недалекого парламентария, заявившего, что Страффорд – орудие иезуитов, что было очевидной глупостью. По мнению Кларендона, в парламенте целенаправленно создавалась атмосфера манипулирования чувствами и страхами парламентариев: «В палате общин было много мудрых и уравновешенных людей, богатых и состоятельных, хотя и недостаточно преданных Двору, но сохранивших чувство долга к королю и привязанность к правительству, основанному на законе и древнем обычае. Несомненно, что эти люди не помышляли нарушить мир в королевстве или внести существенные перемены в управление церковью и государством. Следовательно, вначале была работа с ними, направленная на то, чтобы разложить их сообщениями об опасностях для всех, дорожащих свободой и собственностью, о попрании и извращении законов, утверждении абсолютной власти, благоволении папизму в ущерб протестантской вере. Одним внушали эти чудовищные идеи, других пугали, будто их прежние поступки вызывают вопросы, а защиту дадут только они, у третьих будили надежду, что сотрудничество даст должности, звания и любого рода поддержку в продвижении» [7, I, 244]. Такие обвинения в адрес фракции Пима Кларендон высказывал не раз: «Они пользовались всеми способами, чтобы отравить сердца и чувства людей, подавить тех, кому, как им казалось, не нравились их действия. К тому же в наиболее населенные города и приходы были направлены священники и проповедники, известные ненавистью к церкви и государству» [7, I, 591]. Страхи возбуждались на протяжении тех месяцев, когда готовился и происходил суд над Страффордом. Как считал Хайд, они были безосновательными: например, Карл I, «в самом деле, желая, чтобы парламенты собирались чаще, без колебаний подписал Акт о трехгодичном парламенте», хотя в нем содержались положения, ущемлявшие монархические принципы. Хайд видел нарушение прав монарха в том, что ассамблея могла собраться, если король не объявил о ее созыве [7, I, 279]. Действительно, во время процесса, в том числе в феврале, когда был подписан Трехгодичный билль, король придерживался примирительной тактики.

Обвинения против министра вырабатывал специальный комитет, членами которого были вожди Хунты Пим и Гемпден, а председателем Балстрод Уайтлок, в прошлом друживший с Уэнтвортом. Позднее в своих мемуарах Уайтлок почти оправдывался, что работа в комитете, заседавшем ежедневно, порождала «великое расстройство» [19, 124]. Из состава комитета почти сразу вышел Денцил Холлиз, последовательный сторонник оппозиции и брат жены Уэнтворта, быстро понявший, что целью Пима была смерть обвиняемого. Он не хотел участвовать в политическом убийстве своего родственника. 18 ноября было постановлено, что парламен-

тарии могут посещать арестованного только по разрешению палаты. Тогда же сэр Генри Вейн-младший заявил, что в его распоряжении находятся записи, сделанные его отцом и доказывавшие, что на заседании Тайного совета Уэнтворт предлагал использовать ирландскую армию. Хотя с этим доказательством были юридические и даже моральные проблемы (получалось, что Вейн-младший попросту выкрал их у отца), но именно оно, в конечном счете, сыграет главную роль.

Обвинение состояло из двух частей. В первую входили статьи общего характера, в которых речь шла о том, что Уэнтворт «изменнически» (это слово постоянно повторялось) ниспровергал английские законы, узурпировал право монарха на жизни, свободу, земли и имущество подданных, намеревался присвоить королевские доходы, нанес ущерб власти, поддерживая папистов-католиков, разжигая вражду между англичанами и шотландцами. Его вину в поражении в войне с Шотландией, подрыве прав парламента [11, II, 737–738]. Во второй части были специальные статьи, конкретизировавшие эти обвинения. Только две из них касались Уэнтворта как главы Совета по делам севера, причем они не содержали конкретных примеров злоупотреблений. Следующие шестнадцать статей относились к управлению Ирландией; они в большой мере отражали позицию политических противников графа в этой стране. Главную роль в подготовке их сыграл Клотуорти. Речь шла об отношении к ирландцам как к «завоеванной нации», о тираническом правлении, о нарушении законов и прав подданных, в том числе собственнических. Однако ирландцы, за исключением Клотуорти, смотрели на дело иначе, чем Пим. Их больше волновало, чтобы избавиться от губернатора, доставлявшего беспокойство и личный ущерб: «В английской политике для короля, парламента и будущего правительства Англии импичмент Страффорда был делом величайшего значения; в ирландской политике (точнее, для «новых англичан» в Ирландии) это было просто более зрелищным, чем обычно, способом избавиться от непопулярного Лорда-лейтенанта» [108, 329]. Страффорд сразу понял, что сможет отвергнуть эти обвинения, доказав, что за ними скрываются личные интересы его ирландских врагов. Напротив, Пим только в ходе процесса, когда Уэнтворт убедительно дискредитировал своих обвинителей, обнаружил, что упор на ирландские проблемы был его ошибкой. Наибольшую опасность для обвиняемого таила 23-я статья, касавшаяся намерения направить ирландскую армию для подавления недовольства в Англии. Последняя группа обвинений относилась к периоду после лета 1640 года, касалась незаконных поборов с населения.

В мемуарах, то есть задним числом, Уайтлок утверждал, что в комитете отказался отвечать за обоснование 23-ей статьи, обвинявшей Страффорда в намерении использовать ирландскую армию «для покорения этого королевства. Переговорив заранее со свидетелями, он (Уайтлок, как и Хайд, писал о себе в третьем лице) сообщил комитету, что не нашел свидетельства достаточными. Он не считал, что выдвижение этого обвинения послужит чести палаты, поскольку доказательство провалится, поэтому эту статью лучше убрать» [19, 125]. Через тринадцать дней после ареста, 24 ноября Пим представил в палате обвинения. На следующее утро Страффорд был доставлен в парламент, чтобы заслушать их. Ему было позволено подать петицию о привлечении защитников и свидетелей. Затем из палаты лордов он был доставлен в Тауэр, ставший местом, где он провел последние месяцы жизни. За графом сохранялось право обмениваться письмами с королем. Парламентарии могли его посещать, получив разрешение, но дав обязательство не раскрывать ему хода событий. Это обязательство, конечно, не выполнялось. С наступлением зимы ввели правило: посещать пленника только до наступления темноты, что ограничивало доступ к нему сторонников-парламентариев. В начале декабря условия содержания стали строже: помещение, где он находился, было ограничено тремя комнатами, при выходе из каждой находилось двое солдат, дверь на ночь запиралась, прогулки было разрешено совершать только с охраной. Несмотря на свое незавидное положение, Страффорд сохранял спокойствие и силу духа, он ежедневно молился в церкви, совершал прогулки. Он

готовился дать отпор противникам, доказав бесосновательность выдвигавшихся против него обвинений.

Меры по устроению режима принимались в атмосфере слухов о папистском заговоре. Никто из сторонников королевской партии не чувствовал себя в безопасности. 5 декабря с разрешения Карла двор покинул государственный секретарь Уиндбэнк: из-за ночного тумана никакой капитан не решался выйти в море, и ему самому пришлось грести, чтобы на лодке пересечь пролив. 21 декабря парламент принял решение об импичменте Лорда-хранителя печати Финча – в ту же ночь он бежал. 18 декабря по предложению Пима приняли билль об импичменте архиепископа Лода, обвиняемого в государственной измене. 1 февраля 1641 г. он был заключен в Тауэр. В декабре к обвинениям, сформулированным комиссией Уайт-лока, добавились Ремонстрация ирландского парламента, составленная врагами Страффорда, и обвинения, предъявленные шотландскими комиссарами. 16 января палата лордов завершила допрос свидетелей обвинения, которых общины просили допросить. Наконец, 30 января Страффорд был доставлен в палату, чтобы заслушать обвинителей. Накануне в Лондоне собирались толпы, угрожающе настроенные к нему, поэтому звучали предложения доставить его в Вестминстер тайно ночью. Идею отвергли, и Страффорда привезли днем по Темзе, при этом солдаты охраняли весь путь до парламента. В толпе звучали угрозы, но нападения не произошло. После двухмесячного заключения Уэнтворт выглядел бледным и сгорбленным. По просьбе одного из сторонников ему было разрешено выслушать обвинения сидя. Обвинение включало девять общих и двадцать восемь специальных статей. На составление обвинения ушло больше двух месяцев, на подготовку ответа Страффорду дали всего две недели, но он был настроен оптимистично, полагая, что в обвинениях мало конкретного содержания, и их будет легко опровергнуть.

17 февраля Страффорду была дана дополнительная неделя на подготовку ответа, 24 февраля он предстал перед палатой лордов. На заседание прибыл король, который почти час беседовал с графом, затем Карл I занял свое место на троне, и помощники Страффорда зачитали ответ на каждое из обвинений; процедура продолжалась в течение трех часов. Затем он обратился к палате с просьбой пригласить его свидетелей, но та отказалась сделать это без согласия общин – сигнал для графа, что связь между палатами в его деле теснее, чем хотелось бы. Однако компромисс был достигнут: обвиняемому позволили пригласить своих свидетелей и задавать вопросы свидетелям обвинения, но без принесения клятвы. В любом случае, дорога к открытому процессу была открыта, его начало было назначено на 22 марта. Палата общин опубликовала обвинения; ответ графа опубликован не был. Повсюду распространялись ирландская и шотландская ремонстрации. Уэджвуд писала: «Страффорд был превращен в чудовище; он предал короля и страну, воодушевлял папистов, развязал войну против верных подданных, принуждал и наказывал незащитных людей на севере и в Ирландии, использовал угрозы в судах, препятствовал выполнению законов, приказывал пороть, отправлять в заключение и вешать ирландцев обнаженными, гнал с полей тысячи голодающих детей» [108, 333].

Утром 22 марта по Темзе на барке обвиняемого доставили в парламент. Его сопровождали пять других барок, на каждой из которых находились по двадцать солдат. В Вестминстере в середине зала был построен помост, на котором располагалось место для обвиняемого, позади него располагались помощники и адвокаты. Коммонеры и шотландские комиссары, а также лица, зарезервировавшие места, заняли ряды, расположенные, как в амфитеатре, сзади помоста. Перед ним, напротив друг друга были ряды пэров. Напротив помоста, сооруженного для Страффорда, находился другой для председателя суда пэров лорда Арандела и клерков палаты. За ним в конце зала, рядом с тронном располагалось место для принца Уэльского. Принц Чарльз присутствовал на заседаниях почти ежедневно, хотя и не в течение всего дня. Решетка по периметру отделяла главных действующих лиц от остальных присутствующих. Страффорд, в черной одежде, опустился на колени перед решеткой и встал, когда Арандел

жестом позволил ему это. В девять часов, после движения в занавешенной ложе, свидетельствовавшего, что король и королева прибыли, действие началось. Появление королевской четы было неожиданным; лорды не были облачены в мантии.

В первый день все ограничилось зачитанием статей обвинения и ответа на него, на следующий день началось рассмотрение дела по существу. Атаку начал Пим, доказывавший неправомерность утверждения защиты, будто действия Уэнтворта законны. Затем звучали выступления свидетелей обвинения, затрагивавшие ирландские проблемы. Защищаясь, Страффорд упирал на то, что законы Ирландии отличны от английских, и, управляя этой страной, он неизбежно следовал им. Уже в этот день стала очевидной слабость обвинений – они опирались на вторичные свидетельства и представлялись людьми, имевшими к обвиняемому личную неприязнь. На другой день обвинителю Мэйнардусу удалось исправить первое впечатление, указав: если каждое обвинение поодиночке трудно назвать изменой (на этом настаивал граф), то взятые вместе, они доказывают, что в его политике существовала система, позволяющая так их квалифицировать. Один из противников графа сэр Джон Рей утверждал, что собравшиеся – не только парламентарии, они часть английской нации: «Как парламентарии последуем нашим предшественникам и будем тверды в следовании законам; как англичане призовем в мыслях несокрушимый дух и отвагу сердец древних героев, от которых мы исходим; будем, как они, свободны от малодушия, презрیم лесть и раболепие, покажем, что в наших венах течет та же кровь» [11, II, 342–343]. Тем не менее, в ходе процесса беспокойство обвинителей становилось сильнее, а Страффорд казался более уверенным и спокойным. Несколько раз его ирония вызывала смех в отношении свидетелей, например, лорда Корка, якобы слово в слово помнящего сказанное семь лет назад. Хайд затем высоко оценил стиль защиты: «Граф держался с покорностью и смирением и в то же время с мужеством, что давало ему преимущества. По правде, он защищался со всей возможной ловкостью, отвечая на одно, уклоняясь от другого с максимальным умением и красноречием. Хотя до того, как предстать перед решеткой, он не знал, в чем именно его будут обвинять, и какие доказательства будут представлены, ему не требовалось много времени, чтобы собраться, и он не пропустил ничего, что могло бы сыграть роль для оправдания» [7, I, 290–291].

5 апреля процесс подошел к обсуждению самой опасной для Страффорда 23-ей статьи, опиравшейся на бумаги Вейна-старшего, якобы доказывавшие, что он намеревался использовать ирландскую армию для подавления недовольства в Англии. Много зависело от показаний самого Вейна. Обвинители потребовали, чтобы Страффорд отвечал сразу на пять статей. Вейн выступил довольно неопределенно: он подтвердил, что сразу после роспуска Короткого парламента на заседании Тайного совета Уэнтворт произнес эти слова. Вейн также сказал, что не может интерпретировать, что имелось в виду, под «этим королевством», Англия или Шотландия. Он уточнил, что Уэнтворт произнес слово «это» (*this*), а не «то» (*that*) королевство. По ходатайству Страффорда на процесс были приглашены другие члены совета, и никто из них, ни маркиз Хамилтон, ни епископ Джаксон, ни канцлер Казначейства Коттингтон, не подтвердили, что слышали их. Страффорд холодно поздравил Вейна с тем, что тот помнит слова точнее, «чем тот, кто их произнес, или любой, кто при этом присутствовал» [108, 349]. На возражения графа один из обвинителей, Глин, заметил, что хотя Вейн единственный, кто подтверждал эти слова, но «величайший из свидетелей», «глас народный» (*‘vox populi’*), всегда декларировал намерение Страффорда сокрушить английские свободы. Уэджвуд полагала, что Вейн не был лжецом, он по-своему понял слова Уэнтворта, произнесенные в горячке спора, совсем не так, как другие присутствовавшие лица. Если бы смысл слов был таков, как понял Вейн (и, конечно, Пим), они вряд ли забыли бы их. Неоднозначная роль королевских министров во время процесса Страффорда подтолкнула Хайда к рассуждению об английской конституции и Тайном совете: «Правда в том, что тонущая в отчаянных условиях монархия может удержаться на поверхности только с помощью благоразумного и твердого Совета, опирающе-

гося на добродетель и активность короля; ее нельзя спасти и улучшить иначе, как сохраняя единство, достоинство и репутацию Совета. Всегда необходимо привлекать в Совет влиятельных [в парламенте] людей с достоинствами, способностями и качествами, подходящими для управления. Таких людей не может быть много. Привлечение их позволит учесть настроения в парламенте и избежать в будущем положения, при котором Совет дает губительные рекомендации королю» [7, I, 261]. Таким образом, Хайд осторожно вел речь о правительстве, опирающемся на доверие парламентариев.

7 апреля обсуждались статьи, по которым Уэнтворт обвинялся во взыскании корабельных денег, а также в обложении дворянства Йоркшира незаконными сборами. 8 апреля суд вернулся к вопросу о намерении использовать ирландские войска, и вновь граф убедительно отверг это обвинение. 9 апреля утром Страффорд, будучи болен, ходатайствовал об однодневном перерыве. Обвинители заподозрили хитрость, но депутация, прибывшая в Тауэр, подтвердила, что он нездоров. В тот же день в палате общин Джон Рей воодушевлял слушателей призывами не останавливаться на полумерах. Используя в своей речи метафоры тела, он призывал идти до конца в деле Страффорда: «Лучший учитель, опыт, учил с давних пор: что не доведено до конца, приводит к печальным и достойным сожаления результатам. Конвульсии и боль, переживаемые сегодня Великобританией, показывают: не все дурные жидкости очищены, не все препятствия разрушены» [11, II, 743–744]. Но и осуждение Страффорда еще не конец; за ним должен последовать Лод, ибо «ежедневно его агенты подрывают основы нашей веры».

10 апреля процесс возобновился, и в этот день произошел решительный поворот. Сторонникам Пима стало совершенно ясно, что перспектива осуждения Страффорда путем импичмента, требовавшая принятия решения большинством на основании представленных доказательств, сомнительна. Они решили переформулировать обвинения против Страффорда в виде билля о Государственной измене (Bill of Attainder). В этом случае лорды могли принять решение о смертной казни без заслушивания свидетелей, то есть отбросить сомнения в неубедительности доказательств. Суд, требовавший доказательств, фактически превращался в слушания по вопросу о безопасности государства. Поводом для изменения порядка судопроизводства стало заявление Пима о новых доказательствах виновности Страффорда по двадцать третьей статье обвинений. В своем сенсационном заявлении Пим сообщил, что в октябре, когда Вейн-младший показал ему записи отца (оригинал протоколов был уничтожен Вейном-старшим по приказу короля перед началом работы Долгого парламента), он сделал копии, которые может представить в качестве доказательства. Таким образом, Пим становился новым свидетелем. Это решительно меняло дело.⁸

В оценке тактики Пима в те дни между историками есть несогласие: «Действительно ли Пим ответственен за билль о государственной измене? Те, кто считает, что нет, основываются на высказанном им желании продолжать процесс импичмента. В этом, без сомнения, он был дальновиден. Предложенный билль мог и фактически стал раздражителем для лордов. Он усиливал их намерения следовать путем импичмента. Билль казался ему преждевременной мерой» [105, 201]. Уэджвуд, кажется, не сомневалась, что инициатива внесения билля о государственной измене целиком принадлежала Пиму, даже если он предпочел выставить на первый план других людей. П. Загорин полагал, что Пим на протяжении некоторого времени предпочитал вариант с импичментом, полагая, что его свидетельство убедит лордов. Поэтому

⁸ Записи Пима, в частности, содержали следующее: «К. С. (король Карл – А. С.): «Как мы сможем вести наступательную войну, если у нас нет денег?» L. L. Ig. (лорд-лейтенант Ирландии – А. С.): «Займем в Сити 100 000 ливров, продолжим энергично собирать корабельные деньги. Продемонстрировав любовь к подданным (видимо, речь идет о Коротком парламенте – А. С.), Ваше Величество теперь свободно от правил управления и может использовать силу. В. В. использовало все пути, но не нашло понимания, и будете оправданы Богом и людьми. У Вас есть армия в Ирландии, и Вы можете использовать ее для приведения этого королевства в послушание; поскольку я убежден, что шотландцы не продержаться и пяти месяцев». L. Arch. (архиепископ – А. С.): «Вы использовали все возможности, но это не принималось. Теперь законно применить силу» [11, II, 745–746].

билль был внесен сэром Артуром Хезельригом (по словам Кларендона, глупым самоуверенным человеком, которого подобрал Пим, и который готов был для его партии на все), а Пим даже 12 апреля предлагал «идти другим путем» [113, 220–221]. Рассел решительно возражал против тезиса Уэджвуд о «сфабрикованной Пимом теории измены». «Король Пим», как его называли противники, не был безусловным вождем в парламенте; билль о государственной измене поддерживали многие другие влиятельные политики, в том числе Фолкленд, и, «как я твердо уверен, Хайд» [85, 30]. Что касается юридической теории, то «она, возможно, трактовалась расширительно во время процесса Страффорда, но многие ее элементы имели долгую, иногда респектабельную историю». В ее истоках статут 1352 года, который обосновывал обвинение стремлением разделить монарха и народ. Обвинение в государственной измене применялось по большей части во времена войны Алой и Белой Роз, Реформации и гражданских войн. Если в теорию государственной измены в рассматриваемый период были привнесены новые элементы, то их привнес, как считал Рассел, не Пим, а сам Карл I в 1629 году, когда сформулировал вопросы к судьям по делу Элиота. Как бы то ни было, потенциальной проблемой для врагов Страффорда было то, что акт о государственной измене, в отличие от импичмента, должен был скрепить подписью король.

В течение недели, с 14 по 21 апреля, билль о государственной измене обсуждался в палате общин, в это время процедура импичмента в палате лордов продолжалась, и 13 апреля Страффорд выступал со своей последней речью. Он убеждал пэров отвергнуть обвинение в государственной измене, основанное на произвольном толковании законов, утверждал, что это будет мудрое решение для них самих, потомков и королевства в целом [11, II, 747–748]. Трудно сказать наверняка, какое впечатление произвела его речь на лордов. Сам он, по-видимому, считал ее успешной и по возвращению в Тауэр распевал благодарственные псалмы. Также неизвестно, знал ли он в подробностях, что происходило в Вестминстере и Уайтхале. Между тем, Карл I попытался создать партию сторонников в палате лордов. Главные надежды он возлагал на Фрэнсиса Рассела, графа Бедфорда, человека, которого считали лидером оппозиции в парламенте, более умеренного политика, чем другие пуритане. Переговоры с ним велись уже с февраля. Королева Генриетта-Мария встречалась не только с ним, но и лордом Сэем и даже с Пимом. В отличие от двух последних Бедфорд постепенно склонялся к предложениям двора. Он выражал готовность принять должность Лорда Казначейства, то есть фактически встать во главе правительства. Он разделял мнение о виновности Уэнтворта, но не был сторонником смертного приговора. Фактически он мог удовлетвориться обещанием короля и самого Страффорда полностью уйти из политики.

Однако положение «страффордианцев» не было радужным. В поддержку билля выступил лорд Фолкленд, имевший маленький рост и высокую репутацию. Он утверждал, что «по справедливости, Страффорд должен умереть»: «Со своих пяти футов, из которых три были честным патриотизмом, он выпустил убийственную стрелу в шесть футов измены Страффорда» [108, 365] Уэджвуд намекала, что в этом присутствовала и личная неприязнь: Фолкленд был сыном прежнего Лорда-лейтенанта Ирландии, по отношению к которому Уэнтворт никогда не был не только доброжелателем, но просто тактичен. 20 апреля палата общин обратилась к делу Уильяма Принна, приговоренного в 1634 году к тюремному заключению, клеймлению и отрезанию ушей за антиправительственные сочинения (он был освобожден Долгим парламентом). Это означало, что злодеяния Звездной палаты и самого Уэнтворта не забыты. Хайд сообщал, что в ноябре, когда Принн и двое других пленников, Баствик и Буртон, были освобождены, толпы лондонцев (более десяти тысяч человек) встречали их цветами и венками, «шумно выражая радость» по поводу их возвращения и негодование в адрес епископов, «жестоко преследовавших таких праведных людей». По его мнению, эти «волнения и безумие» были результатом манипулирования народом, пасквилей и ложных проповедей [7, I, 269–270]. Поскольку необходимые и законные меры не были вовремя приняты, в том числе Тайным

советом, «семена превратились в растения, которые выросли и дали урожай в виде мятежа и предательства».

21 апреля палата вернулась к биллю. В этот день на заседании присутствовало всего 263 члена из почти пятисот. В Лондоне было неспокойно, явные сторонники королевской партии или сомневающиеся предпочли не участвовать в заседании, да и многие присутствующие были готовы покинуть помещение. Тогда Пим приказал запереть двери и воспрепятствовать попыткам оставить палату. Билль был предложен к третьему чтению. В этот момент всеобщего возбуждения выступил сын графа Бристола Джордж Дигби. Он был сторонником импичмента, входил в состав комитета по выработке обвинений, но категорически возражал против билля о государственной измене. Дигби говорил, что вовсе не изменил отношения к Уэнтворту и по-прежнему считает его «самым опасным министром, не расположенным к свободам подданных; его действия были в высшей степени тираническими, что усугубилось данными ему Богом способностями, использованными дьяволом». Однако обвинения в стремлении разрушить свободы Англии при помощи ирландских солдат не доказаны, и если билль будет принят, «это станет причиной великого раскола и взрыва в государстве» [11, II, 349–354]. Речь Дигби считается одним из образцов ораторского искусства и примером мужества. В годы гражданской войны Дигби стал ведущим королевским советником, оказывал на Карла сильное влияние. Многие историки полагали, что король, пренебрегая советами более умеренных Фолкленда и Хайда, эмоционально и психологически тянулся к Дигби, помня о его речи в защиту Страффорда. Это, в свою очередь, привело к ряду недалековидных решений. Трудно судить, помогла ли графу эта речь. Тогда, 21 апреля, открыто поддержать Дигби решился только один коммонер, заявивший, что «мечом правосудия может быть совершено убийство». За билль проголосовало 204 депутата, против 59. На следующий день Дигби был обвинен в нарушении тайны прений в комитете, но оправдался. Поддержавший его депутат от Виндзора был исключен из палаты, а имена членов, голосовавших против обвинения, были расклеены в Лондоне с подписью: «Это страффордианцы, предатели правосудия, враги страны».

После принятия решения палаты общин король все же рассчитывал спасти Страффорда. 23 апреля он писал графу, что не сможет использовать его на службе, но сохранит ему жизнь, честь и собственность. После отставки Коттингтона он предложил пост канцлера Казначейства Пиму, но последний королю не доверял и отказался. 27 апреля ситуация обострилась: король захотел увеличить гарнизон Тауэра, что было воспринято верным парламенту комендантом Балфуrom и лондонцами как заговор для освобождения Страффорда, который добавил масла в огонь, якобы предложив Балфуру взятку за помощь в побеге (возможно, по совету Бедфорда). Ходили слухи, что корабль стоял наготове, чтобы вывезти пленника. В атмосфере слухов об армейском заговоре и начинавшейся паники 29 апреля билль был внесен в палату лордов Сен Джоном. Его речь сопровождалась резкими нападками на Страффорда («Он отказывал всем в законе, почему он должен иметь его»). Оратор утверждал, имея в виду графа, что «никогда не считалось жестокостью или нечестным делом бить по лбу лис и волков, потому что это хищники» [108, 370; 113, 222]. 30 апреля Карл встретился с Бристолом, а также с Бедфордом, который советовал выступить перед палатами, разъяснить опасность билля, тем самым привлечь сомневающихся лордов. Бедфорд, вероятно, согласился возглавить правительство и помочь спасти жизнь Уэнтворту. Но в следующую ночь он смертельно заболел, несколько дней мучительно страдал и 9 мая умер от оспы. Так Страффорд потерял последний шанс. Впрочем, Хайд не был уверен, что Бедфорд смог бы это сделать, останься он в живых. В последние дни он говорил близким людям, что боится ярости и безумия парламента, чья злоба и предубеждения принесли королевству больше вреда, чем долгий перерыв в его деятельности. Он был мудрым человеком и стремился к умеренному политическому курсу. «Многие, хорошо знавшие его люди, говорили, что он умер вовремя, – замечал Кларендон, сохранив славу и удачу,

в противном случае на него пала бы вина за те очевидные несчастья, которые люди разного положения испытали позднее» [7, V, 335].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.